РАССКАЗЫ СТАРЫХ ГАЗОВИКОВ

МОСКВА 2023

…иных уж нет, а те далече…
А. С. Пушкин

ПРЕДИСЛОВИЕ

За сорок семь лет работы в газовой промышленности я побывал во многих местах: в бывших республиках средней Азии, на Украине, где проработал десять лет, во многих регионах нашей необъятной Родины от крайнего Севера до Краснодарского края, посетил почти все компрессорные станции Белоруссии, был во многих странах Европы, в Америке и Китае. Встречался с разными людьми, в основном хорошими. Раньше я всегда хвалился, что нет ни одной компрессорной станции в бывшем Советском Союзе, чтобы я не встретил там знакомого или по крайне мере человека, с которым мы хорошо знали нашего общего знакомого. Я навсегда запомнил случай братства газовиков, когда проезжая по центральной Украине на машине, где никогда не был до этого, попал в аварию. Был сильный дождь, и я, отвлёкшись на приоткрытое окно, съехал в кювет. Типичная ошибка неопытных водителей, которым я в то время был. От проезжающих мимо водителей узнал, что недалеко находится компрессорная станция Тальное магистрального газопровода «Союз», куда они меня и подбросили. Там никто не знал меня, и я никого не знал, но узнав, что я газовик, помогли вытащить машину и отбуксировать её на ближайшую СТО.

Где-то в году 1979 мы с моим коллегой КИПовцем приехали перенимать опыт в производственное объединение «Экспорттрансгаз», которое находилось в г. Черкассы. Заходим в кабинет главного инженера Герцога Х.И. Так мол и так, хотим посмотреть, как у вас организована эксплуатация на КС, поговорить с коллегами, обменяться опытом. Спрашиваю: «Подскажите, как бы нам добраться на ближайшую КС?». Христиан Иванович подходит к окну, а кабинет его находился на последнем этаже административного здания, и спрашивает: «За один день управитесь?». Я молча кивнул, а он продолжал: «Видите белую волгу? Скажите водителю, его Сергей зовут, чтобы отвёз в Александровку». А КС Александровка находилась от Черкасс ни много ни мало за сто километров.

А какая взаимовыручка и помощь была на Северах! «Привыкай летать без билетов, здесь Север, тут всё по-другому. Ни замков на балках, ни билетов на вертолёты, ни зависти, ни злости. Здесь человек человеку – друг, товарищ и брат. Иначе нельзя...» - ответил один опытный монтажник молодому специалисту на вопрос, где можно купить билет на вертолёт.

Изменилось время, изменились люди. Какой бы сейчас главный инженер газотранспортного общества отдал на сутки свою персональную машину незнакомым ему людям, да ещё из другого газотранспортного общества? Что-то я сомневаюсь. Ещё и через заслоны секретарей и референтов нужно пробиться, чтобы к нему в кабинет попасть.

Находясь в командировках, в поездах и самолётах, за дружеским столом за рюмкой чая я много слышал разных историй, весёлых и грустных, коротких как анекдот и длинных повествований и у меня давно зрела мысль, что хорошо бы записать эти истории бывалых газовиков, своим трудом в строительстве и монтаже, эксплуатации и ремонте, создававших эту великую систему газопроводов, несмотря ни на какие тяготы.

Время неумолимо движется вперёд, и нет уже многих из первопроходцев, но ещё живы те, кто помнит их молодыми и сильными. И пусть память о них вечно будет жить в сердцах газовиков.

Герке В.Г.

Чирсков В.Г.

А Я ВАС ДАВНО ЗДЕСЬ ЖДУ!

С. А. Оруджев с присущей ему находчивостью не раз выходил из весьма сложных ситуаций. В 1976 году в Тюмень прилетел А.Н. Косыгин. Его сопровождали от Миннефтегазстроя Б.Е. Щербина и я, от Мингазпрома – С.А. Оруджев. После посещения нашего завода блочных устройств в Тюмени Алексей Николаевич поехал на камвольный комбинат, мы с Щербиной направились в наш Главк, а Оруджев – в свой Главк. До вылета в Оренбург оставалось мало времени и, боясь опоздать, я организовал радиооповещение о передвижениях Косыгина. Как оказалось мера эта не была лишней. Хорошо зная текстильное производство, Алексей Николаевич недолго задержался на комбинате и направился в аэропорт. Мы с Щербиной, предупредив по телефону Оруджева, поспешили туда же и успели с трудом. Сабит Атаевич подъехал, когда уже убрали трап.

Вылетев на втором самолёте и прибыв в Оренбург немного позже, чем Косыгин, Оруджев сразу же поехал на газоперерабатывающий завод, который должен был посетить Председатель Совета Министров. Там со словами: «Алексей Николаевич, а я уже давно Вас здесь жду», он и встретил Косыгина. Тот, конечно же знал об опоздании министра Газпрома к вылету самолёта, но ничего не сказал ему об этом, отдавая должное находчивости Сабита Атаевича.

ХОККЕЙ

Запомнился случай, который произошёл на одном из совещаний в Игриме. Тогда я был заместителем министра Миннефтегазстроя СССР и часто сопровождал Сабита Атаевича в его поездках в Сибирь. На совещании присутствовало более полусотни местных руководителей, разговор был весьма серьёзный. А в то время шёл чемпионат мира по хоккею, и наши спортсмены играли в финале. В Игриме телевидения ещё не было, но в соседней с залом заседания комнате несколько человек по приёмнику слушали трансляцию матча и время от времени в записках сообщали о его результатах. Среди присутствующих было много болельщиков. Я знал об этом и решил написать Оруджеву записку.

Сабит Атаевич её прочитал и встал со своего места.

– Товарищи, я вот вам должен сообщить, – торжественно начал он – Мы здесь решаем вопросы обеспечения страны газом. Это очень важный государственный вопрос. Но есть и другой не менее важный духовный вопрос. Наши спортсмены сейчас играют в хоккей, и до конца матча осталось десять минут. Есть предложение прервать наше важное совещание и послушать, как наши должны победить в этом ответственном матче. Принесите этот приёмник сюда и поставьте на стол, пусть все слушают.

После завершения репортажа, поздравив присутствующих с победой советской сборной, министр продолжил совещание. Напряжённость спала, разговор вошёл в нормальное деловое русло.

ПРЕФЕРАНС

Однажды во время очередной поездке на Север во время многочасового полёта в самолёте я, Г.П. Богомяков, Е.Н. Алтунин и ещё кто-то пассажиров играли, желая скоротать время, в преферанс. Сабит Атаевич сам не играл. Он сидел к нам спиной с книгой в руках, но как оказалось, прислушивался к нашему разговору. И когда мы несколько раз уличили Алтунина в нежелании рисковать, министр вдруг подал голос:

– Ты, Алтунин, если сел играть, то играй как положено! – предупредил он.

Игра продолжалась без особых перемен тактики со стороны Алтунина, что вызвало очередные упрёки со стороны его партнёров. И тогда Оруджев не выдержал. Поднявшись со своего места, он напустился на осторожного игрока.

– Ты что не понял, как нужно играть? Играй, рискуй, если проиграешь – дам премию, но газовую промышленность не позорь перед строителями! – потребовал он.

РЕЗНЯ

На одном из заседаний Совмина в споре с работником Госплана Лалаянцем о выделении отрасли средств, Сабит Атаевич в качестве последнего аргумента трагическим голосом произнёс:

– В прошлые времена азербайджанцы резали армян, затем армяне резали азербайджанцев. А сейчас вы режете меня. Не лучше ли прекратить эту резню и дать денег на развитие газовой промышленности. Тогда всем будет хорошо!

Гудзь А.Г.

ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА

Я находился в кабинете Сабит Атаевича, когда ему сообщили о присвоении звания Героя Социалистического Труда. Услышав новость по телефону от какого-то важного чиновника из Кремля, он даже растерялся. Затем, наскоро поблагодарив за хорошее известие, обратился к своему заместителю.

– Анатолий, скажи мне быстро номер моего домашнего телефона.

По всему было видно, что от нахлынувшего волнения он его забыл. Анатолий Григорьевич назвал номер. Министр набрал его, и когда жена подняла трубку, с сильным акцентом громко произнёс:

– Фатьма, нам с тобой присвоили звание Героя Социалистического Труда!

И было ясно, что выполняя ежедневно большую самостоятельную и ответственную работу, Сабит Атаевич в то же время не отделял себя от жены и поэтому в первую очередь поспешил поделиться с ней радостью.

Баталин Ю.П.

УРОК НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Однажды, С.А. Оруджев посетил объекты «Башнефтегазстроя». Как управляющий трестом, я постоянно сопровождал его и отвечал на все его вопросы. Безусловно в нашем большом и сложном хозяйстве было не всё идеально. Имели место недостатки, какие-то упущения и прочее, достойное замечания и критики. Но мне казалось, что Сабит Атаевич уж слишком придирчив. Поэтому со свойственной молодости смелостью, болея за дело, я неоднократно вступал в спор с министром. К тому времени наш трест, хотя и был самым молодой, но уже имел немалые трудовые заслуги, и я считал себя обязанным постоять за авторитет коллектива.

Оруджев некоторое время терпел мои возражения. Но в конце концов его терпение лопнуло. Он остановился и попросил сопровождающих нас работников министерства и треста отойти в сторону. Поняв, что разозлил высокого гостя, я приготовился к худшему, но решил не сдаваться.

– Баталин, я вижу Вас впервые, хотя до этого о Вас слышал и, признаюсь, в том числе и немало хорошего, – начал разговор Оруджев – Но сегодня я вижу, какой Вы задиристый.

– Я не задиристый, – продолжал возражать я. – Речь идёт о работе большого коллектива строителей, честь которого я отстаиваю только в тех случаях, когда считаю упрёки несправедливыми...

– Я не об этом хочу сказать, – прервал меня Сабит Атаевич, – Не в недостатках дело, с ними, я уверен, вы со временем разберётесь и справитесь. Я хочу поговорить о вашей реакции на мои замечания. Возражая и споря, Вы сами нервничаете. Я также нервничаю. Разговор не получается. А какое впечатление у меня останется о Вас после расставания? Ничего хорошего, одно только расстройство. А ведь нам предстоит и в будущем много вместе работать, причём мне придётся не раз принимать участие в решении проблем вашего треста. Подумайте об этом и не верьте тому, что руководитель беспристрастно судит и своих подчинённых. Он тоже человек и находится во власти настроений. И от того, в каком настроении принимается решение, зависит очень многое. Говорю это Вам не как министр, а ка отец.

Если Вам не безразлично Ваше будущее, учитесь вести себя более гибко, особенно с руководством. Не спешите спорить, даже если начальник не прав. Дайте ему высказаться и уж потом, если найдёте возможным, попробуйте убедить его в обратном. Высказавшись, человек как бы снимает с себя груз, становится сговорчивее и добрее, более склонным выслушать и понять другого. Умейте использовать это в интересах дела, за которое Вы так болеете.

Слова Сабит Атаевича врезались мне в память на всю жизнь. И всякий раз, когда подводила выдержка и я вступал в спор с человеком, я чувствовал себя виновным перед Оруджевым и всячески старался сдержать эмоции, перевести разговор в более спокойное, деловое русло.

МИНИСТР ХАОСА

В начале своей деятельности в качестве министра Оруджев стремился почаще выступать на различных совещаниях высокого уровня, в том числе и для того, чтобы представиться членам правительства, быть узнаваемым ими. Тогда от этого зависел успех решения многих проблем отрасли, и, как мудрый политик, Сабит Атаевич использовал все средства, способные помочь делу. Но из=за своего южного темперамента и восточного акцента эти выступления иногда вызывали у слушателей совсем неожиданную реакцию, порой воспринимались с юмором. На одном заседании Совета Министров Оруджев стал объяснять, что такое газ, употребляя термины типа «хаотическое движение частиц». Затем, говоря о его транспортировки, для большей образованности произнёс: «…весь этот хаос (имея в виду газ) под давлением подаётся в трубу, сжимается и перегоняется от одной компрессорной станции к другой…». Выступавший следом министр торговли свою речь начал словами «Как уже отметил «министр хаоса», чем вызвал смех у всех присутствующих. Сабит Атаевич, нисколько не обидевшись, хохотал вместе с остальными. Оруджев умел ценить юмор и не обижался на смех, даже если сам был его объектом.

Зайцев Ю.В.

РЫБАЛКА

Сабит Атаевич Оруджев был заядлым рыболовом. Он очень радовался, когда я ему на день рождения подарил фирменный спиннинг. Собирал приманки, крючки, разнообразные снасти.

Помню, на Урале ловил он с катера рыбу. Нас предупредили, что здесь водятся сазаны огромных размеров. Так вот тут-то ему крупно повезло. Закинул он спиннинг, а вытянуть не может, думал зацепился крючок за корягу. Позвал матроса, тот тоже еле справился, вытянул – а там просто невероятных размеров сазан плещется, золотистой чешуёй поблескивает.

Оруджев начал ругать матроса, почему тот не позволил ему вытащить рыбу лично? Матрос гнев ожидал такого поворота дела и начал оправдываться. Но удачный лов у министра никто не оспаривал, и вскоре он сменил гнев на милость.

Если кто-то простой удочкой вылавливал большую рыбу, а у Оруджева на его шикарный спиннинг не клевало, он без сожаления его менял на счастливую удочку. Сабит Атаевич очень ревностно относился к чужим уловам, хотя потом быстро отходил.

Гайнуллин Ф.Г.

ПОДАРОК

Однажды, во время рыбалки, когда я был секретарём Татарского обкома КПСС, я воспользовался его спиннингом. На вопрос: «Нравится ли мне спиннинг?» - я ответил утвердительно и тут же получил его в подарок со словами: «У азербайджанцев такой обычай, и я делаю это с большой радостью».

ПОЖЕЛАНИЕ

Не за долго до смерти Оруджева, когда его друзья в полушутливом тоне, видя его крепкое телосложение, прочили ему прожить более 100 лет, ссылаясь при этом на долгожительство его отца, Сабит Атаевич почему-то вдруг загрустил. Видимо, зная о сложности своей болезни и предчувствуя скорую кончину, он задумчиво ответил: «Спасибо за добрые пожелания, но вы не должны забывать, что мой отец не был министром».

Петличенко Н.В.

СПОКОЙНЫЙ СОН

Когда шло обустройство нового крупного промысла в Майкопе, было обнаружено, что газ содержит большое количество углекислоты, приводящей к коррозии металла. Чтобы предотвратить коррозию и подобрать нужный металл для труб, мы обратились за помощью в Москву. По этому поводу была назначена комиссия, состоящая из учёных Москвы, Краснодара и Баку, которую возглавлял Сабит Атаевич Оруджев. Комиссия, проанализировав создавшуюся ситуацию провела совещание. После этого совещания у меня с Оруджевым состоялся следующий разговор.

– Что панику поднимаешь? Ну, подумаешь, несколько труб разъело и фонтанную арматуру.

– Сабит Атаевич, я не могу спать спокойно, а Вы говорите, что ничего не произошло!

– Ничего, мы тебя снимем с работы: и спать будешь спокойно и отдыхать. Назначим на твоё место другого человека, который будет думать не о сне, а о работе.

ПАПКА

С Оруджевым нам часто приходилось бывать в командировках. Одна из них особо памятна мне: эта поездка на газопровод Уренгой-Западная граница. Накануне Сабит Атаевич пригласил меня в свой кабинет и сказал, что никого из своих подчинённых в эту поездку брать не хочет, и предложил мне поехать с ним в качестве его помощника и руководителя по добыче газа. Я, конечно же, согласился.

Его помощники проводили нас в самолёт, внесли чемодан Оруджева, ответственность за который возложили на меня. Прилетели мы в Сургут, приехали в объединение «Сургутгазпром». Оруджев собрал совещание руководящих работников и, открывая его поинтересовался:

– Петличенко, а где моя папка?

– Не знаю, – признался я чистосердечно. – Мне быдло поручено следить за чемоданом, он здесь, а папки я не видел.

– Ну как же так, ведь папка была рядом!

– Я не вдел…

– Посмотри в чемодане!

Я пошёл смотреть, но папки не нашёл, за что после совещания Оруджев крепко меня пожурил.

Но на этом дело не кончилось. Секретарь обкома созвонился с КГБ. По линии Комитета разыскали самолёт, на котором мы прилетели. К тому времени он уже находился в Ленинграде. Злополучная папка нашлась и на следующий день была благополучно доставлена к нам в Тюмень, куда мы перебрались после Сургута. Но эта история стала своеобразной «притчей во языцех», ибо сколько мы с ним ни ездили по командировкам, он на каждом совещании в качестве лирического отступления вспоминал как я ему «помогал», потеряв папку с документами.

НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Как-то, находясь в отпуске, вечером сижу дома и слышу телефонный звонок. Беру трубку и узнаю голос Сабита Атаевича:

– Ты дома?

– Дома.

– А почему ты дома сидишь?

– У меня ещё неделя отпуска, поэтому занимаюсь домашним хозяйством.

– Итак, вот что: завтра позвони мне из кабинета начальника управления капитального строительства.

– Зачем мне звонить из его кабинета, когда у меня свой есть? – удивляюсь я.

– Я говорю – позвони оттуда! – потребовал Оруджев.

На следующий день я взял ключи от нужного помещения и позвонил Сабиту Атаевичу. Он поздоровался и пригласил меня в свой кабинет. Когда я вошёл, Оруджев сказал:

– Ты назначаешься начальником управления по капитальному строительству вместо Клотилина, уезжающего в Афганистан. Мы тебе дадим звание члена Коллегии.

Так я получил новое назначение и стал членом Коллегии Мингазпрома СССР.

Демидов К.А.

СЛУЖЕБНЫЙ ЭТИКЕТ

Очень раздражали Оруджева невыдержанность, поспешность и несоблюдение служебного этикета. На одном из совещаний в правительстве, где обсуждался вопрос обустройства газовых месторождений Тюменской области, слово было предоставлено Оруджеву. В это время заместитель министра по капитальному строительству, только что вернувшийся из командировки с тех районов, предложил:

– Давайте я доложу! Я лучше знаю этот вопрос!

Ему дали слово, и доклад был неплохим. Но этим поступком он скомпрометировал себя в глазах министра. После заседания Оруджев вызвал его и сказал:

– Заместитель, который знает больше, чем министр, мне не нужен.

После этого инцидента провинившийся вынужден был написать заявление и уйти работать в другое министерство.

Никоненко И.С.

КАК ДУША ДРОЖИТ

У нас, в Уренгое, министру приходилось бывать часто. Мы старались поселить его в тёплый гостиничный номер. Ведь погодные условия, действительно, не балуют. Суровые морозы с ветрами резко сменяются оттепелью и наоборот. Но деревянная гостиница, продуваемая со всех сторон, не лучшее место.

В один из приездов министра я поинтересовался, почему у него такой большой, но лёгкий на вид фибровый чемодан? Он хитро улыбнулся и ответил по секрету, что там всего одна, но очень ценная вещь – тёплый махровый свитер. Тогда я понял, что на нормальное размещение он не рассчитывает.

В тот раз мы поселили Сабита Атаевича в самый тёплый номер. Вечером мы долго обсуждали текущие вопросы, поздно разошлись. А за ночь, как назло, ветер поменялся и задул со скоростью до 15 метров в секунду, а температура опустилась до минус 40 градусов. В номере Оруджева стало холодно и неуютно, гостиничные служащие постеснялись предложить ему переселиться в номер на противоположной стороне здания. Сам же Сабит Атаевич также не стал никого тревожить.

Утром я зашёл в номер к Оруджеву, но там никого не оказалось. Заглянул в зал заседания - там тоже нет. Спускаюсь к умывальникам и вижу – стоит Сабит Атаевич в своём мохеровом свитере, натянул на уши тюбетейку, а обеими руками держится за сушилку – греется.

Я подошёл к нему и позвал к столу, где уже был накрыт завтрак. А он не слышит, видно, очень сильно намёрзся за ночь.

Позже, уже отогревшись горячим чаем, Сабит Атаевич признался:

– Представляешь, я первый раз в жизни слышал, как душа дрожит! Ты в следующий раз сделай так, чтобы тепло было – попросил он. – Вам, северянам, холод нипочём, а я человек южный, теплолюбивый.

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ И УЧАСТИЕ

Оруджева многие боялись, в его характере человечность сочеталась с жестокостью и справедливостью. Он очень заботился о людях, и они отвечали ему добротой и поддержкой.

Едим мы как-то по Уренгою на машине, смотрим – у остановки стоит женщина, ждёт автобуса, а его нет. Мороз трещит, ветер задувает. Она кутается в

меховой воротник и переминается с ноги на ногу. Оруджев предложил ей сесть в нашу машину, а когда она заколебалась, заметил:

– Не стесняйтесь, садитесь скорее, ведь холодно!

Этого внимания и доброжелательности к людям у него не отнять! Ранги и чины тут не причём, просто человеку надо помочь. А это и есть то обострённое чувство сопричастности к судьбе людей, желание и умение помочь – пусть в малом, ежедневном, незаметном… Это как раз то редкое качество, по которому истосковались мы все. Человечность и участие.

Гранин М.П.

ЭКСПРОМТ

Однажды после посещения здания Мингазпрома Председателем совета Министров А.Н. Косыгиным его провожал Сабит Атаевич вместе со своими заместителями и членами Коллегии. Уже в фойе Оруджев преподнёс Косыгину макет газовой горелки, которая при включении имитировала пламя. Прежде чем передать её, Сабит Атаевич нажал на соответствующую кнопку, появилось «Пламя». Косыгин протянул руки, чтобы взять этот макет, но охранники, не зная заранее о подарке, буквально выхватили его из рук Оруджева и унесли. Видимо, такие действия должны оговариваться заранее, и охрана должна была проверить этот макет прежде, чем вручать его Косыгину. Экспромт удался, а действия охраны привели всех в замешательство. Не растерялся один Сабит Атаевич. Широко улыбнувшись, он уточнил у Косыгина: «Вы, Алексей Николаевич, хорошо запомнили кнопку, которую следует нажимать?».

Тот понял шутку и засмеялся. Неприятный инцидент был исчерпан.

Мадьяров Д.А.

А НАМ СВЕТИТЬСЯ НЕ НАДО

Однажды мы с Оруджевым были в командировке на Севере. При посещении одного из предприятий подошёл к Сабиту Атаевичу рабочий и попросил увеличить норму мясного рациона в столовой, хотя край славился изобилием рыбы.

– У вас ведь рыбы много, зачем вам мясо? – попытался отшутиться Оруджев.

– А нам светиться не надо, фосфором мы уже насытились. Организм мяса требует! – ответил, не растерявшись, рабочий.

Все рассмеялись, но просьба была уважена. Министр с пониманием относился к просьбам рабочих и всегда держал своё слов.

РУССКИЙ ЯЗЫК

Имея незначительный восточный акцент, Сабит Атаевич грамотно владел русским языком. Однажды на заседании Коллегии я делал сообщение и от волнения начал неправильно строить предложения. Тогда министр, желая меня успокоить сказал:

– Джиган, что-то ты заговорил по-татарски. Я тебя не пойму и, наверное, не понимают другие. Успокойся и переходи на русский язык.

Все присутствующие засмеялись, а я успокоился и начал говорить правильно.

Помню, как он отучал меня от засорявшего мою речь слова «слушай».

– Надо как-нибудь лишить тебя премии, – предупредил Сабит Атаевич. – Может, хоть тогда ты запомнишь, что с этим словом только обращается хозяин к собаке. А люди и так друг друга должны слушать, если речь дельная.

Дережов С.Р.

ДВА МИНИСТРА

Я случайно стал свидетелем разговора С.А. Оруджева с А.Н. Косыгиным. За окном стояла холодная зима, требования к газовикам стали большие и сыпались они отовсюду, в том числе и из верхов. Оруджев старался всячески успокоить звонивших, заверил он и Алексея Николаевича в том, что отрасль сделает всё возможное, чтобы удовлетворить потребности страны. Но под конец беседы он не выдержал и пошутил:

– Я предлагаю на зиму назначать двух министров газовой промышленности: один из них отвечал бы на постоянные звонки высоких должностных лиц, требующих увеличить поставки газа в какие-либо города или предприятия, а другой бы в это время руководил отраслью с тем, чтобы добиться от неё добычи и поставки необходимых объёмов газа. Одному человеку это делать очень трудно. Зато летом, когда потребность в газе резко снижается, с делами может справиться и один.

Шмаль Г.И.

ЛЮБИМЫЙ ПРАЗДНИК ДЛЯ МИНИСТРА

Для С.А. Оруджева самый любимый праздник был 8 Марта. Во-первых, потому что у него в семье пять женщин: четыре дочки и жена, а во-вторых, потому что 8 марта резко падало потребление газа в центре. То есть зиму прошли.

Черномырдин В.С.

ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ В ОРЕНБУРГЕ

Первое рабочее место в Оренбурге – вагончик. Захожу – мусор, стёкла мутные, полы не метены, стол не пойми, чем завален. Я что, замечания какие-то стану делать или указания раздавать? Взял веник, ведро, воду, тряпку… И – пошёл всё до ума доводить. А как ещё? Мне, что совещания в такой обстановке проводить и задачи ставить? Навёл порядок – и за работу.

От родителей выучился с детства: пусть бедно, бедность – не порок, да и не роскошеством человек богат, детьми, друзьями, но даже если достаток невеликий – чисто всё должно быть, опрятно. А у руководителя в кабинете – особенно. Только так. Вот такой мол первый рабочий день на заводе.

ДЕНЬ ВЗЯТИЯ БАСТИЛИИ

14 июля 1973 года в Оренбург на завод приехали французские специалисты монтировать оборудование. Устроили приём банкет в честь национального праздника Франции -Дня взятия Бастилии. Меня не пригласили. Для них я был новый и не знакомый ещё человек. Помню, весь день до ночи ходил по цехам с начальниками цехов: что, когда, где, как устанавливать будем? Для себя сразу решил: смогу работать и людьми руководить только тогда, когда всё сам досконально знать буду, каждый участок, каждого человека!

Приехал в гостиницу за полночь, спать лёг. В той же гостинице французов разместили, на первом этаже; а напротив – кафе, в котором приём проходил и банкет. И тут – такое!

Двое бывших руководителей объединения вывели в подъезд директора Лукьянова – поговорить «по-мужски». Уж, что они там не поделили, не знаю, а только слово за слово и … «поговорили».

Утром приехал на завод к семи, к восьми приехал директор Лукьянов. Мне сказали, иду к нему на доклад: сидит за столом помятый, в чёрных очках. Спрашивает:

– Как на заводе?

Доложил.

Возвращаюсь к себе, меня в коридоре секретарша нагоняет:

– Виктор Степович! Вас к телефону! Начальник объединения Вышеславцев!

Иду, беру трубку.

– Ты где? – спрашивает.

А у нас уже тогда у всего руководства спецсвязь была – и из машины можно было говорить, и откуда захочешь, а номер – тот же. Отвечаю:

– На заводе.

– А этот … Лукьянов где?

– У себя в кабинете. Только что был с докладом.

– И как он себя чувствует?

– Вроде нормально, - отвечаю, а сам по голосу слышу – Вышеславцев кипит весь!

– А с мордой у него всё нормально!?

– А я особо не приглядывался…

– Ладно. Хватит дипломатию разводить. Прыгай в машину и – ко мне. Разговор есть. Да, ты дела директорские ему передал?

– Ещё нет.

– И не передавай. Всё. Жду.

(Б.В. Лукьянов был в командировке во Франции, и меня назначили исполняющими обязанностями директора. Он приехал вместе с французами и дела ему я ещё не успел передать).

Захожу в кабинет к Вышеславцеву, смотрю, он весь на нервах:

– Мать их! Устроили показательное выступление! Значит, так: принято решение: Лукьянова отстранить и этих двоих рукопашников – тоже, а ты – возглавишь комиссию по этому инциденту. Понял?

Отвечаю:

– Я что – следственный орган? Есть комиссия по партдисциплине, по партконтролю, наконец…

– Вышеславцев на меня взгляд упёр:

– Отказываешься, значит?

– Отказываюсь.

Он паузу выдержал, говорит:

– Иди, посиди в приёмной пока.

Через полчаса вызывает.

– Решение такое. Остаёшься исполняющим обязанности директора. А там – видно будет.

В тот же день министр газовой промышленности СССР Оруджев Сабит Атаевич, всех троих уволил. И с работы, и из отрасли.

РАЗВИЛКА ДОРОГ

Ехал с объекта. А семья ещё в Орске жила; выезжаю к развилке: одна дорога на Орск, другая – на Оренбург. Впереди выходной. А дома я месяц не был. Звоню из машины главному инженеру:

– Слушай, ты на заводе?

– На заводе, - отвечает.

– Хочу в Орск к семье заехать, ты уж присмотри там.

– Не сомневайтесь, Виктор Степанович, присмотрю, всё по графику, езжайте спокойно. Я с завода никуда.

Что-то мне в его голосе не показалось. Говорю водителю- На завод.

Приехали, и точно – на заводе всё нормально, работают, а главного инженера – нет. Как потом выяснилось, на реку уехал, рыбалку организовал на Урале, на территории заводского водозабора. Ну скажи честно: так и так, врать зачем? Завод – это не просто железки и механизмы. Это ещё и люди. Тысячи. Если авария какая?

Короче утром он приезжает, я в кабинете, а на него приказ: на работу не допускать! Он регалиями размахивать: «Меня, дескать, ЦК назначил, не имеешь права!». А я отстранил – и точка. Урок. И для меня, и для него. И даром не прошёл. Уже когда я Председателем Правительства был, обращался, он ко мне – помоги с работой. Помог.

НАШИ

Работали у нас на строительстве и стройбат, и «химики» - вот заключённых у нас не было никогда, это факт. Жили в «бамовских» щитовых домиках; питались в столовых громадных – мест на пятьсот: ну там все ели, и рабочие, и начальство, никакого различия. Когда Косыгин приехал, и увидел в столовой кружки алюминиевые и миски, так всем всыпал – по первое число! Заменили на фаянс, готовили из хороших доброкачественных продуктов, и чистота, само собой.

Так вот: суббота. Возвращались с объекта, налегке, все довольны, вечер тёплый, весна… Дымшиц Вениамин Эммануилович и говорит:

– Зайдём в столовую, посмотрим, как кормят народ на таком объекте.

Идём. А на крылечке – двое в телогрейках. Сидят. Видят же, стервецы, человек двадцать начальников идёт – хоть бы что. Сидят. Думаю: «Что-то здесь не так!». Пригляделся – точно: оба пьяные – в дымину!

Подошли, остановились – этих же не обойти, всё крылечко заняли. Дымшиц смотрит на них, моргает.

Наконец один осознал, второго взвалил на себя и – бочком с крыльца, но не просто, а с достоинством эдак – и Дымшицу, и всем:

– Рабочий класс трудится, понимаешь, а тут ходят разные…

Понятно, что строители закончили смену, а может и не одну подряд, расслабились.

Дымшиц улыбается тихонечко мне:

– Это чьи такие? Твои?

– Наши!

АФФАРМЛЯЕТСЯ

Как-то раз приехал к нам на завод А.Н. Косыгин. Встретили, пошли по заводу, разговариваем. А Косыгин, он в курсе много был. Посмотрел он всё, вижу, доволен. Говорит:

– А наш завод лучше, чем в Канаде. Да и того, что во Франции.

И мне:

– Вы там бывали?

Отвечаю честно:

– Нет. Не был.

Меня ж никуда не отпускали: график строительства жёсткий был. Вот, такой был, невыездной.

Косыгин мне:

– Но Вы хоть где-то были?

А что мне сказать?

– Нет, – говорю – Не был.

А министр мой, Сабит Атаевич Оруджев рядом стоял. Косыгин ему укоризненно:

Как так? Человек крупнейший в мире завод строит, руководит им, а что у соседей – даже не видел!

Министр (с таким характерным азербайджанским акцентом) мгновенно отреагировал:

– «А - аффармляется», Алексей Николаевич.

Вот так я благодаря Косыгину первый раз побывал за рубежом. В Америке все заводы подобные объехал. И точно – лучше нашего нет.

КОЛЛЕГИЯ

Вызывают нас с начальником объединения Вшеславцевым Юрием Федоровичем на коллегию Министерства. Вопрос об аварии на Оренбургском заводе. Комиссия уже поработала.

Коллегия была назначена на двенадцать часов, приехали мы где-то к десяти. Захожу к заместителю Министра по капитальному строительству.

– Тебе чего? – спрашивает.

– Да вот, вопросы, проблемы со строительством есть, по третьей очереди, с фонарями – порешать надо.

А он мне сразу в лоб:

– Какие вопросы!? Да тебя снимут сейчас – и хорошо, если только снимут! А ты – «вопросы решать» …

Конечно, понимал, что всё может быть. И не только из директоров попрут – но партбилет на стол или чего похуже. Комиссия бумаг гору нашила. Но – стою на своём:

– Снимут – значит, снимут. Но вопросы решать надо? Надо. Вот и давай.

Поработали с ним до самой коллегии.

На коллегии сидим, слушаем текущие дела. Потом подошёл наш вопрос, министр Оруджев спрашивает:

– Вопрос об аварии на Оренбургском газоперерабатывающем заводе. Кто будет докладывать?

Встаём оба – я и Вышеславцев.

Говорю:

– Я – директор, мне и докладывать.

Министр молча кивнул.

Вышел, вынул из папки фотографии – что было сразу после аварии и что – после восстановления, положил перед министром, а сам за трибуну. В зале - тишина гробовая.

И тут голос Сабит Атаевича – характерный, с акцентом:

– Оренбургский завод у нас в отрасли – значимый. Самый крупный в Европе… Вот Черномырдин… Он из парторганов к нам пришёл. Признаюсь: не хотел его назначать. Не хотел.

И – пауза. Тишина такая, что упади карандаш на пол – выстрелом бы показался.

– Не хотел. Думал – партиец, будет всех нас жизни учить, как надо, как не надо… А он оказался малоговорящим… И дело знает.

Фотографии всем показывает:

– Вот что было. И – вот, что стало.

Помолчал, спросил:

– У кого есть вопросы к Виктору Степановичу? Нет? И – у меня нет. Садитесь.

Вот так и завершилась коллегия. Это был для меня урок на всю жизнь… Став в последствии сам министром, всегда помнил эту коллегию, особенно когда нужно было принимать подобные решения – а сколько их было…

МЕСТ НЕТ!

…В те времена нас часто вызывали в Москву: на коллегию министерства, по другим делам. Чаще летали с Починкиным (Валентин Владимирович Починкин много лет работал на Оренбургском заводе моим заместителем по строительству). Он был мастером выбивать фонды, и не только… А в некоторых вопросах – вообще не заменим.

Ведь как тогда было? В любой гостинице висела табличка «Мест нет». И – скучное лицо администраторши. Она там – самый «важный» человек. Всё занято – а селиться надо. Он всегда – жизнерадостно улыбнётся «мегере», слово за слово- и есть номера! Я удивлялся:

– Слушай, как ты это делаешь?

Он и научил: дескать, вкладываешь «червонец» в паспорт, подаёшь и – дело в шляпе!

Уверял, что и у меня получится. Приехали в очередной раз в Москву, поспорили даже, ну, я – десятку в паспорт, подхожу к девушке за стойкой… А самому как-то неудобно всё это… И лицо, видимо «каменное» …

Не знаю, за кого она меня приняла – то ли за проверяющего из органов, то ли за начальника по их части… А только – как взялась меня песочить:

– Как вам не стыдно! Солидный человек, а себе позволяете! Тут же ясно написано – «Мест нет»!

Отошёл я, и – что вы думаете? Валентин через десять минут к той же девушке подходит, о чём-то с ней улыбчиво пошептался, берёт и у меня паспорт, возвращается – с ключами от двух номеров.

– Слушай, и как это у тебя получается!?

– Подход особый к людям имею. К девушкам – особенно.

Вот такой он – вроде и бесшабашный, а – дельный, в работе умелый.

УНИКАЛЬНАЯ ЛИЧНОСТЬ

В самый разворот работ на Уренгое, а работа продолжалась при любых климатических условиях, мы с заместителем министра Миннефтегазстроя Шамалём Геннадием Иосифовичем наметили вылететь на строящуюся Уренгойскую, самую северную, УКПГ-15. Мороз опустился до минус 50. Приезжаем в аэропорт к вертолётам. Лётчик говорит:

– При такой минусовой температуре лететь нельзя, может произойти охрупчивание металла и винт может отлететь.

А двигатели ещё не заглушены. Говорю:

– Ну, у тебя же крутится винт, не отлетел же…

– Ну, крутится…

- А сам ты как считаешь? Честно?

– Можно полететь, рискнуть.

– Ну, раз можно – мы и полетим.

Вс1, что можно было надеть на себя, – всё надели. Небольшой ветерок – метр в секунду – ещё минус 2 градуса даёт. Прилетаем туда. Нас встретили. Там – минус пятьдесят три, а это ещё севернее Уренгоя километров на сто восемьдесят.

Вышли на снег. Снег, как асфальт. Смёрзшийся. Ветер насквозь пронизывает, и такое ощущение, что ты идёшь голый. Продувает крепко.

Подходим туда, где смонтирован только каркас. Как раз варили входные шлейфы. Сделано брезентовое укрытие. Выходит бригадир сварщиков, в фуфайке. Грудь нараспашку.

Я ему говорю6

– Ты же сейчас заледенеешь! Давай хоть куда-то нырнём. Давай хоть вон в будку.

А он отвечает:

– Да ничего, там тоже самое, это только от ветра укрывает.

И мы стоим, разговариваем. Мы одеты во всё, что на нас можно было надеть меховое. А он в фуфайке, грудь нараспашку. Краснючий, и у него перчатки обыкновенные, нитяные. Чтобы он, сварщик, мог работать. Поговорили. Он всё доложил нам с Геннадием.

Сели в машину, и я спрашиваю:

Слушай, сколько же надо выпить, чтобы вот так на морозе?

А Геннадий отвечает:

– Он вообще не пьющий. Этот бригадир ещё и стихи пишет. И на его стихи песни есть. Это уникальная личность.

Вы можете себе представить: минус 50 он – в фуфайке и грудь нараспашку.

ПОТОЛОЧНЫЙ ШОВ

Произошла авария на трассе. В этом месте газопровод шёл через болото. Ударили морозы. Сковало землю. А газопровод – в болоте, которое не сразу промерзает. Началось движение: уровень воды понизился, опустился и газопровод, но на выходе из воды намертво зажатый в намертво скованно земле. И, естественно, металл не выдержал, и произошёл разрыв при давлении в газопроводе 75 атмосфер, и выбросило трубу при взрыве больше, чем на сорок метров! И рвануло так, что болото – и нет болота! Выплеснуло всё – такая силища.

Сделали лежнёвку, трубы приготовили. Сварщик потолочный шов варит, лежит на спине в сочащейся воде, трубоукладчиком ведь продавлено всё. Просто жутко, представляете, и морозяка невозможный. У нас у всех унты – иначе ноги не терпят. А он варит потолочный шов, лёжа в ледяной воде, и не может прерваться. Ему – нельзя.

Ну, что это за люди, что о них можно сказать!? Вот какие люди работали на этих объектах! Вот кто сделал эту систему. Вот кто сотворил эту систему! Вот кому низкий поклон!

КОСТЮМ В СИНИЮ ПОЛОСОЧКУ

Совещание идёт час, идёт другой… Потом перерыв. Ну, мы с Черноухиным (Черноухин Николай Алексеевич – в 1985-1990 годах председатель Тюменского областного исполнительного комитета) пошли на перерыв туда, куда даже министры пешком ходят. Я вышел первым, навстречу – Горбачев; на мне костюм почти как у него – синий в полосочку, я ещё, когда встречал его в аэропорту, внимание на это обратил. Короче, я вышел – он вошёл и аккуратно на тоже место пристроился.

А тут Черноухин выходит из кабинки да Горбачёва со всей дури по загривку – хрясь! И ещё со словами:

– Ну, Виктор Степанович, эти московские болтать горазды! – Он вообще-то похлеще выразился!

Горбачёв аж присел, обернулся. Черноухин в лице поменялся – хоть другой раз в кабинку беги!

– Ой, - говорит, - а я думал это Черномырдин…

А Горбачёв ему:

– Что-о-о-о!!? А потом – у вас так принято: Черномырдина по загривку прикладывать!?

После всего, на банкете, Черноухин был сам не свой, стоял сгорбившись, понурый, а я ему:

– Ты чего, садись поближе к Генсеку, по-товарищески.

Он посмотрел на меня затравленно и сел в дальний угол с самого краю, не по должности. А потом уже, ближе к вечеру, когда чуть-чуть расслабился, рассказал, что с ним произошло и говорит, всё, дескать из-за тебя. Шутя, конечно. Он был очень приличный человек и руководитель области.

Я ПРОТИВ, НО ВОЗРАЖАТЬ НЕ БУДУ…

Когда создавали Концерн Газпром – разные мнения были. Ночь не спали. Всё обсуждали детали. Помню, на следующее утро перед заседанием один из заместителей Рыжова Н.И. подходит ко мне и говорит:

– Я тебе, Виктор Степанович, и помогать не стану, потому что я против, но, возражать не буду. Делай, как знаешь.

На заседании Президиума Совета Министров докладывал я меньше часа. В мёртвой тишине. Для всех было дико: человек добровольно уходит из союзных министров, берёт на себя и инициативу, и всю полноту ответственности за всё… Вспоминается поговорка тех времён: «Сам придумаешь, сам же будешь делать, тебя же и накажут за то, что плохо сделал!».

Люди все. Целые поколения выросли: одни – запуганные, без указки ни шагу, другие – осторожные. Всякие. Сейчас молодёжь другая, нет у неё того груза за спиной, глядишь всё быстрее пойдёт. А тогда… Лучше сидеть тихо, авось пронесёт. А по мне – ты тогда руководитель, когда умеешь принимать решения. И отвечать за них. Лучше ошибиться и исправить, чем ничего не делать. Сидеть, ждать, когда само собой образуется? Действовать нужно. Вперёд идти.

ЗАЦИКЛЕНЫЕ КОРЕСПОНДЕНТЫ

Был как-то на газовом конгрессе в Германии, и стали западные корреспонденты давить на меня:

– У вас строят заключённые, вы используете заключённых, то, другое…

Я говорю:

– Ну, что я вам могу сказать? Что это не так? Так вам бесполезно это говорить, раз вы зациклены. Вы уже зациклены, уже меня хотите убедить, что у нас работают заключённые. А я утверждаю: не работают и не работали никогда. Но для того, чтобы вас убедить, я вас приглашаю прилететь и облететь наши точки – куда вы скажете, туда и полетим.

И что вы думаете: они собрались! Мне звонят – а у нас уже там свои предприятия в Германии, – звонят и говорят:

– Виктор Степанович, вы пригласили. К вам собираются лететь.

Говорю:

– Пусть летят! Мы здесь встретим, в самолёт и – сразу в Уренгой.

Приехали. Я с ними встретился, как и обещал. Говорю:

– Всё, мы вас отдельно самолётом отправим, дам вам сопровождающих. Сейчас – полетим в Уренгой, а из Уренгоя – куда сами скажите: на компрессорную станцию, в Надым, в Ямбург, в Ноябрьск… Куда хотите – туда и летите. Смотрите.

Ладно, улетели.

Оттуда мне звонят и говорят:

– Виктор Степанович, они прилетели с палатками. Привезли пиво, консервы, колбасы с собой.

Но когда в Уренгое зашли в магазин, у них глаза на лоб полезли оттого, что там – всё есть, всё свободно. Красивый и хороший город. Он тогда уже приглядывался… Ленинградский проспект – похож на Невский.

Но когда их повели в школу, в школе директором оказалась – немка по происхождению, отлично владеющая немецким языком. А когда в школе увидели зимний сад и плавательный бассейн, они окончательно обалдели. Совсем и окончательно.

Потом повезли на компрессорную станцию. Потом встречались со строителями. С кем хотели – с теми и встречались. Улетели. Но не просто так. Прислали мне после огромную папку с восторженными отзывами.

Вяхирев Ю.Р.

ПЕШКОМ В МИНИСТЕРСТВО

Машины у папы (Вяхирев Р.И.) не было до самой Москвы. Был «служебный» мотоцикл: от скважины до скважины, от промысла до промысла на Оренбургском месторождении 10-15 километров. Да без дорог. Так что это была необходимость. А первая машина – «Таврия».

Когда папа в 1983 году стал заместителем министра газовой промышленности СССР, то получил в столице квартиру неподалёку от улицы Строителей (на этой улице в Москве располагалось основное здание Министерства газовой промышленности СССР, а затем концерна «Газпром»). Он потом шутил: «Я был единственным замминистра, который ходил на работу пешком.

Степанов А.Д.

ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Последний раз вернувшись с работы, когда получил отставку, Рем Иванович дома выдохнул: «Ну, мать, вот я и вернулся домой…».

Динков В.А.

ПОЛЕВЫЕ

Я, как начальник Главгаздобычи, приехал в командировку на Пунгинское месторождение и проработал в связи со сдачей газопровода (Игрим – Пунга - Серов) в эксплуатацию всю зиму 1965 года. Вспоминаю как меня вызвали в Комитет партийного контроля и стали интересоваться, почему я заставил там людей жить в землянках: кто-то написал жалобу. Я говорю: «А где жить?» - «Надо было обеспечить всех нормальным жильём» - «А где жить тем, кто будет сроить жильё?». Крутили, крутили и говорят: «Люди согласились жить в землянках, потому что им платили полевые». «Конечно» - отвечаю. «Посёлок вы построили, а школы нет». Я отвечаю, что сразу всё построить не можем. «Ну, ладно – говорят – плати людям «полевые», но что бы через три месяца школа была». Я тогда дал указание и один из строящихся домов переоборудовали под школу.

БУХГАЛТЕР

Вспоминаю как осваивали Вуктыльское месторождение. Дороги – лежнёвки, по обочинам полузатонувшая в болоте техника. Жизнь – в вагончиках. В составе рабочих есть и заключённые, и условно-освобождённые. Коллектив рождался не просто. Не многие из специалистов хотели здесь работать.

Надо сдавать годовой отчёт. Звоню на Вуктыл. Отвечают, что беспробудно запил главный бухгалтер. Спрашиваю: надо ли направить специалистов-бухгалтеров. Нет, говорят – сами справимся. Примерно через две недели прилетаю, интересуюсь: «Где годовой отчёт?». Отвечают - будет завтра. Оказалось, главного бухгалтера заперли для работы над отчётом в отдельное помещение, пообещав своеобразную «премию» после успешного окончания.

Соколовский И. И.

АРАЛ

Мы дорожили редко выпадающими днями отдыха, когда могли уехать на Аральское море, до которого было больше ста километров по песчаным барханам Большие и Малые Барсуки. Название «Аральское море» - от слов арал, «остров», - связано с тем, что громадный синий бассейн лежит островом среди безводных пустынь Туранской низменности.

Начиная с XYI века русские купцы именовали его Синим морем, что удивительно соответствовало его облику.

Впервые я увидел Арал в 1945 году из дверей товарного вагона, прицепленного к воинскому эшелону, возвращавшему нас из эвакуации. Он целые сутки стоял на железнодорожной станции Аральское море, которое слегка плескалось у самых его колёс. Ровное как зеркало, прозрачное и синие как небо, с которым оно сливалось там, где нельзя было различить границу между ним и водой. Ещё я запомнил увесистый хвост копчёного леща, который казался вкуснее всего на свете. Так оно и было – ведь Арал давал тогда голодной военной стране 50–60 тысяч тонн превосходной рыбы ежегодно.

Хлопчик из украинского степного села, я никогда не видел другого моря, кроме Аральского из дверей теплушки, но мечтал быть моряком. Правда судьба распорядилась по-своему, и я на всё жизнь остался монтажником.

Переваливая высоченные барханы, мы издали услыхали неповторимый запах моря, а затем как-то вдруг сразу увидели его безмерную синеву. Перед нами лежал залив Тщебес, что значит залив Счастья. Справа виднелась уходящая в море песчаная коса – полуостров Куланды – полуостров Маленькой дикой лошади. Я многое повидал в жизни, купался в разных морях, но не было моря прекраснее Арала. Работая рядом в пустыне, я дважды проводил там летний отпуск на байдарке, ради его красоты и удивительно разнообразной природы. Когда плывёшь на байдарке по заливу

Счастья и вздумаешь сосчитать рыб, с плеском взлетающих над водой, то считаешь не по одной, а сколько их выпрыгивает одновременно – семь, восемь, десять. Из камыша на чистейший пляж выскакивают любопытные полосатые поросята и осторожно выглядывают их грязные, клыкастые мамы. Сайгаки, реже джейраны осторожно выходят к морю на водопой. Не одну сотню поколений этих антилоп и газелей поил Арал своей животворной, почти пресной водой. Огромное количество воды – около 60 куб. км в год – испарялось с поверхности моря и формировало климат огромного региона, выпадая в виде осадков, благодаря чему вокруг процветала жизнь.

Однажды ночью мы кружили по бесчисленным дорогам Устюрта и вдруг увидели яркий то ли красный, то ли зелёный свет, описывающий круги низко над горизонтом. Среди браконьеров ходили слухи о запретной зоне и радарах, которые там установлены. Вот мы и решили, что окончательно заблудились и выехали к такому радару. Попасть туда грозило большими неприятностями.

Повернули и помчались прочь на запад, не разбирая дороги. Пару раз оглянувшись, мы наконец поняли, что в тумане над морем восходит Венера. Такой красоты не забыть никогда.

Тогда мы ещё не знали, что началась гибель Арала – тихий Чернобыль, одна из крупнейших экологических катастроф планетарного масштаба XX века. Огромный оазис в пустыне, кормивший сотни населённых пунктов нескольких республик, умер вместе с Советской властью.

Академик Григорий Воропаев, инициатор интенсивного разбора питавших Арал Амударьи и Сырдарьи на орошение хлопковых и рисовых полей, изрёк как-то с трибуны:

- Пусть Арал умирает красиво!

Красивой смерти не получилось. Море усохло на сорок тысяч квадратных километров, утратило 3⁄4 своего объёма и 60% поверхности, превратившись в два вонючих комариных болота. Стремительное обмеление превратило морское дно и побережные зоны в соляную пустыню. Хуже того: десятки, а может сотни тысяч тонн пыли, смешанной с пестицидами и солями тяжёлых металлов, разносятся на многие километры вокруг губя всё живое – от растений до людей. На дне бывшего Аральского моря образовалась пустыня, которую стали называть Аралкумом.

Надо бы организовать «Общество друзей академика Воропаева», чтобы торжественно перезахоронить его прах в центре новой пустыни, площадь которой достигла 5 млн гектар.

Арал – первое море на планете которое уничтожили люди. Раньше в нём насчитывалось более 30 видов пресноводной рыбы, среди них уникальные: шип –

разновидность осетра, уникальный по размеру и вкусу, - усач, аральский лосось, когда-то занесённый в красную книгу.

Какой-то крупный учёный – наверное ученик и последователь Воропаева – привёз из Азова несколько цистерн кефали и бычков, для которых икра и малёк аральской рыбы являются пищевой средой. Двух десятков лет хватило, чтобы аральская рыба исчезла навсегда. Остались только ржавые остовы рыбацких лодок и кораблей. В Приаралье возникла реальная угроза окружающей среде, флоре, фауне, здоровью и генофонду населения. Исчезли азиатский гепард, туранский тигр, устюрдский баран, кулан. Даже сайгаки – эти рогатые живые современники мамонтов, численность которых ранее достигала до одного миллиона голов, стали редкостью.

Приезжая на море, мы всегда останавливались в ауле Чаганк. Полтора-два десятка мазанок, большие рыбацкие лодки на берегу, ледник для рыбы. Аул был одним из многих на северо-восточном побережье, в той его части, где проходить газопровод Бухара-Урал. Поселения принадлежали древнему казахскому роду Жахаим, резко отличавшемуся от своих соплеменников. Им не нужно было кочевать – их кормил Арал, на берегах которого они жили с XIY века. Аральская трагедия разметала их по городам и весям Казахстана, где они тщетно искали место, чтобы заняться привычным делом. Память об этой трагедии люди рода Жахаим сохранили в легендах.

Оставаясь верными своим привычкам, все годы мы ездили в Чаганак к нашему другу Шамше Тулигенову, потомственному рыбаку, участнику и инвалиду Великой Отечественной войны. У него была жена Гуля и пятеро детей – все девочки-погодки.

Подъезжая к аулу, мы видели, как девчонки пляшут на крыше мазанки и поют песню «Наши гости едут». На всё жизнь я запомнил эту счастливую семью и их гостеприимный дом. Гуля кормила нас рыбой во всех видах, поила чаем – обязательно индийский, со слоном, 2-й сорт. Процесс чаепития не менялся никогда. Гуля сидела на ковре у края дастархана – это скатерть, на которую выкладывают еду, конфеты и самодельный хлеб – баурсаки. Перед ней стоял ведёрный самовар, старинный заварной чайник и огромный круглый поднос, на котором по краю стояли пиалы по числу гостей.

Пиалы наливались «с уважением», то есть неполными, поднос вращался, чтоб пиала подъехала к каждому, а к Гуле она возвращалась пустой многократно. К радости хозяйки, среди нас были богатыри, выпивавшие пиал до двух десятков. Чай заваривался на верблюжьем молоке и был очень вкусен, его пили до обеда и обязательно после. Затем выходили покурить на ветерке.

Как-то Шамша рассказал нам, что, приехав домой из госпиталя, узнал: красавица Гуля, с которой они ещё до войны решили пожениться, немножко погуляла с одним из его братьев. Недолго думая, Шамша схватил дробовик и с десяти метров шарахнул ей в грудь дробью No4. Гуля, хоть и успела закрыться руками, была ранена серьёзно. И Гулю и Шамшу на лодке увезли в Аван. Гулю в больницу, а Шамшу в тюрьму. Гуля, слава богу, выздоровела. Наступил день суда, где она, вся в слезах, доказывала, что в неё стрелял не Шамша, а совсем другой человек, злодейской наружности. После этого она родила ему одну за другой пять дочерей, старшая из которых, 12-летняя Баянэ, красавица и умница, как её мама в молодости. Она учила

меня по букварю казахскому языку, а я её – арифметике и русскому. Шамша, по медному азиатскому лицу которого никогда нельзя было понять, серьёзен он или шутит, как-то изрёк по-русски:

- Баянэ, стань к двери, я швырну в тебя шапкой. Если устоишь, ты уже выросла и можешь выйти за Илью замуж...

Девчонка вдруг стала как маков цвет и умчалась куда-то на весь вечер. Позже я узнал, что Баянэ поступила в университет, успешно его окончила и живёт в Алма-Ате.

...А море гибло у нас на глазах. Мы не понимали – ну, отступило на 1,5-2 метра от прошлогодней кромки. Вроде ничего особенного. Купались, загорали, ловили бреднем рыбу. Шамша, деликатно отводя очи, катал наших славянских русалок (а некоторые были о-го-го) по заливу на лодке. Гуля стояла на крыше мазанки, приложив руку ко лбу, контролируя мужнину нравственность.

Мы привозили детям из Москвы одежду, обувку, книги, тетради по целому рюкзаку. Шамше везли порох, дробь, патроны, рыбацкие снасти – спиннинги, катушки, блёсны на судака и жереха. Мы и сами пользовались этим как своим. Однажды шеф – инженер Вадим Серафимович Катугин – притащил из Питера мамину швейную машинку «Зингер», отремонтировал, наладил и научил Гулю работать на ней. Вскоре девчонки щеголяли по аулу в одинаковых цветастых платьях. Гуля обшивала всё семью.

Иногда мы выкидывали шутки в монтажном духе. Как-то, собираясь в гости к Шамше, заговорили: что бы ему такое привести, чего ни у кого в ауле нет. Решили соорудить и привести ему готовую уборную. Разобрали два ящика – тару, в которой пришёл с завода маслопровод, доски затащили в монтажный проём под мостовой кран. Через пару дней просторная уборная была вчерне готова. Ободрали её болгарской шлифмашинкой для гладкости изнутри и снаружи. Вставили в окошки над дверью цветные стёкла, а в двери прорезали гляделку в виде бубнового тузика. Попросили девчат из СУОРа прошпаклевать сооружение и покрасить всесторонне белой масляной краской два раза. Осталось погрузить в наш ГАЗ-63. В субботу изделие с трудом (но со смехом и шуточками) доставили в Чаганк и смонтировали на задах Шамшовой мазанки по всем правилам монтажного искусства при стопроцентном стечении местного населения. Поняли, что и нашим девчатам не надо далеко ходить и прятаться в барханах.

Утром Гуля взяла кумкан – высокий кувшин с длинным лебяжьем горлом – и, чтобы нас получше рассмешить поставила его на плечо и в позе пэри из восточных сказок отправилась производить пусконаладочные работы. Эта шикарная белоснежная уборная была единственной на Арале, которая смотрела на море цветными окошками...

Закрыв участок на КС-10, окончательно возвращаясь домой, сделали крюк и заехали в Чаганак попрощаться. Мы привезли две машины нажитого за годы добра – кровати, матрасы, бельё, посуду, газовые плиты, газовые баллоны – их специально заправили. Шамша был где-то в отъезде, а Гуля, увидев во дворе огромную кучу добра, поняла, что мы уезжаем навсегда, заплакала и сквозь слёзы простодушно сказала: «У меня нет столько рыбы, чтоб расплатиться с вами».

Море тем временем гибло уже по-настоящему... На казахской части Арала ранее было 5 рыбозаводов, один рыбоконсервный комбинат, 45 рыбоприёмных пунктов. Все они медленно, но верно закрылись один за другим.

ЛОХМАТЫЙ

27 апреля 1964 года на КС-11 прилетел М.В. Гладков, управляющий конторой «Оргмонтажэнергогаз». В эту зиму мы смонтировали все пять агрегатов первой очереди КС-11, а три подготовили к пуску. Мы не стали рассказывать Гладкову, как без стёкол и крыши над головой, под снегом и лютым ветром упорно делали своё дело и победили. Опытный специалист, он сам понял это, едва зайдя в цех. Позднее уже в Москве Михаил Васильевич, самый уважаемый в Газпроме монтажник, подняв за нас рюмку сказал: «Ребята, я горжусь вами, не знаю никого, кто мог бы там выдержать и такое сделать». А пока поднимая лыжами тучи воды и снега, самолёт сел. Мы подогнали прямо к люку ГАЗ-63, по дощатому трапу перевели и усадили в кузов своего шефа. По дороге на компрессорную станцию Гладков спросил:

– Мне говорили, бригадиром турбинистов у тебя три года работает Лохматый. Он что же, пить бросил? Раньше он больше трёх недель ни на одном участке не задерживался. Ему даже командировку давали на 30 дней. Можно его увидеть?

– Командировки у нас обычные, монтажные, 65, иногда 120 дней. А работаю я с Николаем Родионовичем с 12 апреля 1961 года. Именно в этот день я отправился в свою первую командировку. Гагарин полетел на 200 км в космос, а я автобусом на столько же на КС «Щёкино». Увидеть его сегодня нельзя. Он командирован мной на Челкар для получения нашего аванса на почте и груза, пришедшего на железнодорожную станцию.

Это было почти правдой. Из Челкара Лохматый вернулся вчера, всё сделал, как я ему поручил. Привёз наш груз и каждому аванс. Но сегодня, пьяный, как гуща из-под самогона, он лежал на тюках с ветошью в каптёрке у Алевтины Викторовны, надёжно связанный по рукам и ногам. Предъявить его управляющему не было никакой возможности. Ну разговелся человек. Тем более, что на этих днях была Пасха. Несмотря на бандитский облик, Лохматый имел душу чуткую, любил и знал русскую литературу и поэзию, в особенности Некрасова, Тютчева и Есенина.

Своим охотничьим авторитетом он решительно пресёк наши браконьерские вылазки за сайгаками, которых мы били без пощады. Привозили на КС по 1–2 самосвала. В эту зиму есть было нечего, и мы раздавали их прямо у машины каждому, кто нуждался. Когда мы гнали сайгаков по Гакыру - это высохшее солёное озеро, ровное как стол, - беспощадная картечь полосами срывала шерсть с их спин. Шерсти было так много, что она налипала на решётку радиатора, и тогда двигатель, перегревшись, останавливался. Сайгаки получали передышку.

Пятьдесят лет прошло, а я до сих пор с содроганием вспоминаю замёрзшие глаза прекрасной антилопы, живой современницы мамонтов. Страшнее и безжалостнее зверя, чем человек, нет. С приходом в нашу охотничью компанию егеря Ермолова эти побоища прекратились. В декабре 1963 года во время миграции на плато Устюрт собирались стада антилоп и газелей по 20–30 тысяч голов. Аральское море, тогда ещё живое, не погубленное бездумным отбором пресной воды из двух великих рек – Амударьи и Сырдарьи, - кормило рыбой полстраны и поило сайгаков, верблюдов и овец.

Николай Родионович Ермолов (Лохматый) родился в деревне Марчуги, что в нижнем течении Москвы-реки. Удивительно красивая природа, необозримые заливные луга сделали пойму реки от Софьина до Константинова лучшими охотничьими угодьями Центральной России. Земляк Ермолова Борис Дмитриевич Печалин, уходя на войну в 1943 году, оставил ему своё ружьё, великолепную библиотеку о русской охоте и должность егеря в охотхозяйстве. Впрочем, юного егеря также скоро призвали в армию. Окончилась война, егеря вернулись домой живые, не покалеченные, сверкая надраенными орденами на гимнастёрках. Печалин вскоре попал в

«Оргэнергонефть» и навсегда связал свою жизнь с газовой промышленностью. Николай Родионович по буйности характера попал на три года в лагеря, где и получил кличку Лохматый. И догнал своего земляка уже в «Оргмонтаэнергогазе».
Монтажная жизнь, издалека казавшаяся такой вольной и весёлой, пришлась Лохматому по вкусу. Не задерживаясь ни на одном участке подолгу, он за го-полтора проколесил от Изобильного до Валдая. Здоровый мужик, он, будучи всюду на подхвате, иной раз крепко закладывал. Хотели было его уволить, но земляк Борис Печалин взял в свою бригаду, шаг за шагом стал учить монтажному ремеслу, начиная с самых азов. За любые сбои и на работе, и после неё, взыскивал строго, был непререкаемым авторитетом, как до войны в охотхозяйстве.

Николай Родионович Ермолов был невероятно силён, красив грубой мужской красотой, делавшей его похожим на медальный профиль генерала Алексея Петровича Ермолова, героя войны 1812 года. Земли в пойме Москву-реки принадлежали одному из его многочисленных родственников. Туда этого родственника сослал от греха подальше Николай I после восстания декабристов. Очень хотелось бы обнаружить следы прямого родства, но, кроме разительного сходства с портретом генерала работы Джорджа Доу, ничего нет. Бунт и женщины были его призванием. На Кавказе он одно время держал четырёх кавказских наложниц, а в своих деревнях без устали улучшал русскую породу. Умирая, он, так сильно сжал руку доктора, что тот упал в обморок.

Я видел, как Николай Родионович поднимал двумя мизинцами 70-килограммовую крышку заднего стула СТД-4500, пока ребята ставили свинцы-полоски для замера натяга. Операцию надо было повторить пару раз. При этом он добродушно бурчал: «...вашу мать, нашли подъёмный кран». Действительно, его рядом нашли, а ручная кран-балка была на другом конце цеха, гнать её было долго и нудно. Он был горазд на грубые шутки. В Щёкино за пять дней до аванса выдал: «Давай поспорим, что пока деньги не придут, есть не стану, а работать буду!». Спорить было легко – денег всё равно ни у кого не было ни гроша. Монтируя подкрановый путь, не слезая вниз спросил: «А воду пить можно?». Более терпеливого к любым условиям и неутомимого в работе монтажника я не знал. При аварийных работах на КС-7 он пять дней не выходил из цеха, обед ему приносили туда, а спал он, завернувшись в телогрейку, на рифлёнке у турбины. Занудные разговоры типа «скоро заплатишь?» обрывал резко, грубо. Заработок в его бригаде был всегда стабильно высоким – зимой и летом.

Газопровод Бухара-Урал от КС-10 до КС-12 был ответственностью моего участка. Монтажом и наладкой КИП занимались три подруги. На монтаже и наладке редко работали женщины, все они, как правило, были замужем, их мужья трудились рядом. Одинокую Таню не ласковая доля забросила на Устюрт без шансов на личное счастье. Этой зимой она, не выпуская отвёртки из окоченевших пальцев, часами не вылезала из промёрзших щитов. Скромная и толковая, она ухитрялась жить среди голодных мужиков, оставаясь порядочной женщиной. В Москве, где она работала первые годы после окончания МЭИ, пережила, по-видимому, глубокую личную драму. Считая себя уродиной, специально мешковато одевалась – летом рабочая спецовка в любую жару, зимой телогрейка. Правда, грубые монтажники говорят: «Некрасивых женщин не бывает, а бывает мало водки». В нашем случае другой монтажник ответил бы: «Нет, я столько не выпью». Все наши ребята и я в первую очередь всегда её защищали и берегли.

Встречаясь каждый день с Татьяной и Николаем (Лохматым), я заметил, что их отношения постепенно и неуловимо изменились. Грубый, редко улыбающийся Лохматый выбрасывает окурок сигареты при встречах с ней, а за ужином отказывается от законных ста граммов. На мои деликатные вопросы он до поры не отвечал,

но позже всё же признался, что Таня Сычёва обратилась к нему с просьбой не пить месяца три-четыре, а потом, если он не против, хотела зачать от него ребёнка.

Через год родился горластый мальчонка, как две капли воды похожий на своих предков Ермолаевых. Татьяну едва успели доставить в Челкар на вертолёте. Сына назвали Николай Николаевич Сычёв. Татьяна Васильевна наконец обрела своё счастье.

Через двадцать лет она нашла меня в Москве и рассказала, что десантник Никола Сычёв погиб геройской смертью в Афганистане. Жизнь жестока и беспощадна почему-то к таким скромным людям. Мы долго вспоминали свою жизнь на Устюрте, под конец выпили молча по русскому обычаю сто граммов под чёрный хлеб за своих погибших дорогих людей.

ГОША

В августе 1964 года Субботовский Игорь Рафаилович прибыл на КС-11 газопровода Бухара-Урал из Челкара на трубовозе. Три месяца как прошёл последний дождь. Температура $+45^0$С. Дорога представляет собой тоннель из пухляка длиной 108 км, шириной 1 км и высотой 10 м.

Компрессорную станцию видно издалека. Она стоит в средине кубометра пыли, поднятой тяжёлой строительной техникой. Не верится, что весной здесь цветут нескончаемые поля жёлтых, красных и белых тюльпанов.

Из кабины выходишь, скрипя зубами, чёрный и кудлатый, как Анжеле Девис. Крупногабаритный чемодан неопытный пассажир пристроил в кузове. По дороге трубы било и мотало от борта к борту. Когда приехали на место, чемодан пришлось доставать с помощью трубоукладчика. Бывшие брюки, рубашки и бельё, тщательно приготовленные и уложенные мамой, валялись в виде грязных шмоток, пересыпанных битым стеклом, аппетитно пахли столичной водкой. Игорь Рафаилович, прослышав, что его обязательно будут прописывать, уложил весь запас в чемодан. Пришлось згонять за 20 км в аул № 12.

В первый же вечер вместо своего довольно-таки неуклюжего имени – отчества он приобрёл лёгкое и мягкое имя Гоша после рассказа о том, как в детстве отдыхал у тётки в Могилёве. Как-то его сестрёнка, заливаясь слезами, колотила в дверь и отчаянно картавя, повторяла: «Тётя Сага, тётя Сага, открой те дверь» Гоша погвал мне кгасное платье и дгазнится».

ШПИОН

Построение централизованной системы управления ремонтом мы начали с организации территориальных хозрасчётных цехов, перманентно превращаемых в ПТП. Это была насущная необходимость, так как только трёхуровневая система ПО Москва – ПТП магистрального газопровода – цех, участок, объект, КС оказалась эффективной. Потребовался инструмент для связи этих уровней. Так появились сетевые графики, которые не были данью моде, но несли в себе несколько важных производственных функций.

Иногда это приводило к забавным случаям. В.С. Марков, начальник ремонтного участка в Ивделе, мог докладывать о ходе работ в Москву только по телефону с городской почты, а телефонами на Стретенке вначале было напряжённо. Чтобы сократить телефонное время, он стал передавать в Москву шифрованные телеграммы на основе цифровых событий сетевого графика. Диспетчеры отдела Н.Н. Морозова Светлана Сентюревская и Борис Варенников превращали цифровой ряд в одну – две страницы убористого текста. Причём ухитряясь не только фиксировать события

сетевого графика, но и составлять заявку на специалистов, запчасти, материалы. Поскольку Ивдель был закрытый режимный город, то В.С. Маркова вскорости арестовали бдительные органы, закрыли в камеру и отпустили только, когда он досконально расшифровал свои отчёты. Хорошо задуманная Марковым информационная схема не была полностью реализована, но небольшую часть бдительных сотрудников Ивдельских органов обучили работе с сетевыми графиками.

Байгузин Р.Н.

ГИТАРА

Для любого газовика «гитара» - дело понятное. Сколько понятное, столько опасное. Это подводящий газопровод к турбинам компрессорного цеха., от него трубы отходят к каждой машине. Здесь самое высокое давление и самая высокая температура газа. Трубы подвергаются и линейным расширениям, и агрессивным воздействиям почвы. Гидроизоляция со временем приходила в негодность. Её надо менять. А как? Останавливать цех нельзя. И вот приходилось заниматься переизоляцией на действующем газопроводе по инструкциям, которые действовали нелегально (их придумал на свой страх и риск генеральный директор «Саратовтрансгаз», а потом и главка «Югтрансгаз» Чумаков Владимир Яковлевич), и делать это только вручную: технику применять нельзя – опасно. Вручную мужики откапывали, вручную сдирали изоляцию по миллиметру, зачищали щётками и наносили новую. Труд, скажу вам, адский и опасный. Всё кругом гудит, дрожит, вибрирует. Того, кто видел это впервые, приводило в смятение.

В одном из районов у местной администрации возникли к нам какие-то претензии. Чтобы уладить их на месте, приехали к нам председатель исполкома Мила Сабировна Сабирова и с ней заведующий промышленном отделом. Он-то, в основном, и подогревал конфликтную ситуацию. Пафосно так, с претензиями: «За что это вам здесь такие деньги большие платят?» и прочее… Мы их повели в цех, к «гитаре». И когда они пришли туда и увидели, как работают люди, как эта «гитара» опасно «играет» - их оттуда как ветром сдуло. Забыли, зачем и приезжали. Там, действительно, человек сидит на трубе, как на бомбе. Того и гляди - взорвётся. Жуткое ощущение.

Кошелев Н.Д.

БОРЦЫ

Рассказ написан по воспоминаниям работников «Саратовтрансгаз»

Генеральный директор главка «Югтрансгаз» Чумаков Владимир Яковлевич своих молодых замов, как он шутил – зелёных, постоянно пугал Копыриным Иваном Васильевичем: «Вот скоро ко мне замом придёт Копырин, он-то уж наведёт порядок и дисциплину».

Копырин прибыл. Его представили коллективу – коренастый, широкоплечий, мастер спорта по борьбе.

Копырин вступил в должность. День, неделю работает. Месяц. Действительно строгий, требовательный. Даже излишне. Но не все его требования восприняли.

Месяца через три раздаётся звонок в кабинете у главного инженера «Саратовтрансгаз» Никишина В.И.

– Это Копырин из Главка. А Вы почему ещё не были у меня на докладе?

Никишин пришёл, представился.

Копырин в присущей ему наступательной манере обрушил на вошедшего ряд каких-то нерешённых вопросов.

Никишин спокойно (в присущей ему манере) доложил, да так убедительно и строго, что Копырин понял – лучше этого парня не трогать.

Но Чумакову как бы между прочим сказал, что Никишин, мол его не очень-то слушает, ведёт себя чересчур самостоятельно.

Чумаков спокойно спросил:

– Не слушается, а работает?

– Работает.

– Ну и не мешайте ему!

А вскоре подвернулся случай, после которого их отношения вообще изменились к лучшему.

В один из праздничных дней для сотрудников предприятия «Саратовтрансгаз» был зафрахтован теплоход. Желающие с семьями совершали речную прогулку. У пляжного причала теплоход остановился, и пассажиры высыпали на берег. Загорали, купались, играли в волейбол.

У Копырина было в тот раз игривое настроение. От одной группы отдыхающих переходил к другой. Подшучивал.

Приметив волейбольную компанию Никишина, поспешил оказаться в её кругу. Из всех собравшихся Никишин выделялся своей крепкосложанной фигурой. Тем не менее он легко двигался, прыгал, мягко пасовал мяч.

Копырин пристал к Никишину:

– Слушай Валентин Иванович, ты случайно не борец? Борьбой не увлекался?

– Нет. Не борец, но боец! – отпарировал Никишин.

– Давай поборемся!

Это «давай поборемся» Копырин произносил так много раз, что Никишин не выдержал: «Давай!».

Тут же на песчаном берегу вокруг борцов образовался круг болельщиков. Очертили границу «борцовского ковра». Многие знали, что Копырин мастер спорта по борьбе, и жалели Никишина. Зря, мол, он связался, неравный поединок получится. Переживали за него многие желали ему победы ещё и потому, что не воспринимали манеру поведения Копырина. Людям хотелось, чтобы кто-то публично охладил его пыл. И нетрудно представить, каков был восторг сослуживцев, когда Копырин оказался на лопатках. Никишин как победителя подхватили на руки – качать. А побеждённый Копырин, мокрый от пота, весь в песке, молча переводил дух поодаль.

Чумаков В.Я.

КОНСТРУКТИВНЫЙ РАЗГОВОР

Контролирующие разные бывают. С некоторыми разговор конструктивный складывается. С некоторыми – нет. И реагируют всё по-разному. Допустим из Главка мои ребята приезжают и начинают дёргать местного руководителя. Я один раз видел такую «беседу». Никишин В.И. сначала старался доказать что-то, а потом выключился из беседы. Вот его нет. Этот из Главка его полоскает, а его нет. Он просто улыбается, с улыбкой слушает и всё. Если он видит, что там идёт какая-то брань, а не конструктивный технический разговор.

Вербило А.С.

ПРЕФЕРАНС ПОД САЛО

В 1975 году меня с трассы Кысык-Кымус перевели в аппарат «Саратовтрансгаз», и поскольку трасса была молодая, а огромное строительство продолжалось и каждый год вводилось по нескольку компрессорных станций, то весь наш аппарат минимум 250 дней в году проводил в командировках.

В одну из таких командировок я попал в Макат, на компрессорную станцию, к Никишину В.И. Договорились с ним поближе познакомиться. Я вел это направление (имеется в виду компрессорную станцию Макат), по телефону мы с ним постоянно общались, у нас уже было взаимное уважение, а в глаза мы друг друга пока не видели. И вот я прибываю в Макат перед выходным днём. Меня разместили в комнатушке с видом на компрессорную станцию. А семья Никишина в этот день уехала погостить в Брянск. Захватив присланную от родителей посылку с салом, Валентин с приятелем пришёл ко мне знакомиться. С первых же минут мне показалось, что я знаю этого человека давным-давно. Слово за слово, оказалось, что они могут играть в преферанс, расписали пульку. И весь выходной день, не вставая, «закрепляли знакомство». Не помню, кто кого победил, но сало съели полностью. Подобного случаю у меня в жизни не было. Легко и просто познакомились и на всю жизнь стали друзьями.

Посягин Б.С.

АКАДЕМИКИ

Дали задание Канайкину Виктору Архиповичу, который тогда возглавлял ЗАО «Спецнефтегаз» разработать дефектоскоп для определения продольных трещит в трубопроводах, которые возникали при стресс-коррозии. А Канайкин, мужик оборотистый, уже и звезду героя труда к тому времени имел, собрал старых академиков, которые ещё при Королёве работали, на Байконуре, ну шибко умные.

- Мужики - говорит Канайкин – вот срок такой-то работайте изобретайте ни о чём не заботьтесь.

Приезжает как-то раз ко мне Канайкин и говорит: «Слушай, у меня-то дела какие. Что-то мои академики помирать начали, уже двоих похоронили».

– Как это так - удивился я?

– Так они такие увлечённые, всё считают, спорят, даже обедать забывают. Я думаю, так они же без еды все помрут. Набрал хорошей еды, икры, балыка, буженины, ну всякой всячины, дорогой хороший коньяк и виски. Думаю, что же это они всё работают да работают, пусть отдохнут. Ну, они расслабились, по рюмочке выпили, а я их воспитываю: «Вы хорошо питайтесь, а то смотрите у Вас уже два человека померли, а Вы смотрите пока работу не сделаете не помирайте». Разомлели академики, а один, самый главный говорит: «Я уже неделю жене не звонил. Надо позвонить» - и берёт пульт от телевизора и тыкает пальцем в кнопки «Алё, алё, что-то не работает». Они такие умные, все формулы знают, всякие расчёты ведут, а как спорят, ничего не поймёшь, а не понимают то ли это телефон то ли пульт от телевизора.

СЕЛЕКТОРНОЕ

Идёт селекторное совещание ПО «Саратовтрансгаз». Доходит до Кысык Камыса начальник докладывает о производственных делах управления, а в конце и говорит:

– Люди мрут, а досок нет. Гробы не из чего делать. Пришлите доски. И пришлите ещё несколько КИПовок.

– Так мы же вам в прошлом году прислали КИПовцев – отвечают из объединения в Саратове.

– Так те, что вы прислали уже все в декрет ушли. Нам новых надо.

В студии на мгновение возникает тишина и тут прорывается голос Геннадия Воронина из Опорнинского управления:

– А мне узбека пришлите!

– Какого такого узбека? – недоумевают в студии Саратова.

– Так был у нас узбек на «химии» и сам химик каких-то там биологических наук – продолжает Воронин – так он возле блочной фильтровальной станции засеял две сотки зеленью, и наши женщины уже не к Ашхабадскому поезду бегали и в три дорога платили, а через буфет на компрессорной станции покупали лук, петрушку и другую зелень. У него срок закончился, и он уехал. Теперь у нас у нас проблемы и нам нужен узбек.

ПОДАРКИ ПРОШЛОГО

Производственное объединение «Саратовтрансгаз» до начала восьмидесятых прошлого века размещалось на улице Сакко и Ванцетти 21, в милом особнячке, построенном в начале позапрошлого века. В это время на этой улице было лишь две усадьбы, а к средине века улица отстроилась почти в современных границах. Первоначальное название улицы – Дмитриевская – по фамилии жены советника казённой палаты А.И. Дмитриева, которая сделала большие пожертвования на постройку колокольни нового собора. Со временем Дмитриеву забыли и улицу стали называть кто Малой Дворянской, кто Большой Дворянской, потому что на ней жило много дворянских семей.

В некоторых местах на улице располагались прядильни. При обработке пеньки на пряжу оставались отходы: костра, или кострига, которые выбрасывались прямо на улицу. Из-за этого в народе улицу стали называть Большая Кострижская. Это название прижилось и вскоре стало единственное.

В 1927 года по предложению коллектива промышленно-кооперативной артели «Глобус», поддержанного трудящимися гнорода, Большую Кострижскую улицу переименовали в Сакко и Ванцетти.

Дом, в котором находился «Саратовтрансгаз» раньше принадлежал купцу Отто Петровичу Шмидту, одному из четырёх наследников династии главных саратовских мукомолов. Отто Петрович завершил строительство своего дома в 1916 году, но пожить в нём практически не успел. Произошла революция 1917 года. После революции он воевал в Белой армии Колчака и погиб в 1919 году.

Дом неоднократно перестаивали, достраивали, ремонтировали и от первоначального вида дома мало, что осталось. Отдел компрессорных станция размещался на первом этаже, куда надо было спуститься по небольшой лесенке вниз. Высокие потолки с широким верхнем плинтусом, высокие, но узкие окна создавали комнате вид отнюдь не производственного кабинета, в котором стояло 6-7 столов. Тихо в отделе не было никогда. Каждый сидящий за столом инженер, разговаривая с трассой старался перекричать коллегу.

В один прекрасный день в отделе появились маляры с вёдрами, кистями и длинной лестницей. Начинался запланированный ремонт. На какое-то время мы покинули отдел: кто в командировку, кто примостился за столом в соседнем отделе, кто взял небольшой отпуск за ранее переработанное время.

Дня через три отдел приступил к работе в ещё в пахнущем краской помещении. Сижу я, пишу отчёт, поднимаю голову в задумчивости вверх, и мать честная, на потолочном плинтусе увидел чуть заметные рисунки, в одно месте, в другом. Рисунки не чёткие, как бы пробивающиеся через белую краску, но всё же можно различить фигуры женщин в несколько фривольных позах. Толкаю в бок Валеру Кузьмичёва, сидящего рядом:

– Смотри, что там! – показываю вверх.

– Вот это да! – Валера тоже разглядел силуэты женщин.

Вскоре картинки разглядывал весь отдел, а через некоторое время к нам зачастили гости из соседних отделов.

На следующий день женские фигуры проявились ещё чётче, а ещё через день снова пришли маляры с длинной лестницей.

По всей видимости советская побелка, сделанная на основе хорошей извести (или другого материала), повела себя как хороший проявитель, высветив давно нарисованные картины. Говорят, в этом здании во времена НЭПа располагался бордель, а может быть Отто Петрович был затейником! Кто его знает?

Коновалов В. А.

ФИЛОСОФ

Я быстро почувствовал своеобразие должности начальника Центрального диспетчерского управления. Если в регионах добивались каких-то положительных результатов (скажем вводили в строй новый участок газопровода, увеличивали подачу газа и т.д.), то руководители с мест старались, минуя меня, докладывать об успехах министру. Ведь о хорошем всегда приятно доложить. Совсем по-другому обстояло дело, когда на газопроводах случались аварии. О пожарах, взрывах местные руководители обычно докладывали мне. А я уж сообщал о недобрых вестях министру.

Помню, однажды приехал к нам в ЦДУ Оруджев С.А. Я и говорю ему:

– Сабит Атаевич, вы обратили внимание, что артисты, которые играют положительные роли, чаще получают почётные звания и награды? А вот среди тех, у кого преобладают отрицательные персонажи, трудно отыскать народных артистов. Пожалуй, я тоже актёр, исполняющий отрицательные роли. Ведь мне чаще всего приходится докладывать Вам о ЧП.

Оруджев рассмеялся и заключил:

– Ты, Виктор, кончай философствовать. У тебя всё идёт как надо.

Что и говорить, хлопотная должность у руководителя диспетчерского управления.

ВОРОВСТВО

Сейчас ни для кого не секрет, что на Украине воруют российский газ. Но ведь и в мою бытность начальником Центрального диспетчерского управления такое было. Воровали беспощадно и в то время!

Как-то раз вызывает меня к себе Оруджев и говорит:

– Мне звонил посол СССР в ГДР и потребовал, чтобы мы привели в норму поставки газа в Германскую Демократическую Республику. Иначе товарищ Хонегер будет звонить по этому вопросу товарищу Брежневу. Тогда у нас будут неприятности, как обещал посол. Так что давай, Коновалов, думай.

Конечно пришлось крепко подумать. Ясно, что недопоставки топлива были от того, что газ воровали на Украине. Мы ночью перераспределили потоки газа уменьшив их в других направлениях, набили трубу, выровняли давление на границе и практически проблему сняли. А утром открыли там, где уменьшали и всё нормализовалось.

В общем спасли честь мундира. И не забыли отправить шифротелеграмму первому секретарю Центрального комитета компартии Украины Щербицкому: «Уважаемый Владимир Васильевич! Просим Вас привести в порядок потребление газа Украиной в пределах отпущенных УССР лимитов».

Захаров Г. И.

ТЕЛЕФОНОГРАММА

В одну из смен оперативного диспетчерского управления Министерства газовой промышленности СССР в конце 60-х годов надо было ночью срочно передать телефонограммы в Тбилиси для Правительства Грузии. Междугородная связь тогда была наипаршивейшая. С трудом нашли дежурного офицера в Доме Правительства. Телефонограмму продиктовали и попросили прочитать, как поняли, как записали. Текст был достаточно важный. В ответ услышали: «Нэ валнуйя, дарагой! Я палавина - записал, палавина – так запомнил».

Цветков Е. В.

ДВОЙНАЯ ФАМИЛИЯ

Фамилии Лебедев и Цветков достаточно распространённые, встречаются они и в Газпроме. А вот фамилия Лебедев-Цветков достаточно редкая.

В газовой отрасли работал Юрий Дмитриевич Лебедев-Цветков. Человек известный и уважаемый. Работал он в разных организациях, на разных должностях в том числе и в ЦПДУ. Так вот, посылают как-то в командировку двух человек: Лебедева и меня – Цветкова. Звонят на «место», чтобы встретили в аэропорту и заказали номера в гостинице для Лебедева, Цветкова.

Утром докладывают: встретим как надо, одноместный номер для Юрия Дмитриевича заказали. Стали объяснять, что летит не Лебедев-Цветков, а Лебедев и Цветков. Пришлось им заказывать ещё один номер в гостинице. Впрочем, встретили, как всегда, как надо…

Батурлина Е. Н.

СВЯЗЬ ИЗ МАШИНЫ

Я работала секретарём начальника Центрального производственно-диспетчерского управления. Время обеда и я попросила подежурить в приёмной одну из наших сотрудниц. Уходя, предупредила её: передать информацию водителю начальника управления, когда тот заправив машину позвонит…

И вот зазвонил правительственный телефон. Первое, что она услышала: «Связь из машины, связь из машины». Сотрудница, подумав, что звонит водитель, спросила: «Алло, это Фёдор?» В трубке – тишина. «Алло, это Фёдор?». «Да

нет, – раздался мужской голос. – Вообще-то это Черномырдин» (тогда Виктор Степанович был министром).

Подмарков В. Ю.

СЖИЖЕННЫЙ ИЛИ ПРИРОДНЫЙ

1986 год. Подшефный колхоз в д. Торбышево недалеко от г. Озёры. Уборка капусты. Подходит бригадир. Я спрашиваю: «У вас в деревне какой газ: сжиженный или природный?». Он – к находящейся неподалёку жене: «Валь, тут мужик спрашивает, какой у нас газ: сжиженный или природный?». Она отвечает: «Ты за него платил?». Он: «Нет». Она: «Значит природный». Вот так, собственно, и было в то время по всей стране.

А МОЖНО ЕЩЁ ПИЦЦЫ?

Как-то раз мы были в Германии, с целью изучения опыта использования автоматизированных и информационных систем ведущих газовых компаний Европы, для возможного применения лучших образцов в строящемся новом диспетчерском зале Газпром на улице Намёткина. Как принято, немецкие коллеги пригласили нас вечером в ресторан. Ужин подходил к концу, уже все съели всякие салаты, «ледяную ногу», выпили не по одной кружки пива, уставшие от еды, пива и разговоров, разомлевшие, развалившись в креслах доедали свой десерт запивая кофе, мечтая скорее очутиться в гостинице и плюхнуться в кровать.

– Я надеюсь, вам всё понравилось? – спрашивает старший немец.

– Может кто-то ещё что-нибудь хочет? – продолжает он из вежливости.

И тут раздаётся голос Игоря, представителя Газавтоматики: «А можно ещё пиццу?». На мгновение повисает гробовая тишина. Немец удивлённо и вопросительно смотрит на переводчика, не ослышался ли он. Мы с удивлением и негодованием на Рудковского. Немцы пиццу, конечно, принесли, сбегав в соседнее кафе, так как в этом ресторане пиццу не готовили, и мы должны были ждать ещё полчаса, пока худой Игорь уплетал за обе щёки принесённую пиццу, которая оказалась совсем не маленькая.

Седых А. Д.

ДЖИГИТ

Во время работы на реке Сосна я лишний раз убедился, что Аликов Д.Г. (Дзабо Григорьевич Аликов первый начальник ОДУ Миннефтегазпрома) – это, конечно джигит. На моих глазах он садился на лошадь, которая была у обходчика, в одну минуту вздыбливал её на задние ноги, потом заставлял её скакать аллюром… Обходчик, простой парень из деревни, он мог только пахать землю на лошади. Но после Аликова он боялся подойти к собственной лошади, за которой до этого ухаживал два года. «Это не моя лошадь, это в ней бес» - говорил он нам в полголоса, словно боясь, что та услышит его слова.

Позже мы не раз встречались с Аликовым в командировках на компрессорных станциях газопровода Ставрополь – Москва. Однажды, после вечернего застолья, он попросил убрать всё со стола и, вскочив на него, минут пятнадцать с ножами в руках отбивал в своих хромовых сапогах лезгинку на глазах у удивлённых гостей…

Демидова Л. И.

СХЕМА ЕСГ

Первая схема Единой системы газопроводов (ЕСГ) создавалась в 1965 году специалистами диспетчерского управления. Чертили её вручную и занимала она 24 листа ватмана. Не одну неделю в кабинете начальника управления, зачастую на корточках и даже лёжа на полу (не один кульман такую схему не вмещал) я вычерчивала эту схему. Вскоре эта схема ЕСГ висела в кабинете Министра.

Символично что нынешнее большое электронное табло в главном зале ЦПДД также состоит из 24 модулей.

P.S. Коллеги по работе говорили: «Схемы, графики, диаграммы, выполненные рукой Людмилы Ивановны, были словно живые. Только человеку доброй души и открытого сердца дано такое…».

Калмыков В. В.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ФЕЛИКС

Поначалу Объединённое диспетчерское управление размещалось по адресу: Б. Черкасский переулок, 4. Это рядом с площадью Дзержинского, как она тогда называлась. А в то время одним из руководителей нашего управления был Феликс Владимирович Дробященко. Как-то один из сотрудников спрашивает у коллег: «А где сейчас Феликс?». В шутку отвечаем: «Как где? На площади стоит, тебя дожидается».

Тот принял всё за чистую монету и пошёл на площадь Дзержинского, искал, искал там Дробященко, но, естественно, так его и не встретил. Только железный Феликс стоял на площади…

Герке В.Г.

КЛЮЧ

Попал я на компрессорную станцию Александров Гай, что стояла среди саратовско-казахских степей, воспетых Фурмановым в «Чапаеве». *«… Александров-Гай мало чем отличается от других «гаев» – Орлова-Гая, Осинова-Гая да, пожалуй, и всех степных селений, близко похожих одно на другое: село разбросанное, просторное, в центре грязное, на окраинах непролазное…*». Таким же грязным и непролазным Александров Гай и остался с тех времён гражданской войны. Разве что бетонка (дорога, сделанная из бетонных плит) появилась от посёлка газовиков до центра села, да площадь в этом самом центре некогда асфальтированная, на которую со временем машины и люди натащили липучую
несмываемую Алгайскую грязь.

Первым моим «учителем» на компрессорной станции стал Саша Плетнёв - выпускник нашего же института, на два года раньше нас начавший свою трудовую деятельность на трассах магистральных газопроводов нашей великой родины и уже успевший вкусить все прелести жизни начальника участка монтажного управления. В его подчинении находилось два десятка лихих монтажников, помотавшихся от северных трасс до туркменских песков. И он с ними вполне справлялся, где крепким словом, где рублём или бутылкой вместо премиальных.

Нас молодых специалистов, ещё ничего не понимавших в строительстве и монтаже компрессорных станций, сразу же бросили на строящейся цех. Новый газотурбинный цех компрессорной станции Александров Гай находился в завершающей стадии строительно-монтажных работ. Надо заметить, что в то время на трассах газопроводов работали как правило молодые специалисты, командированные и «химики» (условно освобождённые). Может за исключением совсем небольшого количества местных жителей, работавших водителями, уборщицами и на других вспомогательных рабочих местах. Иногда можно было встретить молодых представителей этнического населения (казахи), которые плохо понимали по-русски, да и вообще плохо понимали, находясь среди железок.

Начальником нашего цеха был назначен Александр Николаевич Чинилин, опытный специалист, приехавший из Саратова на прорыв (стройка заканчивалась, необходимо было сдавать цех, а заниматься пусками оборудования и дальнейшей эксплуатацией было некому), имевший в своём послужном списке правда всего семь классов образования, но не один год работы на различных компрессорных станциях нашего производственного объединения. Александр Николаевич – худой, как будто высушенный на степном солнышке и ветрах, носился по цеху с быстротой молнии. Вот он ругается с бригадиром изолировщиков на отметке цеха 4,8 метров, размахивая руками и пританцовывая на месте от нетерпения, и стоило мне только отвернуться на мгновение, он уже на «0» отметке с кем-то из монтажников лезет в открытую камеру сгорания газовой турбины. Александр Николаевич дал бы фору любому Фигаро на предмет там-сям. Обычно он начинал свою речь со слов «Значится так, ...» и только затем следовало указание, что надо сделать и как сделать. Хотя, как всегда, указание заканчивалось словами «... быстро и качественно».

Шёл 1973 год и цех надо было заканчивать к какому то очередному партийному мероприятию: то ли съезду, то ли очередной круглой дате. Руководство давило, райком требовал, а Александр Николаевич знал, что если он вовремя пустит цех его переведут поближе к дому, то бишь Саратову, а может даже и премию выпишут.

И вот на голову Александру Николаевичу, в «подмогу» бросили нас, неопытных юнцов, не державших в своей жизни гаечного ключа, не нюхавших газ, не умевших общаться с рабочим классом. Ему бы громко провозгласить «... забудьте индукцию, давайте продукцию...» и заняться нашим производственным образованием, но «продукцию» то требовали от него, и никогда-ни будь, а сейчас. И Александр Николаевич давал.

Очередной раз пробегая мимо меня, озиравшегося по сторонам, он проговорил, не останавливаясь:

– Опять без дела шатаешься. Принесло же Вас на мою голову. Иди готовить ПСМ- 3000 к пуску и не забудь ветошь взять.

Чтобы всё это услышать я должен был идти рядом, приноровившись к его шагу да ещё склонившись в полупоклоне, так как Александр Николаевич был ниже меня ростом. Он улетел, а недоумение осталось. «Почему без дела, если его мне никто не давал? Что такое эта ПСМ и где её искать? Да и ветошь то же? Вот дела!». И пока я соображал, у кого бы спросить, пока ходил туда-сюда в поисках таинственной ПСМ проходило пол часа и наступала очередная встреча с пролетающим мимо Александр Николаевичем.

– Опять дурака валяешь! Иди на опрессовку утилизатора, там людей не хватает – проносилось надо мной вместе с ветром от мелькнувшего тела.

«Какой утилизатор? А как же ПСМ? А что такое опрессовка и где это?», я опять становился в ступор и опять получал при новой встрече с начальником. Так

продолжалось пару дней. Я расстраивался и от этого ещё больше терялся перед Александром Николаевичем и неизбежностью получить замечание.

После очередного мимолётного разноса ко мне подходит Саша Плетнёв. В руках он держал большой гаечный ключ размером этак 75Х80.

– Слушай земляк, на держи – он протягивает мне этот ключ – и иди руки в масле вымажи и ветоши кусок возьми.

– Зачем? – я не понимающе всё же беру ключ и ветошь в руки.

– Твоя задача одна не выпускать этот ключ и ветошь из рук. Ходи, присматривайся, что где и как.

– Зачем? – снова в недоумении спрашиваю я.

– Зачем, зачем? Затем! Если начальник хоть раз к тебе пристанет, с меня коньяк. Если нет – с тебя. Только условие – ключ из рук не выпускать.

Я проходил с ключом целый рабочий день. Ни разу пробегающий мимо Александр Николаевич не давал мне непонятных указаний и не обзывал лодырем. Ну идёт человек с ключом, руки перемазаны, значит при деле, крутит что-то.

Александр Николаевич Чинилин оказался хорошим человеком и учителем неплохим, несмотря на свои семь классов. Он многое знал и передавал свои знания без утайки. Правда это было уже потом, когда нервотрёпка с пусками оборудования поулеглась, доклады о успешном выполнении планов партии и правительства были сделаны, акты подписаны и началось обычное устранение недоделок и подготовка к нормальной эксплуатации оборудования.

И с ПСМ-3000 (машина по очистке турбинного масла) я можно сказать сроднился, когда длинными ночами, обнявшись с её тёплым сепаратором, под равномерный гул шестерёнчатых и ремённых передач дремал в холодном цехе.

ТЕЛЕФОН

Жизнь на компрессорной станции имела свои устоявшиеся традиции. Идёт сдача оборудования после монтажа и начало пусконаладочных работ, и все день и ночь на объекте. Бывало, сутками не вылезали из цеха. Но вот более-менее вошли в график, отчитались и появлялось свободное время. И собирались в такое время вечерами компании в комнатах общежития для командированных, номерах гостиниц, квартирах молодых специалистов вроде меня. Ребята и молодые, и постарше искатели приключений и длинного рубля. Собирались, в основном, чтобы поиграть в преферанс, игру интеллектуальную, азартную, психологическую. К сожалению, я не научился преферансу в студенческие годы, потому подсаживался к играющим в кружок и учился.

В один из таких вечеров, когда жена моя уехала к родителям, компания собралась у нас. Дым стоял коромыслом, игра была в самом разгаре. Вдруг Саша Плетнёв смотрит на часы и говорит:

– Подождите немного, надо папе доложить.

Работал Саша в СУ-7, в московском строительно-монтажном управлении, которое специализировалось на монтаже газотурбинных установок на компрессорных станциях магистральных газопроводов. Министерство газовой промышленности СССР в те годы было в самом расцвете, строили много и СУ-7 процветало. Как сейчас сказали бы, было монополистом на рынке. И вот Саша берёт телефон и тащит его поближе к ванной комнате. Я, ничего не понимая, наблюдаю.

– Включи-ка стиральную машинку – обращается ко мне Саша

– Машинку? Зачем? – удивляюсь я. А народ в комнате уже похихикивает.

– Давай Александр, а то папа заждался.

Как мне потом объяснили, папой называли руководителя СУ-7 со звучной фамилией Рабинович.

Тем временем Саша дозванивался до Москвы. У нас, газовиков, была своя связь и монтажники, которым часто приходилось переезжать с места на место, уникально умели ею пользоваться. На многих коммутаторах у них были знакомые телефонистки и хоть запрещалось вести личные разговоры, частенько можно было слышать примерно такой диалог:

– Паласовка пятая слушает – отвечал на вызов приятный девичий голос.

– Ниночка, мне бы Коммунарку – заискивающе начинал Саша.

– Ах, это ты? Так тебе Коммунарку? – голос телефонистки напрягался.

– Ниночка, так меня дёрнули в Ал-Гай, машина пришла, еле успел собраться – отбрёхивался Саша.

– А позвонить ты тоже не успел – голос на том конце становился обиженным.

– Так вот позвонил же. Я же у вас не закончил. Вот пятую пустим и возвращаюсь. Нинок, я скучаю. Ты как? – ворковал Саша.

– Да ничего. Тебя жду, приезжай скорей. – голос в Паласовке уже смягчился и, наверное, простил поспешное бегство Саши.

– Приеду, конечно, как только, так сразу. Как там Коммунарка? – переходил он к делу.

– Да даю, даю.

Саша уже уселся на пол с телефонной трубкой возле ванной комнаты и махал мне рукой

– Включай быстрей.

– Включай, включай – подтверждали партнёры по преферансу из комнаты.

Я включил нашу «Волгу». В то время стиральная машинка – это был агрегат! Она рычала и тарахтела, вибрировала всем своим круглым корпусом, норовя подпрыгнуть, работая без воды и белья, и мне приходилось придерживать её двумя руками. А Саша подвигался ещё ближе к ревущему чудовищу и орал не своим голосом в телефонную трубку:

– Владимир Семёнович, да это я, Плетнёв из Ал-гая. Да нормально. Сейчас пятую зажигаем. На холодную уже прокрутили. Что? Процентовки? Да, подписал. Всё нормально. До свидания Владимир Семёнович – заканчивал Саша и командовал - Выключай тарантаску. Кто там на прикупе? Раздавай.

Игра продолжалась. Я теперь понял, для чего Саше понадобилась моя стиральная машинка. Он таким образом создавал эффект присутствия его в работающем турбинном цехе, да ещё в такое позднее время. Однозначно, папой Рабиновичем зачтётся, и Саша Плетнёв получит как минимум похвалу руководителя по приезде в Москву на перекомандировку.

Вообще в наше советское время, когда не было мобильных телефонов, да и обычные были далеко не у всех, дозвониться в другой город всегда было проблемой. Один раз в Саратове, находясь вместе с Сашей, я наблюдал такую картину. Представьте себе вечерний городской переговорный пункт. Много усталых раздражённых людей, ожидающих своей очереди. Время от времени из динамика раздаётся хриплый голос,

– Воронеж, вторая кабина, Воронеж, пройдите во вторую кабину.

И какая-нибудь женщина с сумками в двух руках срывается с места и несётся во вторую кабину, чтобы через какое-то время, открыв дверь, кричать в зал:

– Девушка, девушка ничего не слышно.

А металлический голос девушки хрипел в динамиках

–Пенза не отвечает, будете ждать? – и «Пенза» бежала к окошку, чтобы продлить заказ и ещё час ожидать своего звонка.

Саша входил в зал переговорного пункта неспешной уверенной походкой, и прямиком направлялся к обычным городским телефонам-автоматам. Такие автоматы в будках стояли во многих других местах города, но настоящий «кайф» Саша получал именно в междугороднем переговорном пункте при скоплении большого количества людей, пытающихся дозвониться своим родным и близким в другие города. Он, пошарив в карманах, обращался ко мне, специально погромче, чтобы было слышно сидящим вокруг людям:

–Дай две копейки, у меня нет.

Именно столько стоил разговор через городской телефон-автомат. И дальше начиналось представление. Саша бросал две копейки в щель автомата и набирал заветный номер саратовского коммутатора газовой связи.

– Алло, Тамара Михайловна? Как поживаете? Ну и славненько. Москву, пожалуйста, можно через Развилку или Коммунарку, там слышимость получше.

– Коммунарка? Это Плетнёв из Су-7, мне бы Глинищево. Подожду, конечно.

Надо пояснить, что Глинищево – это название населённого пункта в Брянской области и одновременно компрессорной станции, расположенной там же. А Саша тем временем продолжал.

– Глинищево? Пятая? Привет, землячка. Плетнёв беспокоит. Конечно. Ну, как всегда. Набери по Брянску.

– Какой номер? – обращался он уже ко мне прикрыв трубку рукой - 5-48-43, солнышко. Да жду, жду.

Саша передавал мне трубку, и пока я разговаривал с мамой, стоял с лёгкой полуулыбкой возле телефонной будки, ловя на себе изумлённые взгляды публики, и небрежно постукивая сигаретой о пачку.

ЗАДВИЖКА

На компрессорной станции Александров –Гай, да, впрочем, как и на всех других, расположенных далеко от больших населённых пунктов, работало много условно освобождённых (химиков, как их называли в народе). Посёлок, в котором они жили, находился в паре сотне метров от посёлка газовиков. Два посёлка отличались друг от друга.

Посёлок газовиков состоял из десятка небольших двухэтажных домов, выложенных из плохого серого ракушечника. Пару домов было отдано под общежитие для молодых неженатых специалистов и командированных. Был даже магазин и так называемая комната приезжих для руководства, частенько навещавшего нашу компрессорную станцию.

Посёлок условно освобождённых состоял из вагончиков, которые сильно нагревались на горячем южном солнце днём летом и так же сильно охлаждались в другое время суток и время года. Посёлок был «условно» огорожен забором, в котором было столько дыр, сколько вагончиков в посёлке. Каждый прокладывал свой выход, удобный именно ему. Вагончики время от времени

горели, частенько вместе с жильцами. Когда не хватало места в общежитии приезжих, монтажников и наладчиков селили в этом посёлке. В общем, в этом посёлке всё было условно.

Контингент «химиков» был самым разнообразным. Я безуспешно пытался понять хоть какую-то логику в отборе условно освобождённых. Были среди них и солидные уверенные в себе мужики предпенсионного возраста, попавшие в зону за загубленную по пьяни сельскохозяйственную технику, щуплые очкарики - мелкие чиновники, сидевшие за растрату, идейные иудеи – отказавшиеся от службы в рядах Советской армии, представитель Северного Кавказа – в приступе ревности задушивший свою жену и отсидевший почти весь срок, и многие, многие другие. Слушая их рассказы, в которых все были невиновны и сидели по ошибке, понимаешь, насколько сложен мир. И как говорит русская пословица: от суммы и от тюрьмы не застрахован никто.

На компрессорную станцию Александров – Гай познавать жизнь мы приехали вместе с Галей Б. Маленькая, энергичная, красивая и умная. Гремучая смесь! В школе она была круглая отличница и институт закончила с красным дипломом. Прирождённый лидер и комсомольский вожак, ни в чём не знающая сомнений, всегда стремившаяся всё сделать сама.

Посылает её начальник цеха готовить турбоагрегат к прокачке маслом. Подготовка заключалась в том числе и в перестановке целого ряда задвижек, среди которых были и диаметром 400 мм. Штурвал ручного управления такой задвижкой около метра в диаметре и для его вращения необходимо приложить определённую силу. Ну конечно, Галя Б. не из тех, кого пугают трудности, и чтоб она сказала начальнику цеха: «Не могу!». Не бывать такому. И вот наша молодая специалистка с трудом, но успешно справляется со всеми задвижками меньшего диаметра и остаётся последняя, эта четырёхсотая. Галя виснет на ней всем телом. Упирается в перила ограждения в надежде хоть стронуть штурвал с места. Даже пытается применить ноги – они всё-таки сильней. Безрезультатно! А на против сидят человек пять монтажников-«химиков» и наблюдают весь этот цирк. Наконец, Галя, отчаявшись открыть эту чёртову задвижку, направляется к сидящим, выбрав пожилого, но крепкого мужика с усами и жалобны голосом говорит:

– Дяденька, помогите открыть задвижку.

Мужик, не торопясь поднимается, подходит к задвижке и, без особого усилия вращая штурвал, говорит:

– Доченька, и чего же тебя сюда занесло по доброй воле? Вот я-то понятно, по пьяному делу комбайн спалил в колхозе, так и сижу. Да скоро домой, однако. А ты ж, молодая, красивая, учёная, небось, за что же тебя сюда-то?

– Да я институт закончила, вот и сюда! Спасибо, дяденька – говорит смущённая Галя и направляется докладывать начальнику цеха, что газоперекачивающий агрегат к прокачке маслом готов.

СПОР

Начальник нашего управления магистральных газопроводов Борис Сергеевич был человек уникальный. Небольшого роста, крепко сложенный, с бородкой, как у дона Педро в кинофильме «Человек амфибия», в свои тридцать лет был уже женат, тем не менее испытывая рыцарские чувства к прекрасным дамам, не переставал покорять их сердца. Он так умел общаться с прекрасным полом, что даже простая уборщица на компрессорной станции чувствовала себя

королевой. Обладая прекрасным классическим баритоном, он, умело подыгрывая себе на гитаре, исполнял страстный романс, устремляя взгляд свих карих влажных глаз на очередную жертву. Чувственные пухлые губы призывно выглядывали из бородо-усовых зарослей. В его репертуаре были и собственные песни о наших газовых трассах, наполненные пикантными словечками и выражениями. Борис Сергеевич был человеком эрудированным, знал много стихов, которыми умело пользовался, в том числе для обольщения прекрасного пола. Свой талант он пронёс по жизни и, став большим начальником, не стеснялся спеть в любой компании. Вся трасса знала это, и гости просили его что-нибудь спеть, доставляя при этом удовольствие и себе и Борису Сергеевичу.

Борис Сергеевич обладал ещё одним удивительным талантом. Он умел «держать удар» за столом. Сколько я его знаю, ни разу не видел его пьяным, хотя пил он не меньше многих, которые уже и лыко не вязали. Он умел произносить красивые тосты, обладая прекрасной памятью, излагал почти всю биографию юбиляра, и рассказывал о всех его достоинствах, которые были и которых не было. Поэтому он часто выступал в качестве тамады и всегда был душой любой компании. Я помню, как однажды он назвал имена жён и детей всех сидевших за столом коллег, а было их за десяток. Он никогда никого не обижал, даже в самом жарком споре не переходил на личности, и если приходилось с кем-нибудь расставаться, делал это спокойно и даже как-то доброжелательно. Его все любили. Я не знал ни одного человека, который бы отзывался о Борисе Сергеевиче плохо.

Борис Сергеевич умел найти общий язык с руководством сначала министерства, а потом и акционерного общества. Оруджев С.А. - министр газовой промышленности, даже вызывал его на коллегию и грозился при всех самолично сбрить броду, но Борис Сергеевич устоял, и даже неплохо продвигался по служебной лестнице, достигнув высоких руководящих должностей. В начале века появились новые лица в руководстве страны и газовой отрасли. Многие старые газовики не смогли принять и перестроиться под новые требования. Борис Сергеевич смог. И более того стал незаменимым для нового руководства ОАО «Газпром». Из молодого бунтаря получился хороший современный руководитель. Знания и опыт газовика остались, бюрократические методы и способы приобрелись.

Но вернемся в прошлое…

Однажды, находясь на смене, уже почти ночью, зазвонил телефон, и я получил команду от начальника цеха готовить газоперекачивающий агрегат к пуску. Зачем? И так четыре агрегата уже работали в трассу и пуск нового противоречил всем эксплуатационным правилам. Но, мои возражения были отвергнуты коротко и резко:

– Готовь, тебе сказали, мы сейчас приедем.

Приедем, с кем? Продолжал недоумевать я, тем не менее отдавая приказы машинистам по подготовке к пуску резервного газоперекачивающего агрегата. В то время пуск газоперекачивающего агрегата ГТ-750-6, которые были установлены на нашей компрессорной станции и оборудованы недостаточными средствами автоматизации, представлял собой сложную процедуру, которую выполняли, как правило, несколько человек.

Через полчаса на главный щит управления КС вошли Борис Сергеевич и наш начальник цеха:

– Ну, что машина готова? – спросил он.

– Подготовили, как приказывали – ответил я, уже не спрашивая, зачем и почему.

– Тогда поехали! Смотреть и ни во что не вмешиваться без моей команды - Ну что, Борис Сергеевич, как договаривались?

И Борис Сергеевич начал. Он носился по компрессорному цеху, как угорелый. От местного пульта управления к крановым площадкам, от камеры сгорания к пусковому клапану, от задвижек системы охлаждения на главный щит управления. Он пустил турбоагрегат! Один! Без посторонней помощи! Как потом выяснилось, в тёплой тесной компании Борис Сергеевич поспорил с нашим начальником цеха, что он пустит газоперекачивающий турбоагрегат один. Да и спор-то пустяшный был, всего на бутылку коньяка.

В молодости Борис Сергеевич был человек азартный. Он мог проиграть в карты за ночь месячную зарплату и мог подарить понравившейся ему женщине полвертолёта цветов. Да была и такая история.

Весной степь зацветала красно-жёлтыми пятнами диких тюльпанов. Вертолётная площадка находилась тут же, рядом с компрессорной станцией. И вертолётчики, в основном ребята саратовские, жили в нашем подъезде, в трёхкомнатной квартире, отведённой для них под общежитие. Требования к лётным командам, когда они летали по трассе газопровода, сводились в основном к отчётам о израсходованном керосине. А израсходованный керосин подтверждал начальник компрессорной станции. Так что, куда лететь, на рыбалку или на трассу, решалось, естественно, не в кабинетах. Говорили, что Борис Сергеевич приехал на УАЗике к понравившейся ему женщине и вывалил охапки цветов прямо к её порогу. Ну и что же, что жена не разговаривала с ним больше месяца, а бедную женщину местные кумушки об судачили с ног до головы. Зато какой эффект был.

Судьба распорядилась так, что Борис Сергеевич был моим первым и последним начальником. Я ему многим обязан и очень признателен. Конечно, Борис Сергеевич изменился с тех времён, и я с трудом иногда узнаю в нём того весёлого, азартного человека. Да кто из нас не меняется со временем?

СОБАЧИЙ СУП

Время от времени на компрессорной станции случались авралы. Или, наоборот, авралы случались постоянно, а время от времени наступало затишье, т. е. нормальная эксплуатация. Вот в один из таких авралов начальник цеха даёт мне команду ехать в посёлок «химиков», поднимать бригаду слесарей на сверхурочную работу, мол с комендантом я договорился, вперёд. Команду руководства надо выполнять. Сажусь на дежурку (раздолбанный грузовой ЗИЛ-130 с дырявым тентом, чтобы перевозить людей на компрессорную станцию и обратно в посёлок) и еду к «химикам». Вагончики все под номерами, так что найти нужный не составляло труда. Поднимаюсь, так мол и так, ребята, на работу надо.

– Да мы уже знаем, комендант предупредил. И переоделись уже. Сейчас перекусим и поедем – отвечает старший.

Я сажусь в сторонке на табуретке, присматриваюсь к обстановке. Вагончик на четверых. Двухъярусные кровати. Тумбочки, застеленные газетами. На одной из них стоит фотография женщины. Несмотря на убогость, достаточно чисто. На столе дымится кастрюля, разнося по вагончику аромат горячей пищи. Четыре алюминиевые миски и нарезанный крупными ломтями хлеб.

– У нас порядок – говорит бригадир, как бы послушав мои мысли – давайте с нами, начальник, перекусим.

Эта бригада «химиком» считалась самой лучшей на компрессорной станции. Бригадир до зоны работал начальником бригады слесарей ремонтников на турбо-моторном заводе в г. Свердловске. Считался одним из лучших. Несчастный случай со смертельным исходом (нарушение техники безопасности) и нашего бригадира сделали стрелочником. Здесь, на компрессорной станции, собрал толковых ребят, не понаслышке знакомых со слесарным делом, в одну бригаду. Его уже сейчас уговаривает наш начальник цеха оставаться после освобождения, и даже похлопотать обещает об условно досрочном освобождении. И квартирой, мол, обеспечим в посёлке газовиков и хорошим заработком. Бригадир только ухмыляется, «посмотрим, чего зря разговаривать, придёт время, решим». Он сразу проникся ко мне симпатией, как только узнал, что я проходил дипломную практику на его родном заводе. Помогал советами, учил инструмент в руках держать.

– Ну, так что, доставать миску? – бригадир вопросительно смотрит на меня – сейчас поедем, не переживай, всё успеем сделать.

Я сомневаюсь. И отказываться неудобно, хорошие ребята, хоть и «химики», но и как-то не очень за стол тянет, всё-таки «химики».

– А что у вас сегодня подают? – спрашиваю, поднимаясь со своего места.

– Собачий суп – говорит бригадир совершенно спокойным голосом – не хватает калорий при такой работе и такой еде, что готовят у нас. Вот и приходится. Нормальное мясо, мы аккуратно разделали. В некоторых странах собак едят вполне официально. Ну так как?

– Нет, спасибо, я только что поел. Пойду покурю и подожду вас у машины - говорю я и быстро удаляюсь из вагончика.

Авральную работу мы выполнили вовремя. И бригада, сытая, отработала без погоняний, на совесть. Наверное, собачий суп помог.

МОТОРОЛЛЕР

Недалеко от нашего посёлка газовиков находился районный центр Александров-Гай. Районным центром он стал совсем недавно и ещё не привык к тому, что он уже центр, а не просто посёлок среди казахской степи. И, наверное, для привития у населения привычек к жизни в районном центре в его магазинах (небольших полуподвальных помещениях, располагавшихся в нескольких старых купеческих домах, сохранившихся вокруг центральной площади посёлка ещё с дореволюционных времён) время от времени появлялись вполне неплохие экземпляры советских промышленных товаров. Однажды я увидел мотороллер «Вятка», точно такой же как был у моего институтского товарища. Кому мог понадобиться мотороллер, приспособленный для езды по асфальту, в степях, где дороги получались от езды больших грузовых автомобилей по направлениям, да до компрессорной станции была проложена «бетонка», езда по которой напоминала движение по шпалам? Только мне! Наверное, это было послание неба, как продолжение той бесшабашной студенческой жизни.

Дороги казахских степей меня поразили ещё тогда, когда начальник цеха направил в командировку в г. Уральск за специальной уплотнительной смазкой для запорной арматуры. Я вообще не понимал, как водитель, местный молодой парень выбирает дорогу, по которой необходимо ехать. Как только мы выехали за пределы видимости компрессорной станции, перед нами простёрлась жёлто-

серая степь от горизонта до горизонта пронизанная лучами разбегающихся дорог, образованных колёсами машин. Дороги извивались, сливались, пересекались и снова разбегались, как лепестки открытого веера. Водитель, не задумываясь, выбирал одну из них и ехал по ней до нового пересечения. За нами тянулся шлейф пыли, ещё долго стоящий в неподвижном раскалённом воздухе. И всё же мы заблудились. Я видел, что водитель начинает нервничать, менять направление, отклоняясь то вправо, то влево. Наконец на горизонте показалась отара овец и наша машина сразу же направилась к ней. Рядом с отарой находился старый казах в подпоясанном платком (кушаком) залатанном халате и какой-то нелепой шапке. Он стоял, опираясь на длинный посох и смотрел в нашу сторону. У его ног лежали две лохматые псины неизвестной мне породы. Водитель приветствовал аксакала, не слезая с подножки грузовика до тех пор, пока тот, не прикрикнув на собак, отправил их подальше от нас. Водитель что-то недолго говорил на смеси русского и казахского. Старик молча повернулся, посмотрел на солнце и вытянув руку показал направление:

– Туда, сто километров – сказал он и, отвернувшись, потеряв к нам всякий интерес, направился в сторону своих собак.

– Поехали – сказал водитель, усаживаясь за руль.

– Куда поехали? – недоумевал я.

– Туда… – махнул водитель рукой и завёл мотор.

Мы приехали куда нам было надо. С тех пор я понял, что в степи нет дорог, есть направления. Но эти направления были пригодны только в сухое время года. Слава богу, таких дней было во много больше. Как только начинался дождь, казахская степь превращалась в непроходимое для обычного транспорта препятствие. Глина была настолько липучая, что вырвать ногу из её крепких объятий иногда удавалось только оставив в ней сапог. А отмыть обувь от этой глины могли разве ну очень спокойные люди. Многие просто давали грязи высохнуть, и тогда она отваливалась сама, стоило лишь постучать сапогом о сапог. Глина мгновенно превращала вращающиеся колёса в совершенно ненужный автомобилю механизм. Машина могла ехать куда угодно, но только не туда, куда её направлял водитель. Отчасти спасала бетонка (дорога до компрессорной станции из бетонных плит) и специальная техника улучшенной проходимости.

Я всё-таки не послушался голоса разума. Возможность воплотить ещё студенческую мечту пересилила его. Я купил мотороллер! Он сослужил мне добрую службу. Я ездил на нём на работу прямо по степным просёлочным дорогам, по районному центру в поисках хлеба и молока для моего родившегося сына, в ближайшие казахские сёла за промышленными товарами и книгами (эти сёла снабжались гораздо лучше нашего районного центра, наверное, потому что они были на территории Казахстана).

Одна из таких первых поездок запомнилась особенно. Как же, у меня в руках такая техника! Я непременно должен был проверить её в деле. Уговорив Галину, мы отправились в казахское село в 30-ти километрах от нашего посёлка (женское радио донесло, что там привезли какие-то красивые кофточки). Что нам 30 километров, уговаривал я её, мы и по 300 ездили. Прорвёмся! И мы поехали.

Сзади меня обнимала любимая женщина. Под нами была мечта юности. Впереди неизведанные просторы. Ветерок дул нам в спину и наш мотороллер бежал, урча мотором, по извилистой накатанной дороге. Туда-то мы добрались

быстро и без происшествий. Местное население дивилось на невиданную в этих краях технику на двух маленьких колёсах. Кофточка оказалась так себе, и мы отправились в обратный путь. А ветерок усиливался. И наш «росинант» уже бежал не так резво. Наверное, мы проехали полпути, когда ветер, теперь уже дующий навстречу нам, стал достаточно сильным. Конечно, это был ещё не «коэффициент», так называли сильный ветер, поднимавший со степи пыль, которая забивалась под одежду, скрипела на зубах и залепляла глаза, но уже кое-что приближающееся к нему. Мотороллер еле полз вперёд. Он сам по себе имел недостаточно мощный мотор, к тому же впереди стояла защита водителя, обладающая большой парусностью, да ещё сам мотороллер находился на обкатке, т. е. имел заводское ограничение подачи газа. Скорость движения колебалась от 20 до 10 км/час в зависимости от порывов ветра, бьющего в лицо вместе с частичками пыли. Мы как-то всё-таки доехали до дому. Галка потом два часа мыла свои прекрасные волосы, очищая их от песка. Но главное, мотороллер не подвёл и прослужил мне добрую службу до моего отъезда из Александров-Гая.

ГИТАРА

В одно из посещений магазина «Культтовары» в Александров-Гае мы увидели гитару. Играть не умел ни я, ни Галина. Но гитара была так прекрасна, что мы не удержались и купили её. Мы любили современную музыку (а кто из нашего поколения её не любил), которая ассоциировалась прежде всего с гитарами. У нас в комнате на этажерке стояла фотография любимых «Битлз», мы слушали музыкальные передачи радио Америки, бродя по ночной степи в обнимку с радиоприёмником «Океан». В общем, гитара нам была просто необходима.

Гитара провисела на гвозде возле этажерки с «Битлз» без дела до того времени, пока к нам не пришёл один из «химиков», азербайджанец по национальности Мурат. Когда он увидел гитару, глаза его загорелись, он и забыл, зачем пришёл.

– Начальник, можно – указал он глазами на гитару – столько лет не держал в руках.

–Бери – не возражал я.

Мурат взял гитару как-то бережно и в то же время уверенно.

– Вах, вах, не настроена – сказал он, перебирая струны – можно? – снова спросил он.

–Давай – опять не возражал я.

Мурат начал перебирать струны, одновременно подкручивая колки. Время от времени он что-то бормотал на своём языке. И вдруг зазвучала музыка. Она извергалась водопадом звуков, переливаясь и дробясь, застывая в пространстве узкого коридора и вырываясь на свободу. Из кухни выглянула Галка, увидев её, Мурат остановился разом, музыку как будто обрезали одним взмахом. На мгновение наступила тишина.

– Хорошая гитара, начальник – сказал Мурат, передавая мне инструмент.

– Сыграй ещё - попросил я.

– Можно табуретку – спросил Мурат.

Мы принесли табуретку и еле уговорили его устроиться в комнате. На сей раз музыка была печальная, как будто кто-то плакал о своей судьбе, то вздрагивая, то затихая и снова подпевая своему ноющему от тоски сердцу.

– Давно не играл, пальцы не слушаются – сказал Мурат.

Он больше не притронулся к инструменту, сколько мы его не просили.

Мурат пришёл договариваться, чтобы я его отпустил домой. Впереди были праздники и несколько не рабочих дней. Он уверял меня, что он успеет, если я его отпущу всего на два дня и не буду докладывать коменданту, что его нет на работе. Он говорил, что со всеми договорился в своём посёлке и нужно всего два рабочих дня. Я был молод и неопытен. Я не понимал всех гласных и негласных законов, существующих в поселении условно освобождённых. Я ещё находился под воздействием волшебных звуков.

– Езжай – сказал я – только на два рабочих дня я тебя отпускаю.

Мурат ушёл счастливый. Только потом более опытные товарищи ругали меня за ответственность, что я взял на себя.

– Ты знаешь, за что он сидит? Нет! А сидит он за избиение своей жены – говорили они – А вдруг он приедет внезапно и застанет её с кем-нибудь и убьёт в припадке ревности? Что тогда?

Я призадумался. Я начал с нетерпением ожидать, когда кончатся эти праздники и пройдут ещё два рабочих дня.

Мурат не подвёл. Он приехал вовремя. Благодарил. Принёс азербайджанский коньяк, передавал привет от жены, родителей и детей.

Примерно через полгода Мурат освобождался и пришёл попрощаться. Мы, не сговариваясь с Галкой подарили ему нашу гитару. Пусть лучше живёт в умелых руках и доставляет удовольствие людям, чем висит на гвозде без дела.

САМОЕ ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ

Через три года моей жизни, теперь уже нашей жизни, потому что вся моя дальнейшая жизнь будет неразрывно связана с моей женой, в Александров-Гае началось строительство магистрального газопровода «Оренбург – Новопсков». На этот газопровод впервые в Советском Союзе поставлялось зарубежное оборудование, и в Александров-Гай стали приезжать специалисты из разных стран, представители компаний поставщиков. Я был назначен на должность начальника строящегося компрессорного цеха этого газопровода и в мои обязанности входила непосредственная работа с иностранными специалистами.

На площадке строительства цеха располагался вагончик, половину которого занимал я, а вторая половина была офисом иностранных шеф-инженеров.

С кем только не пришлось столкнуться: с чопорными англичанами, и с разбитными, чувствующими себя хозяевами в любой обстановке американцами, и с деловыми немцами, и с щёголем французом, одевавшим сверкающий белизной комбинезон с красной надписью «Cameron» и отправлявшимся на наладку запорной арматуры - большого шарового крана. Комбинезон, конечно, пачкался мгновенно, но на следующий день француз снова выходил в сверкающем белом комбинезоне. Через какое-то время у Ал-Гайских модников вдруг обнаруживался белоснежный комбинезон, купленный за приличные деньги у уборщицы, убиравшей комнаты иностранцев.

С молодыми американцами мы распевали песни Битлз, они сидели в своей половине вагончика, оборудованного под офис, а я в своей половине, считавшейся кабинетом начальника компрессорного цеха. Американцев было двое, они сидели, забросив ноги в грязных ботинках на стол и орали во всё горло «And I love her». А потом мы учили друг друга нехорошим слова. Они меня на английском, а я их на русском.

Наши ребята с ужасом смотрели, как Том Гримельон, главный шеф-инженер «Дженерал Электрик» в джинсах «Levies» лазил в выхлоп газовой турбины. Естественно, джинсы покрывались грязью и ржавчиной. Через день их постигала та же участь, что и комбинезон француза.

В одно время на площадке цеха появился немец Готфрид, наладчик блоков подготовки пускового и топливного газа, маленький, пузатенький и очень разговорчивый. Галина работала сменным инженером в этом же новом цехе. На главном щите управления стояла холодина, как на улице, потому что новую котельную ещё не пустили, а тепла от старых цехов, соединённых времянкой с новым цехом, не хватало. Галина ходила на смену, утеплившись по возможности и сверху в цигейковой чёрной шубе, купленной недавно по распределению профсоюзной организации. Готфрид всё крутился вокруг Галины, щупал шубу и произносил «Гуте мантель», цокая языком. Галка могла общаться (школьная медаль и красный институтский диплом в наше время давали не даром) и они с Готфридом вели разговоры о жизни.

–Готфрид, что главное в жизни? – спрашивала Галина.

– Деньги. Конечно, деньги. Без денег ничего нет.

Он доставал фотографию высокой некрасивой рыжей немки с тремя детьми на фоне небольшого домика.

– Майне фамилие. Майне фрау. Майне киндер. Майн хауз. – отвечал он.

–Ты любишь свою жену? – опять спрашивала Галя.

– О да, она мать моих детей. Я хочу привезти ей такое манто – говорил Готфрид, показывая на Галкину шубу – где можно купить такое манто?

Ну как можно было объяснить ему, что эти несколько шуб привезли со складов ОРС (отдел рабочего снабжения) по разнарядке, полученной сверху, и распределялись они среди женщин компрессорной станции профсоюзной организацией.

– В г. Уральске – не растерялась Галя – там их продавали.

Именно в Уральске и располагался склад ОРС газовиков.

Прошло какое-то время, и Готфрид, очередной раз проходя мимо Галины, с гордостью докладывает:

– Галина, я купил манто своей фрау Марте.

– Как? – Галя удивлена и не скрывает своего изумления – Готфрид, как вам это удалось?

– О, это было настоящее приключение – начинает свой рассказ Готфрид – мне показали нужного человека (как потом оказалось, начальника участка сварщиков, у которого тоже база управления была в Уральске), я продавал ему свой магнитофон, он отвозил меня в город Уральск на вертолёте (хотя покидать Александров-Гай иностранным специалистам категорически запрещалось), на машине мы приехали на большой склад, я платил марки и мне давали манто. Очень хорошее манто. Фрау Марта будет рада.

Прошло время. Мне предложили работу на западной Украине, где строилась аналогичная компрессорная станция на первом экспортном газопроводе «Союз». Я уже считался опытным специалистом по зарубежному оборудованию. Газопровод строился странами СЭВ (немецкий, польский, венгерский участки). Компрессорную станцию строили венгерские нефтегазовые компании, наладку вели специалисты из краснодарской пуско-наладочной организации, и как в Александров-Гае были шеф-инженеры со всех стран Европы, которые перемещались со станции на станцию по всему газопроводу. Полный

интернационал. У венгров, как у основного генерального подрядчика в городе Хусте, рядом с которым размещалась компрессорная станция, были свои столовая, бар, ресторан, дома для проживания персонала, которые потом после косметического ремонта были переданы эксплуатационному персоналу компрессорной станции. Все были молоды, хотели и могли работать, невзирая ни на какие нормы времени, общались, устраивали вечеринки, влюблялись, женились.

Однажды на компрессорную станцию приезжает очередная группа иностранных специалистов, и среди них я вижу Готфрида. Как он обрадовался. Я не сразу понял причину такой радости. Готфрид уже говорил как-то по-русски и всё рассказывал мне, на каких компрессорных станциях он побывал за это время. Естественно, как всякий русский, я не мог не предложить ему заглянуть вечером к нам домой на ужин, Галя будет очень рада. Радость Готфрида от такого предложения увеличилась вдвойне. И вдруг он засмущался и говорит:

– А можно я приду с Лидочкой?

– С Лидочкой? – удивился я – а это кто?

– Лидочка – последовала пауза – моя подруга.

– Ну, конечно, можно и с Лидочкой.

Вечером Готфрид пришёл в сопровождении молодой стройной девицы с шикарными волосами. Ростом она была на полголовы выше Готфрида. Он весь вечер смотрел на неё, держал за руку и не переставая говорил: «Лидочка». В конце вечера он, изображая стеснение, попросил оставить Лидочку на одну-две ночи, пока он не найдёт для неё гостиницу в этом городе. Мы согласились, и Готфрид ушёл довольный. За вечерним чаем Лидочка рассказала, что она родом из Кременчуга и работала в столовой, в которой питались иностранные специалисты (компрессорную станцию Кременчуг строила ГДР). У неё хватило ума не рассказывать подробности, каким образом ей удалось охомутать Готфрида. Многие иностранцы уезжали домой после своих командировок на газопровод «Союз» с русскими жёнами. В Хусте правдами и неправдами молодые девицы проникали на охраняемые территории (ресторан, бар, гостиницы), на которых появлялись иностранцы. Пожалуй, только компрессорная станция была им недоступна, но там существовала своя конкуренция среди венгерских девушек (специалистки и переводчицы).

Через пару дней Готфрид пришёл забирать Лидочку. Ему удалось получить номер в нашей городской гостинице. Лидочка ушла в магазин, и Готфрид остался её ждать.

– Готфрид, как жизнь? – не выдержал я

– О, хорошо! Много новых эмоций.

– Что главное в жизни, Готфрид – не выдержала Галка.

– Любоффф!

– А деньги? А как же фрау Марта? Как дети? Как дом?

– О, это проблем. Фрау Марта будет недовольна. Детям буду помогать. Дом строить новый. Это проблем, но главное – Любоффф!

Здесь наш разговор закончился, потому что пришла Лидочка, и Готфрид засиял.

Я больше не встречал Готфрида, но сарафанное радио донесло, что он всё-таки уехал в Германию с Лидочкой. Что поделаешь – Любоффф!

САУНА

Оборудование, которое поступало на компрессорную станцию, было упаковано в великолепную деревянную тару. Доски были одна к одной, ровные, струганные, покрытые специальной пропиткой, чтобы не портились в длинной дороге. Ящики с оборудованием различных размеров от целых домов до посылочных коробок, пронумерованные специальным образом, хранились на складе дирекции строительства и потом выдавались строителям и монтажникам в работу. Это был целый город из ящиков со своими улицами и переулками. Найти нужный ящик требовалось большого терпения и умения. Лучше всех это получалось у Евгении Ивановны, работницы дирекции.

За упаковочные доски развернулась настоящая война. Это и неудивительно в степном краю, где три дерева, растущие вместе, уже назывались лесом, такие доски у местного населения шли на вес золота. Название районного центра Александров-Гай (Сад) у меня всегда вызывало удивление. Но старожилы мест говорили, что когда-то здесь действительно шумели сады. Во времена гражданской войны всё вырубили под корень. Надо было выживать, не до садов было. А вот название осталось.

Однако война за доски между дирекцией, строителями и монтажниками продолжалась недолго. Приехало какое-то руководство из Саратова и постановило: все доски сдавать на склад дирекции под строгий контроль. Теперь Евгения Ивановна должна была замерять ящик до выдачи и актировать количество досок, возвращённых на склад после распаковки оборудования.

В один прекрасный момент ко мне подходит финский специалист из фирмы, поставлявшей укрытия для турбоагрегатов, господин Хаяймелен, энергичный, маленький старичок с козлиной бородкой, напоминавший мне профессора из какого-то фильма.

– Господин начальник, я предлагаю построить сауну, в которой мы все можем хорошо проводить время.

– Где построить, из чего построить? – спрашиваю я.

– Вот, я всё просчитал – и протягивает мне чертёж, сделанный вполне профессионально – а строить будем прямо здесь, недалеко от склада оборудования из досок упаковочного материала.

– А это что? – я тычу пальцем в чертёж.

– Это печка сауны. Я её уже выписал из Финляндии, и она придёт с оборудованием через две недели. Эта поставка за счёт нашей фирмы.

Как потом оказалось, господин Хаяймелен был одним из руководителей фирмы, выпускающей укрытия для промышленного оборудования и нередко сам выезжающий на место строительства объекта.

Раз за счёт фирмы, то это можно. Быстро собрали «производственное» совещание. Дирекция обещала списать необходимое количество досок на ущерб при разборе. Слава Ярцев, начальник участка СУ-5 монтажников и сварщиков, обещал выделить пять человек, среди них, якобы, был отличный плотник «химик». Работа закипела. Строительство сауны увлекло нас. Господин Хаяймелен лично проверял сборку здания сауны, сверяясь с чертежами и был требователен не меньше, чем на строительстве компрессорного цеха.

Решено было поставить сауну на берегу реки. Александров-Гай стоял на берегу реки Большой Узень. Река достаточно большая, мутная с сильным течением, к средине лета мелевшая. Левый берег высокий и обрывистый. Скользкая глина делала его практически неприступным. Правый – пологий, с небольшой

полоской травы, зелёной ранней весной, но быстро высыхающей и желтевшей. На этом берегу паслись одинокие тощие буро-коричневые коровы. В реке водилась рыба, но особенно она славилась своими раками.

Для транспортировки получившийся дом-сауну водрузили на полозья, специально смонтированные из трубы диаметром 300 мм. Сауна состояла из трёх помещений: непосредственно сауны, где должна была быть установлена печь, раздевалки и открытой с одной стороны веранды. Все с нетерпением ждали, когда прибудет печь. И вот этот день настал. Господин Хаяймелен никому не доверил распаковку ящика и монтаж печи.

На следующий день трактор прицепили к полозьям, и наша сауна медленно поехала в сторону реки. Много вечеров после работы и в выходные (когда они случались) интернациональной компанией, иногда с детьми и жёнами, мы проводили в этой сауне. Слава Ярцев раздобыл где-то берёзовые веники, и хоть господин Хаяймелен был категорически против, объясняя, что финская сауна это сухой, а не мокрый пар и веники здесь не уместны, хлестал себя ими, вымочив предварительно в кипятке и получая при этом истинное удовольствие. Зато господин Хаяймелен соорудил специальный помост и распаренный в парилке прыгал с него в Узень, призывая и нас делать это. Потом по Александров-Гаю разнёсся слух, что бабы, пасшие коров, видели голых мужиков, сигающих в реку.

После окончания строительства, когда разъехались иностранные специалисты, начальник компрессорной станции «прихватизировал» нашу сауну, сделав её специальным местом приёма начальства. Однако это продолжалась недолго. В один прекрасный день сауна сгорела. Говорили всякое, то ли сторож заснул и не заметил, как что-то там загорелось, то ли Слава подослал своих орлов-монтажников после того как начальник компрессорной станции не пустил его в сауну. Кто его знает?

ГАЗИФИКАЦИЯ

Трассы газопровода Средняя Азия – Центр проходили по туркменским пустыням, узбекским и казахским степям. Местные жители, которые в основном занимались скотоводством, с неудовольствием наблюдали, как огромные машины, пыхтя и извергая гарь и вонь, сначала рыли землю, вгрызаясь в неё железными клыками, потом привозили большие трубы и сваривая их между собой, зарывали длинную, толстую, металлическую змею обратно в землю. Отары приходилось перегонять на новые места, подальше от трасс газопроводов.

Однажды к компрессорной станции подъехал старый раздолбанный «козлик», из которого вылез аксакал, по случаю одетый, наверное, в лучшие свои одежды, длинный расписной халат, подпоясанный свёрнутым в несколько раз куском длинной материи, брезентовые сапоги (пыльники) и национальную казахскую шапку.

Борис Сергеевич, начальник компрессорной станции, вышел к нему, с уважением протягивая две руки, для пожатия (знак верха уважения), и приглашая к себе в кабинет. Секретарша уже готовила чай. Местные органы власти приказывали жить с местным населением в мире и дружбе, да и сами газовики с удовольствием заводили дружбу, используя её потом для бартера – в основном железо на продовольствие.

Когда закончились обязательные расспросы о жизни, семье и баранах, аксакал спросил:

– Что, уважаемый, совсем с газом плохо стало?

– Почему плохо? Работаем, газ даём – удивился Борис Сергеевич

– Почему у меня газа нет? – спросил аксакал – сначала так хорошо было. Чай готовил, мясо готовил, плов готовил, а потом нет газа.

Борис Сергеевич всё понял. Он снял телефонную трубку, набрал номер и спросил:

– Фёдор Иванович, кто у нас трассу вёл у Сараванского аула? СУ-1? Так, так. А там кто мастер? Сидорчук? Понятно. Так вот процентовку ему не подписывать. Пускай ко мне придёт и чем быстрее, тем лучше.

Борис Сергеевич проводил аксакала, пообещав ему принять меры и исправить положение. Дело было обычное. Идёт строительная колонна, тянет газопровод, а невдалеке расположился шатёр пастуха со стадом овец. Приходит к нему такой Сидорчук и говорит:

– Отец, хочешь газ проведём, будешь плов варить, чай готовить. Мы тебе газ, ты нам трёх овец.

Ну, пастух и соглашается. Наши строители-монтажники протягивают небольшую трубу из списанных отходов и на её конце зарывают пропановый баллон с редуктором. Демонстрируют пастуху, как газ горит. Учат, как открывать, запаливать и закрывать горелку. Забирают баранов. И всё. Много ли старику надо? Месяц, а то и больше работает баллон. За это время строители уходят далеко вперёд. Ищи их потом.

MUSHROOMS

Как по-английски грибы, я запомнил на всю жизнь. Как-то представители специальной конторы намекнули, что неплохо бы пригласить наших американских коллег на семейный ужин. Легко сказать, когда даже хлеб мы не всегда могли свободно купить. Приходилось бегать в столовую и выпрашивать у персонала буханку. Хорошо, что там работала жена сменного инженера из нашего цеха. Но предусмотрительные работники спец. органов обещали помочь с некоторыми дефицитными продуктами: майонезом, банкой зелёного горошка, сливочным маслом, варёной колбасой и т. д. Сейчас даже с трудом можно представить, что такие продукты являлись дефицитом в своё время. Всё остальное, конечно, ложилось на плечи Галины: уборка, готовка, сервировка.

Американцы пришли втроём, во главе с руководителем их группы Томом Гримельоном.

Стол был накрыт по Александров-Гайским меркам изысканно. На белой скатерти стояли неизменный для советских праздников салат оливье, астраханская селёдка, презентованная по такому случаю соседями-вертолётчиками, приправленная зелёным лучком, выращенным в банке на окне, салат из тёртой моркови под майонезом, солёные огурцы, нарезанными длинными дольками, и брянские маринованные грибочки, приправленные подсолнечным маслом. На горячее было припасён тушёный барашек, конечно, не целиком, а лучшие его части, привезённые узнавшим о готовящемся визите Славой Ярцевым, у которого с некоторых пор был налажен бартер (пропановые баллоны на мясо) с ближайшим аксакалом, с отварным рисом на гарнир. Ну и, конечно, запотевшая бутылка водки, с этим товаром дефицита не было. На десерт был припасён большой арбуз. Недалеко от компрессорной станции были бахчи, на которых корейцы выращивали арбузы. На Александров-Гайском базаре были огромные

горы этих ягод по 5 коп. за килограмм. С тех времён я, кажется, наелся арбузов на всю оставшуюся жизнь.

Американцы пришли не с пустыми руками. Какие-то баночки с консервированными продуктами, сувениры в виде блокнотов и ручек и бутылка американского виски.

Обычные застольные разговоры, которые можно было вести при отсутствии навыков разговорного языка. Больше всего из нашего стола им понравились маринованные грибы. Грибы, надо сказать, действительно были знатные. Галкины родители были большими специалистами по сбору и приготовлению грибов. А в брянских лесах их всегда было в избытке, особенно когда знаешь, где собирать. Они привозили из леса огромные корзины различных грибов. По только им ведомой технологии готовили их и закрывали в стеклянные банки, которые хранили в погребе. Когда мы приезжали в отпуск, всегда с собой прихватывали пару банок грибов и открывали их только по праздникам или особым случаям. Таких грибов больше я не ел никогда в жизни. После смерти Марии Максимовны её муж Владимир Михайлович ещё пытался какое-то время продолжать заготовки грибов, но увы, это были уже не те великолепные маринованные грибочки.

Американцы, попробовав, не переставали их подкладывать, и Галина уже опасалась, что не хватит и второй последней банки, имевшейся в нашем распоряжении.

– Какая фирма выпускает этот продукт – спросил один из гостей – я бы заключил с ними контракт на оптовую поставку в Америку.

Мы объяснили им, что эти грибы приготовила моя тёща и, конечно, никакие поставки в Америку невозможны.

Вечер прошёл в дружественной обстановке к удовлетворению присутствующих. Недовольными остались только работники специальной службы. Наверное, им жалко было использованных продуктов.

ДЖИНСЫ

Наши посиделки на берегу реки возле сауны, естественно, сопровождались выпивкой. У американцев и англичан всегда оказывалась бутылочка бренди или виски. Немцы тоже что-то приносили с собой, ну и, конечно, у нас была наша водка. Переводчиков на такие встречи мы старались не брать. Правда, это удавалось редко. Меня всегда удивляло, как, не владея иностранными языками в достаточной мере, нам удавалось общаться. Институтская программа не давало разговорных навыков. Конечно, мы знали какие-то слова и выражения, конечно, мы учились на ходу, мы с Галиной даже срочно поступили на заочные курсы иностранных языков и успешно делали домашние задания, высылая их в Москву, но этого было совсем недостаточно для нормального общения. А общаться хотелось, спорить и доказывать, спрашивать и рассказывать. А вот после спиртного язык развязывался. Я начинал понимать и говорить гораздо больше. Удивительно! Я никогда не забуду, как с одним немцем, большим, бородатым молодым человеком моих лет, мы вдвоём просидели и проговорили всю ночь (я доплёлся до дому только под утро), выпив при этом ящик шампанского. Немец не говорил ни по-русски, ни по-английски. Я, естественно, ни бум-бум по-немецки. Мы говорили обо всём: о политике и религии, о спорте и музыке, о технике и женщинах. И я видел, что он меня понимал, а я понимал его. Или это был виноват во всём ящик шампанского?

Иностранцы для нас в то время были как жители с другой планеты. А тут такое тесное общение. Конечно, наши доблестные органы не дремали. Начальник службы контрольно-измерительных приборов и автоматики компрессорной станции вдруг срочно перешёл на работу в эти самые органы. Списки сотрудников, имеющих допуск к иностранным специалистам, проверялись и перепроверялись. Время от времени нас вызывали с докладами, кто что говорил, кто что видел, кто что делал. Это было неприятно, но неизбежно. Уже через много-много лет, встречаясь с людьми из той жизни, я понял, что это делали все. Может, и не даром. Среди иностранцев тоже попадались странные специалисты, довольно хорошо говорившие по-русски и пытавшиеся заводить сомнительные разговоры.

Так уж получилось, что наша квартира находилась как раз напротив трёхкомнатной квартиры, которая предназначалась для иностранцев. Это потом им отвели целый подъезд в новом, только что построенном доме. Они жили по двое, трое в квартире. Иногда, ненадолго, кто-то оставался один. Так получилось, что в какие-то праздники, когда все разъехались, уехал и переводчик, американец Герберт Смит, оставшийся один, заболел. Он постучал к нам в дверь с красными глазами, с шарфом, обмотанным вокруг горла, и объяснил, что ему совсем плохо. Мы с Галкой уложили его опять в постель и старались понять, в чём дело, что болит. Он показывал график своей температуры, которую контролировал уже вторые сутки, говорил (больше показывал) про больное горло, таблетки (аспирин), которые пил. Как назло, никого из руководства нет. Что делать? Иностранец! Галина быстро поставила диагноз – обычная простуда. Горячее молоко, малиновое варенье, какое-то полоскание для горла она приготовила быстро. Я тем временем пытался дозвониться до районной больницы. Это было сделать не так просто. Я объяснял, что это иностранец, что ему нужна медицинская помощь. Но не забывайте, что это были праздники, руководство больницы тоже отсутствовало. Услышав слово «иностранец», каждый пытался направить меня к другому врачу. Прошло немало времени, когда наконец в дверь постучали. На пороге стояла пожилая (или нам тогда так казалось?) усталая женщина.

– Где раздеться? – спросила она, уже снимая пальто – Где больной?

Я проводил её в комнату. Мятый застиранный, когда-то белый халат, из-под мохеровой шапки выбивались крашенные пряди. Она, ни слова ни говоря, окинула взглядом комнату, лежащего на кровати Герберта, укрытого двумя одеялами, и неопределённо хмыкнула.

– Где руки помыть? – спросила она, и не дожидаясь ответа, направилась в ванную комнату.

Процедура осмотра заняла не много времени. Прослушала дыхание, посмотрела горло, замерила пульс.

– На что он жалуется? – просила врач, обращаясь к нам – Горло? Да есть покраснение. Острое дыхание. Отправить его надо в Саратов от греха подальше. Что он пил? Аспирин? Понятно. Хорошо бы молоко с мёдом, варенье малиновое. Я вот выпишу от температуры.

Женщина написала рецепт и положила на стол.

– А вообще-то ничего страшного. Но главное, не запускать. И в Саратов отправляйте его.

Она оделась и ушла. А мы остались. Три дня праздников впереди. Что делать? Герберта мы успокоили, как могли. Наши таблетки пить он отказался

наотрез – только свои. А вот молоко и чай с вареньем выпил с удовольствием. Галка сварила бульон из последнего куска мяса и заставила его выпить.

Мы навещали его через каждые два часа. То ли молоко с вареньем подействовали, то ли наша забота, но на следующий день ему было значительно лучше. Сразу после праздников его всё-таки забрали в Саратов. В Александров-Гай Герберт больше не возвращался. Его коллеги говорили, что его отправили домой в Америку.

Был погожий весенний день. Наше интернациональное сообщество очередной раз выехало к сауне что-то отметить: то ли день взятия Бастилии, толи какой-то американский праздник, на который нас пригласил Том Гримельон, руководитель иностранных шеф-инженеров. Уютно горел костёр, готовились шашлыки, за что-то выпивали, о чём-то говорили, кто-то бренчал на гитаре. Англичанин Джеймс К., уже под хмельком, уютно устроился на дощечке на берегу реки. Канадец и американец с фамилией Дзержинский потихоньку подкрались к Джеймсу и выхватили из-под него доску. Шутка «удалась» на славу. Джеймс, как бревно, скатился по крутому берегу прямо в Узень. Дно реки илистое, да и достаточно глубокое уже от берега. И ухватиться не за что. Англичанин машет руками, явно не понимая, что случилось и что делать. И вообще явно собирается, как минимум, нахлебаться воды. Я прыгнул с берега прямо в воду (а это метра три, не меньше), и стал выталкивать Джеймса поближе к кромке воды, сам при этом погружаясь в воду с головой и нащупывая ногами дно, отталкивался от него, что придавало Джеймсу нужное ускорение в направлении берега, а меня снова погружало в воду. На берегу у воды уже стояли наши ребята (иностранцы даже не двинулись с места), кто по колено в воде, кто с той злосчастной доской. Джеймса вытащили на берег. Быстро начали готовить одежду для побывавших в воде. Кто снял свитер, кто куртку, кто стянул с себя даже брюки. Набросали дров в костёр, чтобы увеличить пламя огня. Нас с Джеймсом заставили выпить по пол стакана водки. Было уже всё же прохладно, да и вечер приближался, а машина за нами должна была прийти только через час. Том Гримельон что-то резко выговаривал своим коллегам. Слава Богу, всё обошлось. В посёлок ехали уже с шутками, вспоминая эпизоды спасения. На следующий день ко мне в вагончик пришёл Джеймс, тряс мою руку и благодарил за спасение.

Прошла неделя-другая, и Джеймс засобирался на перекомандировку. Иностранные специалисты время от времени уезжали домой, мы так понимали, на побывку, а потом возвращались. Наверное, им трудно было выносить условия жизни, в которых наши люди жили всё время. Перед отъездом Джеймс подошёл ко мне:

– Виктор, ты мне жизнь спас. Чем я могу тебя отблагодарить?

– Ну, что ты Джеймс. Какая благодарность? Всё нормально! – говорил я, а у меня крутилось на языке, что так поступил бы каждый русский человек.

– Нет, нет Виктор. Я хочу для тебя что-то сделать – настаивал Джеймс.

– Хорошо. Если, конечно, тебя не затруднит. Если это возможно. Привези мне джинсы – наконец то сдался я.

– О, конечно. Ты мне жизнь спас.

Прошло ещё две недели и Джеймс вернулся в Александров-Гай. Встретив меня в цехе, он пригласил зайти сегодня вечером к нему, так как он выполнил мою просьбу.

– Гал, а деньги брать? – спросил я у жены, собираясь вечером в гости.

– Не знаю. Возьми на всякий случай – ответила Галина и как в воду смотрела.

Джеймс встретил меня радушно и сразу же принёс пакет. Джинсы, настоящий «Levies», мечта любого советского молодого человека. Это не просто штаны, это показатель принадлежности, причастности. Это мера статуса. Это воплощение мечты. Я уже представил, как пройдусь в этих джинсах по родному Брянску, когда приеду в отпуск. Я, наверное, глупо улыбался, когда принимал драгоценный пакет.

– Спасибо Джеймс. Сколько я тебе должен? – спросил я чисто на автомате, больше для формы.

– Виктор, ты мне спас жизнь. Только для тебя 30 рублей.

Это был небольшой шок. Конечно, джинсы, настоящие джинсы стоили тогда у спекулянтов гораздо дороже, но мог бы так поступить любой русский человек? Я уверен, никогда! Это был урок. Европейцы наверное и не могли по-другому, тем более англичане. Я не раз в последующем убеждался, насколько разное наше восприятие мира, наше воспитание, наши ценности.

ЗОНА НЕУВЕРЕННОГО ПРИЁМА

Оказывается, телевидение изобрёл в начале прошлого века российский учёный. Как всегда, мы изобретаем, а кто-то внедряет и потом по всему свету распространяется это изобретение, и никто не вспоминает про того, первого, придумавшего всё это.

В средине 70-х телевидение появилось и у нас в Александров-Гае. Пять телевизоров «Рекорд» быстро раскупили из местного магазина, а некоторые уже начали вести аппараты из областного Саратова.

Жена как раз вышла в декретный отпуск и настояла, чтобы телевизор купили и мы.

– Что я буду делать целый день? Ты на работе пропадаешь с утра до ночи. Я хоть телевизор буду смотреть.

«Рекорд» был маленький, на тоненьких ножках и хорошо вписался в угол, без сомнения улучшив интерьер нашей небольшой комнаты.

Никого не смущало, что мы находились в зоне неуверенного приёма телевизионного сигнала, как нам потом объяснили знающие люди. Эти же люди начали изготавливать антенны из подручного материала. Слава богу, этого материала на компрессорной станции было в избытке. Чертёж антенны был опубликован в одном из технических журналов, то ли «Техника молодёжи», то ли «Знание сила». Каждый старался поднять антенну, как можно выше и создать конструкцию как можно сложней.

Всё было напрасно. Зона неуверенного приёма жила своей жизнью. На экране из чёрно-белой ряби вдруг проявлялась картинка и хрипловатый звук. Через пару минут набегали волны и шипение. Когда снова появится реальное виденье, знало только пространство. Тем не менее телевизор включали и даже садились вокруг и упорно смотрели на экран в надежде что ни будь увидеть.

У нас телевизор тоже работал, создавая фон.

– Смотрите, Брежнев выступает – говорила моя сестра, приехавшая ко мне в гости, указывая на экран проснувшегося телевизора. Через некоторое время зона неуверенного приёма становилась немного уверенней, и Брежнев превращался в толстомордого негра, исполняющего джазовую композицию.

В 1974 году состоялся чемпионат мира по футболу, и наши любители телевидения вознамерились его смотреть обязательно. Было замечено, что, когда была пасмурная погода, да ещё шёл дождь, зона становилась благосклонной, волны бежали стройными рядами и телевизор начинал показывать, да ещё как показывать.

Как-то раз я услышал шум льющейся воды и крики, доносившиеся с улицы. Выглянув в окно, я увидел Лоскова, сварщика с нашей компрессорной станции, поливавшего из пожарного рукава крышу двухэтажного дома. Вокруг бегал народ. Мужики давали советы, женщины ругались, ребятня кричала от восторга, стараясь попасть под струи воды. Из окна второго этажа высунулся кто-то и замахал руками:

– Давай ещё, Петро! Лей пока.

Мужик снова скрылся в окне, а Лосков с удвоенной энергией продолжал поливать крышу.

– Вань, что там случилось? – спросил я пробегавшего мимо знакомого – Пожар, что ли? Что там Лосков задумал?

– Так футбол же сегодня! Бразилия играет.

– Причём здесь футбол? – удивился я.

– Так мужики же говорят, что, когда дождь, хорошо телек видно.

Зона не отреагировала на усилие наших любителей футбола. Посмотреть Бразилию в этот день так никому и не удалось.

ДЖЕННИФЕР ГРИФС

В один из холодных декабрьских дней на компрессорной станции появилась американка. Ветер гонял по Ал-Гайской степи снежные вихри, выдувая последнее тепло через щели блочного главного щита управления, произведения советских конструкторов, производителей и строителей. Персонал согревался кто как мог: сменный инженер, кутаясь в овчинный тулуп, в ватных штанах и валенках, напоминал рыбака на замёрзшем озере, КИПовец Миша, увлечённый работай, в расстёгнутой телогрейке носился между щитами автоматики газоперекачивающих агрегатов, не замечая холода, слесарь дядя Вася уже с утра «принял на грудь» и, ухмыляясь в усы, мечтал о горячем обеде.

Чуть тёплые батареи в вагончике, разделённом на две половины, служившие кабинетом начальника цеха и офисом иностранных специалистов, всё-таки создавали положительную температуру, позволяя хоть иногда снять перчатки и поработать с бумагами. В один прекрасный декабрьский день открылась тяжёлая металлическая дверь, вошёл переводчик Игорь и с ним невысокая девушка.

– Разрешите представить Дженнифер Грифс, специалист по станционной автоматике «Геоматик» - сказал он. Девушка смотрела на меня с нагловато-растерянной улыбкой. Да, такая смесь уверенной наглости, присущей всем американцам, и растерянности, явно говорящей, что она не совсем понимает, куда она попала.

Первым, что сделала Дженнифер, поставила стакан, наполненный водой, в щит «Геоматик». Утром она с негодованием показывала мне стакан уже со льдом внутри и говорила что-то о невозможности проводить пусконаладочные работы и про гарантию её фирмы, которая будет снята, если на главном щите управления не установится положительная температура. И как её, эту температуру установишь, если в блочной котельной, предназначенной для отопления

цеха, ещё «конь не валялся». Наладчиков ждали только через месяц, а времянки, брошенной от старых цехов, явно не хватало. Да ещё мороз с ветром, как назло.

К вечеру второго дня запал Дженнифер явно пошёл на убыль. Нос её начал синеть, зубы выстукивали барабанную дробь, руки дрожали. Ал-Гайский холод и ветер совладали с её дутой болоньевой курточкой, отороченной искусственным мехом по контуру капюшона, симпатичными сапожками и фирменными джинсами. Галина Константиновна Варавенко, женщина лет 45, исполнявшая у нас в цехе роль секретаря, кладовщика и ещё бог знает кого (без неё я был как без рук), проникшись материнским состраданием, сбегала на склад и вернулась с кучей нужных вещей. Ей как-то удалось затащить Дженнифер на нашу половину. Как уж Галина Константиновна с ней разговаривала, не владея языками, как ей удалось её убедить, но через какое-то время Дженнифер вышла из вагончика в валенках, овечьем тулупе и шапке ушанке. Единственное, что она отказалась поменять, так это свои джинсы на ватные штаны. В этой одежде она проходила до самого своего отъезда. Вообще-то Дженнифер оказалась неплохой компанейской девчонкой. Мы её пригласили на новогоднюю вечеринку, на которую мы собрались в квартире Миши Лернера (гениального КИПовца, впоследствии уехавшего в Израиль и создавшего вполне процветающую собственную фирму), в компании Толика Малкина с его невестой (сына ректора одного из московских вузов, диссидента, отказавшегося служить в армии и находящегося в Александров-Гае на «химии», впоследствии эмигрировавшего в США) и нас с Галиной. Ребята прекрасно болтали по-английски, а мне оставалось только завидовать и довольствоваться пояснениями и переводом. Правда, потом этот вечер мне аукнулся, когда КГБешники допытывали о чём мы говорили и главное, как оказался в нашей компании Толик Малкин. Как-то раньше я не задумывался о национальном вопросе. Ну казахи, ну хохлы, ну евреи. Какая разница? Но после вопросов в конторе….

Тепло на главный щит управления мы всё-таки подали. Как обычно, не стандартно, по-русски. В панелях здания главного щита управления прорубили два отверстия как раз под размер воздушных рукавов бензиновых подогревателей, которые одолжили на вертолётной площадке. Такими подогревателями вертолётчики обогревали свои машины в холодную погоду перед вылетом. Хотя на главном щите нестерпимо стало пахнуть выхлопными газами, зато через несколько часов можно было начинать пусконаладочные работы. Станционную автоматику мы успешно запустили, благодаря Дженнифер Грифс и Мише Лернеру. Компания «Геоматик» осталась довольной.

Домой в Америку Дженнифер провожали только мы с Галкой и Миша. Толика Малкина после нашего новогоднего вечера быстренько перевели в другое место, чтобы не разлагал трудовую советскую молодёжь.

МУЛАТКА

Это была одна из моих первых поездок за границу. Пришла перестройка, рухнул железный занавес. Большие компании начали отправлять своих специалистов за рубеж, мир посмотреть, поучиться у иностранцев, опыта набраться. К тому же это был неплохой бизнес для руководителей этих компаний. Во многих случаях такие поездки организовывали наши бывшие, проживающие за рубежом, и естественно с соответствующей заинтересованностью руководителей российских компаний.

В 1995 году меня включили в такую группу, отправляющуюся в Хьюстон. Лететь нужно было с пересадкой в Амстердаме, где мы ночевали одну ночь. Сопровождала нас Джулия (Юля из Киева), которая с американским мужем и организовала этот бизнес по обучению специалистов газовых компаний России. Симпатичная, маленькая, энергичная она успевала со всеми найти общий язык, строить глазки и вполне уверенно и со знанием дела общаться с нашими важными начальниками.

Первое незабываемое впечатление вызвал аэропорт Схипхол, целый город. Огромный, красивый, чистый (по сравнению с Москвой 90-х), везде яркие вывески не по-русски (впечатление, как у моей дочери, впервые попавшей за границу «Пап, смотри, одни иномарки!»), солидные джентльмены, катящие свои небольшие саквояжи на колёсиках, движущиеся дорожки и люди, спокойно без шума и гама передвигающиеся в своих направлениях. Конечно, наша группа явно выделялась из этой благопристойной массы. Мы крутили головами, отставали, неуверенно прокладывая неведомый путь через коридоры и эскалаторы. Джулии необходимо было затратить определённые усилия, чтобы, собрав нас в кучу, не потерять кого-нибудь по дороге, успешно преодолеть пограничный контроль и довести до автобуса. Виды города из окна автобуса продолжили насыщать наше любопытство.

Поселили нас в небольшой гостинице «Tulip» (Тюльпан), недалеко от площади «Damrak». Джулия вручила нам карту города и сказала, что у нас свободное время. Этого времени было катастрофически мало. Всего один вечер и одна ночь. Завтра рано утром мы должны быть в аэропорту, чтобы продолжить наш полёт в Америку.

Амстердам, свободный город и так хотелось побродить по его улицам, окунуться в атмосферу разношёрстной толпы, посмотреть на каналы и необычные, как из сказок братьев Гримм, дома. Но надо было выбирать, и мы подавляющим большинством (а может и единогласно) выбрали улицу красных фонарей. Кто про неё не слышал и кто не хотел там побывать хотя бы раз?

Надо сказать, что у меня с юности была мечта, не мечта, а так идефикс. Начитавшись в своё время книжек про пляжи Копакабана, насмотревшись красивых картинок, мне до ужаса хотелось иметь отношения с мулаткой. Красивой, высокой, сильной и уверенной – мулаткой. Ну на худой конец с креолкой. Я понимал, конечно, что не будет этого никогда (в конечном счёте, так и произошло), но желание от этого совсем не уменьшались. Засыпая, я включал воображение. Горячее солнце, горячий песок (чуть не запел про Учкудук – три колодца) и по этому песку ко мне подходит мулатка. Её походка легка и упруга. Стройные ноги, переплетаясь в изящном шаге, по щиколотку погружаются в жёлтый, искрящийся песок. Узкая полоска плавок покачивается на бёдрах при каждом шаге этой шоколадной пантеры. Волосы связаны в узел на голове и от этого стройная шея кажется ещё длинней. Она подходит ко мне, берёт за руку и увлекает в шипящую белизну прибоя. Наши тела переплетаются в лазурной воде океана и солнце загорается в каждой капельке воды на гладкой коже. Дальше, как правило я засыпал.

Мы группой коллег, обалдевших от увиденного, медленно брели по узким переулочкам, горбатым мостикам, двигаясь то вдоль канала, то углубляясь в недра квартала. В больших витринах и маленьких окнах, освещённых красным светом, стояли девушки разных национальностей и возрастов. Все они казались красивыми и привлекательными, несмотря на искусственные улыбки и

пренебрежения на лицах к глазеющей на них толпе. Некоторые окна были закрыты плотными шторами. Какие-то дамы выходили к открытым дверям, зазывая проходящих улыбками и жестами. Секс-шопы демонстрировали фантазию на любой вкус и воображение. Никогда не видевшим всех этих штучек, нам хотелось остановиться и рассмотреть всё поподробнее, но наличие коллег рядом и советское воспитание не позволяли этого делать. И всё же мы зашли в секс-музей, попавшейся на нашем пути. Пыльные, плохо освещённые коридоры, статуи, картины и картинки (некоторые из них якобы Джона Леннона), в том числе со сценками из «Кама сутры» демонстрировали эротическую фантазию людей разных эпох и национальностей. Мёртвая фантазия и мёртвое искусство, опошленное самим местом, грязными комнатами и стеснением стоящих рядом людей. Хотелось быстрее выйти на улицу.

За одним из поворотов вдруг мой взгляд остановился на одном из окон. В нём стояла она. Моя мечта, та, которую я представлял себе в своих грёзах. Красивая, стройная мулатка с узлом волос на макушке, в котором торчала зелёная заколка. Я замер. Её гордый взгляд, безразлично направленный куда-то вдаль поверх голов толпы, через некоторое время остановился на мне, и чуть заметная улыбка дрогнула на губах. Наши уже отошли дальше, а я всё стоял и смотрел, пока меня не окликнули. Пришлось догонять.

Ближе к ночи людей становилось всё больше и уже приходилось в некоторых местах протискиваться через тела, проверяя время от времени наличие денег, спрятанных в дальнем глубоком кармане куртки. Мы не могли запомнить расположение улиц и поэтому ходили, куда кривая выведет. И через какое-то время она нас вывела опять к этому же окну. И я опять остановился. Мулатка, видно узнав, меня снова улыбнулась, уже боле открыто, и видя, что я стою, не сходя с места, начала делать призывающие жесты. И что удивительно, они не были нахальными или похабными. Они были элегантные и утончённые, тем не менее настолько призывны и обещающие. Меня опять окликнули и я, оглядываясь на мою мулатку, пошёл догонять своих. Наша группа постепенно таяла. Куда исчезали коллеги, не известно. То ли отправлялись в гостиницу спать, то ли просто отстали и затерялись в толпе, то ли …, растворяясь в улицах красных фонарей.

Примерно ещё через час созерцания толпы, магазинов, девочек мы снова оказались перед этой витриной. Нас осталось четыре человека, и мы уже намеривались отправляться спать. На этот раз я встал тупо и на долго. Я не мог оторвать глаз от мулатки. Она увидела меня, выхватив взглядом карих глаз из толпы, и не стесняясь вышла из дверей своего будуара, взяла меня за руку и что-то говоря, стала настойчиво тянуть за собой, а я как телок на привязи, одурманенный её красотой, запретностью свершаемого, медленно шёл за ней. И тут я почувствовал, что меня кто-то крепко схватил за другую руку.

– Русо туристо облико омарале – раздалось за моей спиной и меня потянуло в другую сторону от моей мулатки, от моей не сбывшейся мечты.

Виктор Матвеевич Р., с которым мы работали вместе в отделе, старше лет на семь, тащил меня от витрины.

– Спать, спать пора, у нас ещё Америка впереди, надо силы поберечь.

Я шёл, оглядываясь на остывающий в дали отсвет красной витрины и мне сделалось, как-то грустно и легко. Как часто человеку приходится бороться с соблазнами? С одной стороны, зовёт что-то новое, неизведанное, неиспытанное. А мужчина по природе своей исследователь и испытатель. И никуда не

денешь - природный зов. К тому же, если это ещё подкреплено многолетней мечтой. Или влиянием толпы. И люди, слабые духом и скудные умом, зачастую не задумываясь, идут по этому зову, за которым возможно стоит дьявол и потом всё оставшуюся жизнь, погрязнув во грехе, служат ему, не в силах вырваться. И начинается всё с мелочей. С маленьких поблажек себе, с небольших уступок обстоятельствам, с уговариванием самого себя «да я только раз, попробую». Дьявол скрывается в мелочах. Раз, и ты его на веки.

С другой стороны, я был рад, что моя мечта останется теперь навсегда со мной. И я снова буду её лелеять в своих грёзах. И она будет помогать мне расцвечивать мир красками лета и юности. И я расскажу о своей мечте своей женщине, с которой свела меня судьба раз и навсегда. И она поймёт и улыбнётся, погладив меня по голове. И подумает, наверное, «Ох уж эти мужчины. Они и до седых волос как дети».

А тот, который наблюдает за нами с небес, ухмыльнётся в свою густую бороду и может быть, поставит мне маленький плюсик на воротах, открывающих дорогу, ведущую в рай.

А Виктор Матвеевич потом не раз вспоминал, как он спас меня от падения или спас мою мечту от крушения.

ДОКУМЕНТАЦИЯ

«Толщина этого отчёта надёжно защищает
его от возможности быть прочитанным»
Уинстон Черчилль.

Меня всегда поражало, как можно нормальному человеку, находясь на своём рабочем месте успевать читать все письма, отчёты, проектную документацию и другие бумаги, которые каждый день секретарь оставляла на моём столе. Я оставался после работы и выходил на работу в выходные дни, но всё равно количество бумаг росло быстрее моих возможностей. Что я только ни делал: и поручал подчинённым, и читал по диагонали, и смотрел только заключение – ничего не помогало. Ну с письмами проще, я применял систему трёх папок, которой меня научил Юрий Никонович Януш ещё в далёком 1974 году, когда меня только назначили начальником компрессорного цеха. В первую папку необходимо было укладывать бумаги для ежедневного просмотра. Во вторую перекладывать те документы, по которым я не смог принять решения и просматривать эту папку я должен был каждую неделю. В третью папку попадали документы из второй папки, по которым опять же решения не принимались по каким-либо причинам. К этой папке я должен был возвращаться не реже одного раза в месяц. Если в ней оставались документы без решения: «Выкидывай их в самый долгий ящик. Очень мало вероятно, что они будут, когда-нибудь востребованы» - говорил Юрий Никонович. По большому счёту так и выходило. Каждый день возникали задачи, которые требовали немедленного решения. И вопросы месячной давности как-то сами собой или решались или умирали за ненадобностью. Конечно, сейчас другое время и другие приоритеты. Как-то мне один хороший человек сказал: «Раньше для нас было главное достижение цели, а сейчас главное быть в процессе». Мудрые слова. Нам ставили цели, и мы их достигали, строили трубопроводы и компрессорные, пускали, ремонтировали, эксплуатировали. И мало кого касалось, в каких условиях, какими средствами достигались цели. Главное, сделать. И получить от этого незабываемое удовольствие и чувство гордости. А сейчас главное процесс. Поставил закорючку в письме, отметил в документообороте и хорошо, ты в процессе. И неважно, что в этом письме написано.

Особенно много бумаг начало появляться, когда стали внедрять так называемое проектное управление, бездумно скопированное с западных стандартов. Постоянные заседания: рабочих групп, управляющих советов, координационных комитетов, на которых рассматривались сетевые графики, фазы проектов, целевые функции и т. д. и т. п. Вот тогда документация начала поступать в огромном количестве: программы, планы, предпроектные исследования, проектная документация, отчеты. Её привозили грузовиками. Я как-то спросил Рутковского И., возглавлявшего проектную группу в Газавтоматике, как им удаётся столько писать бумаг, на что получил честный ответ: «Тяжело написать только первый документ, потом всё легче и легче. При помощи компьютера из одного документа сделать два дело техники. А уж если их сотни...».

РЕСТОРАН

Как-то в начале двухтысячных мы с коллегами поздним рейсом прилетели в Германию. Нас встречал только один переводчик, который и сопроводил нас до гостиницы. Когда мы устроились, на что ушло ещё полчаса, он показал на небольшой ресторанчик на другой стороне улицы, и сказал, что там мы можем поужинать, что всё договорено и нам только нужно назвать их кампанию, а ему ещё далеко добираться домой и поэтому он нас покидает. Мы с удовольствием восприняли его предложение и, попрощавшись с ним, направились в ресторан. В то время такие поездки были редкостью и опыта посещения европейских ресторанов у нас не было, но есть хотелось ужасно и терять-то нам было нечего. Мои сослуживцы, недолго думая нашли какое-то мясо и ткнули официанту пальцем в меню. А я решил выпендриться. «Ну что мясо? Банально» - размышлял я – «Самое вкусное и самое большое, наверно должно быть и самое дорогое». Я нашел в меню строчку с самым дорогим блюдом и так же ткнул пальцем официанту.

Через некоторое время все ребята наслаждались большими, вкусно пахнущими, прожаренными кусками мяса, запивая его пивом. У меня текли слюнки, но я терпеливо ждал, думая: «Вот сейчас мне принесут мой заказ, и вы все удивитесь». Заказ принесли, и они действительно удивились. На огромной тарелке по краям, измазанной чем-то зелёным, в центре лежал какой-то морской гад. Рядом официант положил, как мне тогда показалось, хирургические инструменты: двурогую вилочку, крючочки, щипцы, кусачки - мило улыбнулся, пожелал хорошего аппетита и удалился. Немного поковырявшись в гаде и не утолив свой голод, я отложил хирургические инструменты в сторону. Сделать другой заказ я уже постеснялся. Всё правильно – нечего было выпендриваться!

БОЛЬШОЙ СПЕЦИАЛИСТ

В одной из первых поездок по Германии я оказался вместе с одним начальником департамента Газпром, которого я очень уважал за его профессиональные и человеческие качества. Коллеги из немецкой компании «Винтерсхал» повезли нас на компрессорную станцию, расположенную недалеко от небольшой симпатичной деревушки. Компрессорная станция по нашим меркам маленькая, всего три газоперекачивающих агрегата. К нашему микроавтобусу уже в деревне присоединилась машина, на которой приехал, как нам объяснили, оператор этой компрессорной станции. Выйдя из машины, он ключом открыл дверь, и мы вошли на главный щит управления станции, где никого не было. В то время для нас это было удивительно, что на работающей компрессорной станции нет обслуживающего персонала. Со всех сторон посыпались вопросы, на которые немцы спокойно и рассудительно отвечали.

– Но, если будет серьёзная авария, у вас нет людей на компрессорной станции – сказал начальник департамента.

– Конечно вы правы, сразу видно большого специалиста, который видит главное – отвечает старший представитель «Винтерсхал» - поэтому мы и внедряем безлюдные технологии управления КС, чтобы в случае аварий у нас не пострадали люди.

Начальник департамента с умным видом нахмурился. Он то имел в виду совсем другое, но объяснять это представителям компании «Винтерсхал» уже не имело смысла.

БАССЕЙН

В 1972 году в посёлке газовиков на КС Каракалпакская, состоящем из трёх двухэтажных домов был бассейн. Большой неглубокий выложенный синей глазурованной плиткой он приятно радовал глаз среди жёлто-серого песка. Бассейн был сухой, частично занесённый этим самым песком, потому что вода постоянно уходила из бассейна, как его не ремонтировали, а вода в тех местах было на вес золота. Все с этим свыклись, продолжая тем не менее время от времени чистить и ремонтировать бассейн.

В один прекрасный день, пораньше закончив работу, возвращаемся мы с компрессорной станции в наш посёлок и о чудо бассейн полностью заполнен водой. А шли мы пешком по бетонке под палящими лучами солнца. Температура за тридцать градусов, пот течёт, во рту пересохло. На ходу срывая с себя одежду с радостными криками мы бросаемся в бассейн, чтобы через секунду уже с воплями другой тональности оттуда выпрыгнуть. Оказалось, что руководство решило очередной раз отремонтировать бассейн, раздобыв для этих целей какой-то импортный суперцемент и наполнив бассейн водой ждали пока она согреется. При температуре воздуха далеко за 30 вода в бассейне казалась ледяной как у берегов Антарктиды.

Суперцемент не помог и к утру бассейн снова оказался сухим. Больше при нас его уже не пытались снова заполнять водой.

Решетнёв В.С.

ПЕРВЫЙ ВЕРТОЛЁТ

– Поедете на северный участок, на КС Надым, - сказал нам с женой начальник управления Полонский Илья Маркович, - там есть благоустроенное жильё для молодых специалистов. Недавно туда доставили жилой вагончик. В одной половине вы будете жить, на первое время вам этого хватит, в другой обосновался прораб, непосредственный ваш начальник. Он, кстати, сейчас здесь с отчётом, можете поискать его либо в производственном отделе, либо в бухгалтерии. Его Яковом Романовичем зовут. Через пару дней он вылетает на компрессорную станцию, желательно, чтобы и вы полетели вместе с ним.

Искали мы недолго нашего будущего начальника и нашли его в ПТО. Им оказался весёлый парень, года на два-на три постарше меня.

– Молодой специалист? – обрадовался он, протягивая мне руку, которую я крепко пожал, - вместе с женой прибыл, молодец. Давайте знакомиться. Тебя как зовут?

– Меня Виктор, - сказал я, хорохорясь и делая лицо серьёзным. С первых минут я решил показать себя взрослым человеком.

– А по отчеству, как? – продолжил расспрашивать он.

– Сергеевич, - прибавил я.

– А жену как зовут?

– Елена, - сказал я и запнулся, припоминая её отчество, то бишь имя моего тестя.

– Её можно пока без отчества, – заулыбался весёлый начальник, – Лена – красивое имя. А меня Яковом Романовичем зовут, работаю я прорабом на КС Надым.

Что такое Надым, я слышал, это был новый город в Тюменском приполярье, а вот, что такое компрессорная станция, слышал впервые.

– Мы знаем, что вы наш начальник, - ответила жена и улыбнулась Якову Романовичу.

– Вот и славненько, - подытожил наше знакомство весёлый прораб, - послезавтра мы вылетаем. В девять утра я жду вас в аэропорту Белый Яр. Полетим на вертолёте.

– А билеты где взять? - поинтересовался я.

– Привыкай летать без билетов, здесь Север, тут всё по-другому. Ни замков на балках, ни билетов на вертолёты, - усмехнулся он, - ни зависти, ни злости. Здесь человек человеку – друг, товарищ и брат. Иначе нельзя...

Два дня пролетели быстро, их мы прожили в «Деревяшке», гостинице для мастеров и прорабов. Её построили недавно из сибирской лиственницы, и запах древесины ещё стоял в её комнатах, потому её и прозвали - «Деревяшкой». Правда, когда приезжали с отчётом мастера и прорабы с ближних и дальних участков, то запах в ней появлялся и другой. Но об этом я узнаю позже, когда сам впервые приеду с отчётом.

А пока, прожив в ней два дня, на утро третьего в половине девятого мы прибыли с женой в аэропорт. Непосредственный наш начальник уже ждал нас. Он попросил наши паспорта и направился с ними к диспетчеру. Через пять минут вернулся и весело объявил:

– Записал всех, кого нужно, - сказал он, - вылетаем с третьей площадки на вертолёте МИ-8. Номер нашего борта двести двенадцать.

– Через полчаса мы уже сидели в просторном вертолёте (где-то через полгода, я впервые полечу на МИ-6, вот тогда и узнаю, что значит настоящий простор в салоне вертолёта...) на откидной скамье, покрашенной синей краской. Сам борт был выкрашен в оранжевый цвет. Пассажиров набралось человек восемь, остальное место в салоне занимала спецодежда, инструмент и материалы для работы.

Минут через пять заработали турбины, и лопасти потихоньку начали вертеться. Сперва они с шумом разрезали воздух, но потом шум постепенно перерос в свист. Посвистев винтами какое-то время и набрав полные обороты, машина резко взмыла вверх. Я ухватился за лавку, чтобы не упасть и замер. Я и на земле в любом транспорте не всегда хорошо себя чувствую, частенько меня укачивает, а тут тошнотворный комок сразу же подступил к моему горлу. Чтобы попридержать утренний завтрак и не вывалить его наружу, я уткнулся лбом в иллюминатор и начал разглядывать проплывавший под нами пейзаж. А посмотреть было на что. Бескрайняя зелёная тайга, чуть припорошенная первым снегом, тянулась до самого горизонта. Признаков жилья нигде не было видно.

– Ненароком упадём здесь, - подумал я, - и, если останемся живы, то в какую сторону тогда выходить. До ближайшего жилья отсюда и за год не доберёшься.

Разглядывание пейзажа в какой-то мере успокоило моё нутро. Временами я отрывался от иллюминатора и поглядывал на прораба. Интересно, а как он себя чувствует?

Яков Романович, в отличие от меня, чувствовал себя хорошо, потому что давно уже спал. Его голова слегка покачивалась в такт дёрганью вертолёта.

– Как так можно, - удивился я, - вертолёт шумит, дёргается, а он спит, как младенец.

Это был мой первый полёт на вертолёте, в течение которого, а он длился не менее двух часов, я не только не уснул ни на минуту, я еле дотерпел до конечного пункта и просидел всё это время как на иголках. Чего только я не перепробовал: и равномерно дышать, и прислоняться лбом к холодному иллюминатору, и вдаль смотреть, чтобы дёрганье казалось не таким явным... но всё было напрасно. Чувствовал я себя очень скверно. Хорошо, что всё кончается в этом мире, закончился и этот полёт. Второй пилот, наконец, выглянул в салон и объявил о посадке. Мы приземлились на небольшую бетонную площадку, примерно десять метров на десять. Я первым вывалился из вертолёта наружу и глотнул спасительного воздуха.

– На первый раз пронесло, – подумал я, – интересно, а часто придётся летать? Спрашивать об этом прораба я не стал, решил, что скоро сам обо всём узнаю. И что, уже через полгода я летал и на МИ-6, и на МИ-8 и засыпал быстрее всех, сразу после взлёта.

ПЕРВОЕ БЛАГОУСТРОЕНОЕ ЖИЛЬЁ

Благоустроенным жильём, обещанным начальником управления, оказался передвижной вагончик с удобствами на улице. Более того, мы уже слышали, что нам полагалась только одна половина, во второй уже целый год «барствовал» Яков Романович. Отделял нас от него только тамбур, шириной чуть больше метра.

- Ничего, - подбодрил он нас, - половинка хоть и небольшая, зато своя. И в гости друг к другу ходить недалеко.

Спали мы в ту ночь без задних ног, а рано утром нас разбудил стук в наружную дверь вагончика. Потом эта самая дверь открылась, и в тамбур кто-то зашёл.

– Не пугайтесь, молодожёны, – сказал некто оттуда приглушённым мужским баритом, - мы знаем, что вы только вчера прилетели. А мы на охоте были и порыбачили немного, вот решили вас угостить. Оставим вам тут два селезня и две щучки. Можете не вставать пока, - предупредил нас тот же голос, сделавшись чуть громче, - мы оставим

всё в тамбуре на линолеуме. Когда выспитесь, приготовите потом себе обед из дичи.

Когда дверь закрылась, мы с женой наперегонки бросились в тамбур узнать, что же оставили нам незваные гости. На полу под раковиной умывальника лежали две красивые птицы и две щуки, одна из которых была килограммов на пять, не меньше.

Я сразу понял, что мы на Крайнем Севере, и что здесь всё по-другому. На уроках научного коммунизма нас учили, как строить социализм в отдельно взятой стране. Но он почему-то упорно не строился, хотя прошло столько лет после революции. А здесь все уже давно жили при коммунизме. Двери вагончиков на замок не запирались, но это никак не провоцировало воровства. Рассказывали, правда, об одном случае, когда местный хант забрался к поварихе и утащил у неё духи для опохмелки. Флакон стоял в серванте на той же полке, где и деньги лежали, целая пачка – пятьсот рублей. Страждущий местный житель духи забрал, а на деньги не позарился. Потом через месяц он их вернул, об этом мне сама повариха рассказывала. Так что случай тот не в счёт и на воровство он не тянет.

А вот, если надо было срочно ехать с отчётом, а сделать это было не на чем, то на трассе тебя подбирал любой попутный водитель и довозил до нужного места. На чём я только потом не ездил: на отечественных КрАЗах и КАМАЗах, на немецких «Магирусах», на чешских «Татрах», на автомобильном стодвадцатитонном кране «Демаг». Один раз даже прокатился километров двести на гусеничном военном вездеходе. Три дня потом в голове гудело, и лязг от гусениц стоял.

На вертолётах вообще приходилось летать очень часто. В середине восьмидесятых, когда я стал начальником участка, под моим началом было пять компрессорных станций, отстоящих друг от друга на сотни километров, так что налетал я за эти годы не меньше, чем мой родной брат – военный лётчик, на своих транспортных самолётах. Где я только не был и чего только не повидал...но эти две щуки и два селезня, преподнесённые нам в первое утро, остались в моей памяти навсегда. Потом я и сам, сделавшись заядлым рыбаком, а на Севере это быстро происходит, рыбка-то там пока ещё водится, неоднократно проделывал этот же трюк.

Я раздаривал свой улов почти полностью. Угощал и знакомых, и незнакомых мне людей, и только что приехавших на север молодых специалистов и уже давно там живущих. Угостить ближнего – это всегда приятнее, чем съесть самому. Ну, а, какую вкуснятину жена тогда приготовила нам на обед, вспоминаю, и до сих пор слюнки текут. На первое у нас было жаркое из птицы, а на второе котлеты из щуки. На обед мы пригласили Яков Романовича, который, конечно же, согласился, а потом уписывал за столом деликатесы за обе щеки и только нахваливал мою супругу.

ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ

На следующий день с утра Яков Романовича повёл меня на компрессорную знакомить с бригадой.

– Вот ваш новый мастер - Виктор Сергеевич, - представил он меня.

И все рабочие, а это были высококвалифицированные специалисты по монтажу турбин, не первый год зарабатывавшие «длинный рубль» на Севере, жали мне по очереди руку и с улыбкой заглядывали в глаза. Потом в прорабке

я спросил у Яков Романовича, которому самому было 26-ть, не смешно ли выглядят мои «Виктор Сергеевич» по отношению к сорока-пятидесятилетним мужикам.

– Нисколько, - ответил он мне серьёзно, - и я тебе объясню, почему? То, что знают они, ты будешь знать, максимум, через год. А вот то, что знаешь ты, они не будут знать никогда...

Так, с первых дней строительства газопровода «Уренгой-Петровск» я стал Виктор Сергеевичем, отныне и навсегда. И никогда об этом не жалел...

Потом, несмотря на разницу в возрасте, все мы подружились, и коллектив у нас получился не разлей вода. На Крайнем Севере иначе нельзя. Много раз потом я выручал моих «ребят» из разных ситуаций, и они всегда стояли за меня горой.

ПЕРВЫЙ ТАКЕЛАЖ

Через месяц, как я появился на стройплощадке компрессорного цеха Надым, прораб участка Яков Романович засобирался в отпуск.

– Приучайся, – сказал мне тогда Яков Романович наставительно, – ты теперь ИТРовец, турбинист, белая кость, при моём отсутствии будешь отвечать на компрессорной за всё.

Я кивнул головой, не подозревая, насколько быстро наступит эта самая ответственность при отсутствии непосредственного моего начальника.

– С генподрядчиком я тебя познакомил, поэтому не дрейфь, во всём остальном тебе поможет бригадир Володя Шпайзер.

Не успел он улететь, как пришёл приказ об установке трёх турбин на фундаменты. Называлось это – сделать такелаж. Без выполнения этих работ генподрядчик не может начать возводить пристройку к основному цеху.

И вот я на площадке, где мне предстоит впервые самостоятельно сделать такую сложную работу. Подъехали два трубоукладчика «Катерпиллер», прибыла на платформе вездехода «Ураган» первая турбина, ребята одели стропа на проушины рамы маслобака, и такелаж начался.

– Командуй! – сказал мне Володя Шпайзер.

– А как командовать? – поинтересовался я.

– Маши руками машинистам трубоукладчиков, и все дела. Не волнуйся, они уже не впервой делают эту работу... Но, если что, – веско прибавил он, – отвечать будешь ты.

Я посмотрел на своего бригадира, шутит он или нет, но тот был серьёзен. Более того, Владимир Семёнович отошёл в сторонку и встал позади меня.

– Давай, начинай, - сказал он тихо.

Я махнул рукой, и моторы трубоукладчиков взревели. Сначала турбину приподняли с платформы, потом из-под неё выехал Ураган, затем её чуть опустили, и я дал знак машинистам двигаться к фундаментам. Правильно я махал руками, или нет, точно не знаю. Шпайзер в это время стоял позади меня и подстраховывал. По крайней мере, мне хотелось так думать. Может, и он тоже что-то показывал машинистам, но я уже ни на что не отвлекался, понимая, вся ответственность теперь на мне.

ОБСКИЕ ОСЕТРЫ

Стоял я как-то на зимнике, ждал попутки. Ждал давно, а потому замёрз основательно. Была середина зимы 1985 года, и работал я тогда на Крайнем Севере, газ

добывал. Точнее, перекачивал его по газопроводам, монтируя турбины на компрессорных станциях. Работа была интересной, и участок у меня был большой, простирался с Юга на Север километров на четыреста. От Нулевой компрессорной, что недалеко от Надыма, до Девятой дожимной, которая уже находилась за Полярным кругом на берегу Обской губы. Сейчас точно не помню, что и где я тогда монтировал, помню только, что возвращался из Пангод на Правую Хетту, где у меня было постоянное жильё.

Стою час, другой, мёрзну, никто меня не подбирает. Мимо проскакивают плетевозы с огромными трубами, но они, как правило, не останавливаются. Им не рекомендуется брать попутчиков, да и они в основном на трассу едут мимо населённых пунктов. Мороз между тем крепчает, под сорок придавил, а, может, и ниже, вахтовок нет, словно пропали все, и самосвалов не видно. В карьере никто не работает, значит, актированный день, то есть, наверняка уже за сорок. Стою ещё полчаса, начинаю подпрыгивать, чтобы не превратиться в ледышку. Тут подходит ко мне попутчик, дед старый, лет под шестьдесят, в засаленном полушубке. Сейчас мне смешно, что я тогда так подумал о нём, самому скоро шестьдесят стукнет, но тогда мужик этот показался мне дедом.

Поздоровались мы с ним, стоим дальше, молчим, мёрзнем уже вдвоём. Тут выкатывает из-за поворота ГТ-Т-шка, громыхая стылыми гусеницами. И звук от них такой, аж за душу берёт. Но делать нечего, если водитель возьмёт, поедем на ней. Машем руками, чтобы остановилась. ГТ-Т-шка старая, потёртым брезентом крытая, в кабине кроме водителя видны ещё три пассажира. Сидят, улыбаются, сами, небось, были недавно в нашем положении. Агрегат затормозил, да так резко, что снег из-под гусениц пушистым веером во все стороны разлетелся, и нас немного задело. Водитель открывает боковую дверцу, спрашивает:

– Куда надо?

– Мне на Хетту, - отвечаю.

– А мне в Старый Надым, – прибавляет мужик.

– Вы точно поедете? – шофёр ехидно так улыбается, словно предвидит наше незавидное будущее, - у меня свободные места только в кузове, и они далеко не люкс. Правда, у меня там выхлопная по полу проложена, так что не замёрзнете. Но шумновато немного, - и лицо его расплылось в широчайшей улыбке.

Мы переглянулись с попутчиком и, не сговариваясь, полезли в кузов. В сумраке под брезентом было тепло, но это нам сперва так показалось, потому что снаружи было минус сорок. Потом, когда поехали, оказалось, что и в кузове чуть выше нуля, и грохот такой, что можно оглохнуть. Минут двадцать ехали молча, отогревались. Я попытался поставить ноги на выхлопную трубу, чтобы побыстрее согреться, но подошвы унтов тут же задымились, пришлось ноги убрать. Пожилой попутчик тоже мостился-мостился на неудобной сидушке, ставил ноги то туда, то сюда, потом вытянул их вдоль выхлопной и замер. Слегка отогревшись, мы стали знакомиться.

– Петруха, - сказал я и протянул руку.

– А я Пётр Иванович, – пожилой дедуля пожал её и усмехнулся, – выходит мы тёзки. – Где работаешь? – поинтересовался он, – я в Пангодах сторожем на Головной компрессорной, в Старый Надым еду закупаться.

Что такое, "закупаться", я знал. На трассе водку не продавали, а населённый пункт Пангоды относился к трассовым посёлкам. В Старом Надыме был один магазинчик, где можно было разжиться горячительным, но очереди там всегда стояли такие, что ого-го. Я-то и в Новом Надыме не всегда "закупался" в официальных точках, делал это как правило в «65-той Параллели», пусть с ресторанной наценкой, зато

без очередей. Немца Буркхарда иногда надо было угостить, моего шеф-инженера по импортным турбинам.

– А я на Правой Хетте работаю, турбинистом, – поведал я собеседнику, – у меня там квартира в Финском комплексе, капитальное жильё. В других местах я считаюсь в командировке.

– Это хорошо, турбинисты – белая кость, – вздохнул Пётр Иванович, – а я скоро отсюда на Большую землю рвану, – продолжил он разговор, наклоняясь к моему уху, чтобы было лучше слышно, - поеду туда уже во второй раз, надеюсь, теперь окончательно. Хочешь услышать мою историю?

Я пожал плечами, что означало "согласен", и приготовился слушать.

– Впервые я приехал сюда в сорок втором, – начал рассказчик громко, стараясь перекричать лязг гусениц, - когда война была в самом разгаре. Мне тогда едва восемнадцать минуло, и я со своим товарищем Мишкой, моим одногодком, завербовался в Новый Порт рыбу заготавливать. Кто-то посоветовал нам из старших товарищей уехать подальше от войны. Колхоз там создали ещё в тридцать первом от Обьгосрыбтреста. К сорок второму году, когда мы туда приехали, там уже построили рыбоконсервный завод и организовали сезонную плавучую фабрику. Прибыли мы с моим товарищем зимой перед Новым 43-м Годом. В рыбколхозе, куда нас определили, выловом и заготовкой рыбы занимались одни женщины, коих в бригаде насчитывалось двадцать пять человек. Бригадиром к ним был приставлен дед, лет семидесяти, постоянно кашлявший и куривший трубку. Поселили нас с Мишкой в палатке отдельно от женщин, отчего мы в ней поначалу постоянно мёрзли. Но выход потом нашёлся, и я расскажу какой.

Приступили мы к работе уже на следующий день. Ловили осетров так, выходили на лёд Обской губы и над зимовальными ямами выпиливали пилами полыньи. Потом опускали в них длинные багры и железными крюками старались подцепить полусонных рыб. Осетры в этих ямах плавали словно брёвна, перемещаясь снизу вверх. Когда я зацепил первого, и с помощью двух или трёх женских багров выволок его на лёд, то едва не потерял дар речи. В рыбине было под два метра и килограммов сто, не меньше. Но это что, потом попадались и не такие экземпляры, по двести, даже по триста килограммов.

Я до той поры думал, что осетры водятся только в Каспийском море, но оказалось, что это далеко не так. Обские осетры самые большие и самые вкусные. Я потом об этом прочитал в книге «О вкусной и здоровой пище» 1952-го года издания. Но это уже случилось после войны, а тогда я об этом не знал. И куда пойманную нами рыбу девали, тоже не знал, и кто её ел во время войны, понятия не имел. Но, признаюсь честно, жили мы с Мишкой тогда, как у Христа за пазухой. Ели осетров и на обед, и на ужин, делали из них свечи, мази, которыми на ночь растирались, чтобы не замёрзнуть. Короче, кругом одна рыба, и надоела она вскоре нам хуже горькой редьки. Хлеба мало, по одному куску в день выдавали, соли тоже в обрез, не зря рыбу зимой заготавливали, через месяц воротить от такой еды стало. А вот от женщин нас не воротило, совсем даже наоборот, - рассказчик усмехнулся чему-то и вытер руки о засаленный полушубок, - особенно когда стали они нас с Мишкой приглашать в свою палатку погреться. Нам-то что, мы молодые были, среди стольких мягких тел и налитых грудей мы могли хоть целые сутки отогреваться. Но звеньевая, самая старшая из них, групповухи не дозволяла, на ночь оставляла нас Мишкой по одному для каждой из женщин по очереди. Кому-то доставался он, а кому-то я. Как вспомнишь сейчас об этом, так слюнки старческие во рту текут.

А тогда…, тогда мы с ним обурели совсем, с каждым днём всё недовольнее становились, письма начали писать на Большую землю, чтобы нас добровольцами на

фронт забрали. Дескать, наши одногодки с немцами воюют, а мы тут прохлаждаемся, рыбку ловим. Писали мы писали, и вот, наконец, добились своего. Приехали как-то за очередной партией рыбы сталинские комиссары и нас с Мишкой загребли. Меня сразу по прибытии на Большую землю в артиллерийскую учебку определили, и буквально через месяц на Курскую дугу отправили из сорокапятки по немецким танкам стрелять. Сколько раз я потом вспоминал этот рыболовецкий колхоз и сколько раз проклинал себя за свою дурость. Но я хоть живой остался. А вот Мишка…, - рассказчик тяжело вздохнул, - царство ему небесное, в сентябре сорок третьего утонул при форсировании Днепра.

Потом после войны, в сорок восьмом году, - продолжил свой монолог визави, - в районе Нового Порта создали Байдарлаг, филиал ГУЛАГа. Зеки выдолбили в вечной мерзлоте рыбохранилище на 1700 тонн и уже складировали рыбу там. Храниться она могла теперь не только зимой, но и летом, хотя таких осетров, как ловили мы, в Обской губе уже не было, а сейчас их там и вовсе кот наплакал.

Пётр Иванович замолчал и стал покусывать губу. Видать, ему ещё что-то припомнилось, о чём он не хотел рассказывать. Я посмотрел в его лицо, изрезанное глубокими морщинами, мельком взглянул на старые поношенные унты, и подумал:
«А ведь этот человек прожил счастливую жизнь, несмотря ни на что. Он и войну прошёл, и на Крайнем Севере поработал. Ему есть, что вспомнить, теперь вот он поделился воспоминаниями со мной, и у меня настроение улучшилось. А что полушубок у него засаленный и унты старые - так это неважно, поезжу я по компрессорным, и у меня станет такой же».

Пока я размышлял об этом, ГТ-Т-шка остановилась. Водитель вылез из кабины и постучал по брезенту.

– Кому на Хетте выходить? - крикнул он, - давай, выметайся.

Я пожал руку рассказчику, поблагодарил его за приятную компанию и спрыгнул из ГТ-Т-шки на снег. После двух часов сумрака под брезентом он показался мне ослепительно белым.

Дома я принял ванну, напился душистого чаю, и долго потом сидел на кухне в состоянии полудрёмы. Я бы заснул окончательно, если б не лязг гусениц, стоявший в ушах, да неторопливый басок рассказчика, пробивавшийся сквозь него. А ещё я видел перед собой человека, пусть и в засаленном полушубке, но очень счастливого, прожившего жизнь не зря.

ДОГАДЛИВЫЙ НЕМЕЦ

Была снежная весна 1984 года, конец марта, время вьюг. На Правой Хетте сугробы намело под самую крышу, а некоторые балки завалило совсем. В посёлке строителей в столовой каждое утро приходилось откапывать входную дверь, чтобы попасть на завтрак. Белоснежные куропатки ходили пешком по расчищенным тропам и взлетали только тогда, когда на них почти наступали.

Я сидел в вагончике и смотрел в окно. Выходной день был в самом разгаре, и делать мне было совершенно нечего. Весеннее яркое солнце, поднявшись над горизонтом, рассыпалось в сугробах мириадами алмазных брызг.

«Надо бы очки тёмные поискать», – подумал я, и в этот момент раздался стук в дверь, после которого она отворилась, и на пороге я увидел Андрея Матюнина, моего мастера. Он только что вернулся с Большой земли, куда летал по личным делам.

– Вовремя ты, – встрепенулся я, – увидев, как он достаёт из сумки бутылку коньяка и две небольшие баночки с икрой: чёрной и красной. Ещё больше я оживился, увидев завёрнутый в целлофан жёлтенький лимон.

– Сейчас мы отметим твоё возвращение, – радостно возвестил я, потирая ладони.

Как-то он мне рассказывал, что его тётка, живущая в Москве, работает в «Миннефтегезстрое» уборщицей в тамошнем буфете. В этот раз он навестил её, и она выпросила у буфетной продавщицы икру для любимого племянника. Ну а хороший коньяк и лимоны тогда продавались в столице во многих местах. Андрюха широким жестом выложил всё это богатство на стол, и мы незамедлительно приступили к трапезе.

Для начала порезали тоненькими ломтиками лимон, потом сделали бутерброды, положив на каждый икру вдоль равными порциями, справа и слева. Сверху всё это придавили лимончиком. Почему мы намазали икру вдоль? А так, побарствовать захотелось. Нам показалось, что будет вкуснее, если, откусывая бутерброд, сразу оба лакомства одновременно окажутся во рту. Сибаритами захотели себя почувствовать. Затем мы разложили бутерброды на широкой мелкой тарелке красивым орнаментом, получился шикарный натюрморт. Разглядывая его, у нас потекли слюнки. Дальше ждать было уже невмоготу.

Мы разлили по первой. С толком, с расстановкой, с пониманием торжественности момента, подняли стаканчики, и, звонко чокнувшись, выпили. Закрыли глаза, пошевелили пальцами и одновременно крякнули.

– Вот это жизнь! – провозгласил я, и мы, не суетясь, закусили, частично разрушив гармонию натюрморта. Потом разлили по второй, тут уже дела пошли быстрее. Налитый коньячок мы выпили одним махом и откусили сразу по полбутерброда.

– После третьей и второй промежуток небольшой, – заметил Матюнин, и мы махнули по третьей.

Я успел озвучить тост:

– За прекрасных дам, – сказал я.

Их на Правохеттинской компрессорной можно было пересчитать по пальцам одной руки, хотя на Севере – все дамы прекрасны и все находят себе мужей. Впрочем, за тем они туда и едут, а никак не за романтикой, или за деньгами.

После третьей, увидев, что коньяка осталось меньше половины, а строй бутербродов сильно нарушился, решили сделать небольшой перерыв. Курить, мы не курили, поэтому принялись беседовать. Но какая беседа без женщин, да ещё на трезвую голову, а нам казалось, что после трёх рюмок коньяка, мы стали как стёклышки. Поэтому беседа быстро заглохла, и пришлось нам выпить по четвёртой, а потом по пятой. Только после этого мы обнаружили, что в головах у нас немного зашумело, зато в бутылке опустело, и на тарелке был уже не натюрморт, а непонятно что - два надкусанных бутерброда, между которыми сиротливо затерялся один целый. Как так получилось, что бутербродов осталось нечётное количество, было непонятно, ведь перед самой выпивкой Андрей сделал их для нас поровну. Наверное, барабашка втихаря съел один.

Делать нечего, помолчав немного, постучав пальцем по заиндевелому оконному стеклу, я поднялся из-за стола и начал жарить яичницу. Немец Буркхард, когда приходил ко мне в гости, всегда хвалил меня за эту стряпню.

Говорил, что глазунья у меня получается гораздо лучше, чем у их дипломированного повара.

Поставив на плиту сковородку, я налил в неё подсолнечного масла и разбил шесть яиц. Через какое-то время глазунья моя зашкворчала.

– Ты это зачем? – поинтересовался Андрей, - выпивки-то больше нет.

– Хотя бы поедим, – сказал я, – икрой, ведь, не наешься.

– А коньяком не напьёшься, - усмехнулся он.

– Буркхарду нравится, как я жарю яичницу, - похвастал я, - он, когда поест моих харчей, документы легче подписывает.

– Ты бы лучше не хвастал своим другом немцем, а сходил к нему в финский комплекс за выпивкой, - подсказал мне Матюнин.

– Хорошая мысль, - согласился я, - как это я сам не догадался. Пусть сегодня выходной, но я смотаюсь к моему дружбану. Чертежи вот только захвачу, мало ли чего, вдруг переводчица нарисуется.

– Ты молодец! - похвалил меня Андрей, - находчивый. Я всем говорю, что мой начальник – умный парень.

– Всем не надо об этом говорить, - поскромничал я, - официантке в столовой можно.

– У тебя же жена на Большой земле осталась, - напомнил он, – дочку недавно тебе родила.

– Это к делу не относится, – закончил я разговор, чтобы не развивать дальше скользкую тему. Затем натянул полушубок, свернул в аккуратный цилиндр чертежи по турбинам АЭГ-Канис и засунул их в тубус.

– Через полчаса жди с победой, – уверенно пообещал я, - водку не буду брать, попрошу коньяка, чтобы не мешать с уже выпитым.

– Ты ещё икры у него попроси, – засмеялся Андрей, - чтобы не закусывать твоей яичницей. А то она только немцу твоему нравится, а мне не очень.

– Главное, ты её не спали, – посоветовал я ему и вышел из балка на снег.

Через пятнадцать минут, запыхавшийся от быстрой ходьбы, да и от выпитого тоже, я уже стучался в двери двухэтажного особняка, в котором проживали иностранные шеф-инженеры. В этом же здании находилась столовая, где они питались, там же располагался буфет с разнообразными спиртными напитками. Но нам, русским, спиртное не полагалось, на трассе царил сухой закон.

На мой настойчивый стук, дверь открыла молоденькая симпатичная переводчица. Молоденькая, не молоденькая, но я знал, что она сотрудничает с КГБ.

– Вам чего? – строго спросила она, – что-то срочное? Не забывайте, сегодня воскресенье, а по контракту мне в выходной день работать не полагается.

– А мне полагается, – сказал я сухо, отводя лицо в сторону, чтобы не дохнуть на неё, - у меня вот тут по турбинам не сходится. Зови Буркхарда, без него никак.

– Буркхарда нет, – продолжила строгим голосом симпатичная девушка, – он вчера в Надым улетел. У него там назначена встреча.

Зачем мой шеф-инженер летает в Надым, и какие у него там встречи, я был прекрасно осведомлён. Немец развлекался там с женским полом, водил молоденьких девушек в «65-ю Параллель». Это ресторан такой, известный на всё Приполярье. Однажды в этом заведении ему за какую-то даму чуть бока не намяли, но Буркхард оказался бойким парнем и не дал себя в обиду. Ухо только

в шапке ушанке ему тогда оторвали. Надо сказать, что мой друг немец был женат. Женился он три года назад, когда работал в Закарпатье. Влюбился там в одну гуцулку, симпатичной она ему показалась. Правда, потом переживал из-за этого, ну и через какое-то время подгуливать стал. Зато она его по-русски научила изъясняться, что для нашего с ним общения оказалось неплохим подспорьем, переводчицы не требовалось.

Пока я размышлял в таком ключе о похождениях улетевшего в Надым немца, симпатичная переводчица предложила решение моего вопроса таким способом.

– Может вам Манфреда позвать, – подсказала она, – может, он что-то посоветует. Этот немец сейчас здесь, вы знаете, он решает любые вопросы.

– Ладно, зови Манфреда, – согласился я, - поглядим, может, он что-то подскажет.

Немец Манфред был самым старшим из всех шефов и в прямом, и в переносном смысле. Ему было за пятьдесят, ростом он был под два метра и весил минимум сто килограммов. Все остальные шефы ему безропотно подчинялись, потому что работал он в фирме Маннесманн, у которой был самый крупный контракт с нашей страной на поставку газовых труб. Мой друг Буркхард тоже ему подчинялся, хотя старший немец к своему младшему собрату благоволил.

Девушка ушла, а я остался ждать, поглядывая через окно на сугробы. Они выросли почти до верхней форточки, и солнечный свет едва пробивался через них. Поэтому в коридоре, где я стоял, было сумрачно.

Но вот одна из боковых дверей хлопнула, и я увидел улыбающееся лицо здоровенного немца, который размашистым шагом шёл мне навстречу. За ним, как хвостик, неотступно следовала строгая переводчица.

Подойдя ко мне, Манфред поздоровался со мной за руку, и мы вопросительно посмотрели друг друга.

– Спрашивайте, – прервала наше глядение девушка.

Я знал, что Манфред, в отличие от своего младшего товарища, ни в зуб ногой по-русски, а потому молча вытащил из тубуса чертежи и разложил их на подоконнике. Потом вопросительно, хотя со стороны это выглядело, как просительно, посмотрел на немца и стал тыкать пальцем в турбину, говоря, что она не стыкуется с нагнетателем.

Манфред ухмыльнулся, подняв на меня удивлённый взор, и что-то буркнул переводчице.

– Он ничего не понимает в турбинах, – перевела она, – говорит, надо ждать возвращения Буркхарда.

– Какого Буркхарда, – запротестовал я, – Манфред здесь самый главный, – я кивнул головой на здоровенного немца, – он обязан решать все вопросы. Пусть не боится, не он, так я понимаю в турбинах, – я возвысил голос, – сам всё состыкую, ему даже подписывать ничего не придётся. Пусть устно даст добро, а Буркхард потом всё подпишет.

– Что вы несёте? – наехала на меня переводчица, – хотите, чтобы я на вас написала куда следует.

– Не хочу, – моментально протрезвел я и начал быстро скручивать чертежи, – просто я хотел как лучше. Но раз так… Я на секунду замялся, не зная, что сказать дальше.

Переводчица нахмурилась, ожидая от меня ещё каких-нибудь фортелей, одновременно взглядом указывая мне на дверь. Я понял, что больше здесь мне

ничего не светит, а потому, свернув чертежи, засунул их в тубус. Сделал я это не сразу, долго тыкал ими в отверстие, одновременно виновато поглядывая на Манфреда. Я словно пытался подсказать ему: «Ну ты, немец, неужели ничего не понимаешь»?!

Но Манфред смотрел на меня безразлично, и лицо его при этом ничего не выражало. Я пожал плечами, дескать, промашка вышла, пожал ему руку и направился в сторону, давно указываемую мне переводчицей.

Через минуту я стоял на улице совершенно протрезвевший.

– Сходил на свою голову, – чертыхнулся я, – как бы теперь не загреметь под фанфары.

Но не успел я сделать и нескольких шагов по направлению к посёлку строителей, как дверь особняка отворилась, и на пороге показался Манфред. Он был в дублёном полушубке и шапке ушанке.

– ВиктОр, – закричал он, – ком цу мир.

Я быстренько ретировался и засеменил к нему. Сойдя со ступенек, немец распахнул передо мной свой тулупчик, словно спекулянт радиодеталями из фильма «Иван Васильевич меняет профессию», и показал мне на две бутылки, заткнутые у него за поясом. По их виду и по кругленьким этикеткам возле горлышка с пятью звёздочками, я определил, что это марочный армянский коньяк.

– Шнелле, шнелле, – поторопил меня главный немец, и весь вид его мне будто показывал: «Зря ты так про меня подумал, я сразу понял, зачем ты сюда приходил».

Он торжественно вытащил из-за пояса бутылки, и аккуратно засунул их в мой тубус. Чертежи этому нисколько не помешали, наоборот, помогли. Зазор между ними и коньяком оказался таким, что бутылки даже не звякнули.

– Мани, мани, – затараторил я, выставив вперёд три пальца и потирая ими друг о друга, но Манфред в ответ замахал руками.

– Морген (завтра), – важно произнёс он, – Буркхард, морген…

Я понял, что денег он не возьмёт, но коньяк не бесплатный. Завтра мне нужно отдать деньги Буркхарду, моему немцу.

– Фройншафт (Дружба)! – радостно возвестил я, когда тубус мой заметно потяжелел.

После этого очень довольный собой, главный шеф всей Правохеттинской компрессорной станции, достопочтенный немец Манфред, да и чего греха таить, ещё более довольный я, ещё раз пожали друг другу руки, и отправились каждый восвояси. Я к ожидавшему меня Матюнину, а немец, по всей видимости, в столовский буфет.

«Не хило они тут устроились», - напоследок подумал я.

Как потом закончился для меня этот день, сейчас я уже не помню. Наверное, хорошо, раз я дожил до сегодняшних времён. Потом я ещё не раз жарил Буркхарду яичницу, а он рассказывал мне про своё житьё-бытьё, жалуясь, что женился на русской. Правда, это никак не помешало нам построить лучшую компрессорную на Севере, и остаться, а потом расстаться настоящими друзьями.

Теперь мне странно, что гуцулок тогда тоже величали русскими.

КНЯЖЕНИКА

Княженика – царская ягода с непревзойдённым вкусом. Отдаёт ароматом земляники, и листья у неё похожи на земляничные, но на вкус она больше походит на зрелый ананас…хотя вкуснее его. Растёт на дальнем Востоке, Камчатке, в Восточной и Западной Сибири.

Впервые я попробовал эту чудесную ягоду, когда работал в Ямало-Ненецком автономном округе, строил там газопроводы. Было это в середине восьмидесятых годов прошлого столетия, и был я тогда молод и хорош собой (не знаю, к чему это я?). Отправили меня как-то в командировку на ГП-9 (девятый газовый промысел) монтировать турбины для дожимной компрессорной станции. Девятый промысел в то время был самым северным объектом месторождения Медвежье. Расположен он был севернее Хасырейской компрессорной станции и даже севернее поселка Ныда. Здесь уже была настоящая тундра, а редкие деревца росли только в поймах небольших речек. В первый же день, поселившись в предоставленном мне балке, я отправился в тундру прогуляться. Взял с собой целлофановый пакет и перочинный ножик для сбора грибов.

Грибы росли повсюду: подосиновики, подберёзовики, сыроежки. Но жара стояла такая, что почти все они были червивыми. Срезав десяток-другой перочинным ножиком, я выбросил их восвояси и стал приглядываться к ягодам, которые то тут, то там выглядывали из-под ещё не пожелтевших листиков. В основном это была голубика, крупная, величиной с ноготь большого пальца. Кладя по одной ягодке в рот, я, не спеша, продвигался по склону небольшого оврага по направлению к речушке. Мне хотелось посмотреть, водится ли в ней рыба, тогда бы я вечерком сходил на рыбалку. Солнце светило вовсю, хотя и находилось невысоко над горизонтом. В это время оно здесь не заходит, светит круглосуточно, так как ДКС-9 расположена за Полярным Кругом. Благодаря этому, а ещё из-за чистоты атмосферы в приполярной области, интенсивность света здесь очень высокая.

Аккуратно ступая по мхам и лишайникам, по кукушкиному льну, я заметил небольшую полянку, сплошь усеянную необыкновенными ягодами. К тому времени я уже пять лет жил на Крайнем Севере, но ничего подобного ещё не видел. Ягоды были похожи на малину, хотя росли на земляничных кустах, цвет имели насыщенно-алый с небольшим ежевичным оттенком. Я сорвал одну, сначала понюхал, в нос ударило ароматом земляники, затем положил её в рот. Отравиться я не боялся, потому что интуитивно чувствовал, ягода эта съедобная. На вкус она оказалась изумительной, я начал есть эти ягоды и не мог остановиться. Про речушку и про рыбу в ней я моментально забыл, да и про голубику тоже. Наевшись до отвала и набрав треть целлофанового пакета с собой, я вернулся на компрессорную станцию.

Вечером в штабе стройки мы пили чай с собранною мной княженикой. Я угощал всех присутствующих и знакомился с представителями генподрядчика. Все удивлялись, что здесь растёт такая вкусная ягода. Не удивлялся только хант аккумуляторщик, потому что он был местным. Он тоже взял пару ягодок и

положил их в круто заваренный чай. Я сразу обратил внимание на его необычный вид, на красные проплешины на голове и руках. Заметив моё любопытство, он рассказал мне интересную и в то же время жуткую историю о взрыве на шестом газовом промысле. Произошла эта авария в апреле 1982 года. Я к тому времени всего год отработал на Крайнем Севере. Об этой аварии тогда писали в западной прессе и сообщали, будто взрыв организовал агент ЦРУ, и его потом за это наградили. Но хант, не помню сейчас, как его звали, рассказал совсем другую историю. Он поведал, что работали на ГП-6 одни наши, без каких-либо иностранных агентов, а взрыв произошёл из-за бракованного шарового крана, японского, кстати, производства. Взрыв случился в половине четвёртого утра 20-го апреля. Потом эту дату всё время обсуждали, говорили, что, мол, не простое это число, день рождения Гитлера. Но ни Гитлер, ни американский шпион к взрыву были непричастны. Катастрофы всегда происходят при стечении многих обстоятельств, и о судьбах тех, кто оказывается в эпицентре событий, можно только сожалеть.

– Так вот, – продолжил рассказывать аккумуляторщик, прихлёбывая чай и поглаживая красные места на руках, - в полчетвёртого утра мы играли в карты. В балке нас было четверо, играли мы в преферанс, расписывали очередную пульку. И тут вдруг как бабахнет. Взрыв был такой силы, что балок чуть не сорвало с креплений. Выглядываем в окно, а по направлению к нам движется огненное облако. Оно было ещё далеко, где-то в километре от нас, и как будто заворачивало в сторону, но я всё равно предложил ребятам бросить игру и сматывать удочки.

– Ничего, – сказал мой ви-за-ви, – сейчас кран перекроют, и пламя погаснет.

Но я почему-то так не думал, – продолжил свой рассказ хант аккумуляторщик, – поуговаривав их ещё немного, я взял два одеяла, намочил их в тамбуре водой из-под крана и вышел из балка на улицу. Там, кстати, было очень холодно, примерно минус двадцать. Многие люди потом, которые выскочат после меня в одном исподнем, сперва обгорят, а потом замёрзнут в тундре…

– Я посмотрел, – продолжил он, – в каком направлении движется огненное облако, и пошёл ему наперерез. Если от него убегать, – подумал я, – оно меня в конечном счёте настигнет.

И вот я в облаке, иду, обмотанный двумя мокрыми одеялами, оставив только отверстие для глаз, смотрю, а в низине человек барахтается, пытается залезть в сугроб, чтобы спастись от огня. Я сбросил ему одно одеяло и приказал идти за собой. Когда мы выбрались из огненного смерча, то направились в небольшой лесок. Я был охотником и хорошо знал эти места. Недалеко от посёлка находился охотничий домик. Мы вышли к нему и разожгли в нём печку буржуйку, а утром нас нашли. Оказывается, почти весь посёлок был уничтожен бушующим пламенем. Двадцать человек сгорело заживо, ещё столько же замёрзло в снегу, ну, и человек сорок спасли. Для них срочно вызвали вертолёты, которые садились прямо посреди посёлка и потом развозили пострадавших по ближайшим медпунктам. Но было много сильно обгоревших, за ними из Надыма прилетали ЯК-40-вые и с ювелирной точностью садились на бетонную автодорогу. На ЯКах увозили самых тяжёлых, кого в Надым, а кого сразу в Тюмень. Потом, тем кто выжил, выделили квартиры на Большой Земле. Мне - нет, но мне и не за чем. У меня есть юрта…

Так хант закончил свой страшный рассказ. Я сидел молча и долго не мог прийти в себя. А он смотрел на меня и щурился, и лицо его при этом ничего не выражало. Он отхлёбывал чай из своей чашки и поглаживал малиновые пятна на голове и руках.

– А ведь он – герой, – подумал я, – человеческую душу спас. Да ещё сделал это так умело… И никто об этом не знает…

С тех пор прошло много лет. Когда я вспоминаю про этот случай, во рту у меня появляется привкус княженики, а перед глазами встаёт невзрачный человек, невысокого роста, с задумчивым взглядом.

ВПЕРВЫЕ НА ЯМБУРГЕ

Раздался звонок. Звонили из Белого Яра из конторы, сказали, надо срочно вылетать на Ямбург монтировать турбины для ГТЭС. Я отдал под козырёк и начал собираться. Главное, что мне сообщили, это чтобы я нашёл где-нибудь два домкрата и взял их с собой.

– А что там нет домкратов? – хотел возразить я, но спорить с руководством не стал.

– Надо, значит надо, и точка!

По моим сведениям, работы на Ямбургском месторождении шли уже полным ходом целый год. Посёлок строителей рос и расширялся, не хватало только электроэнергии, подключенной по постоянной схеме. Временные дизель генераторы давно не справлялись со всё увеличивавшейся нагрузкой.

Вылетать было велено с Хасырейской компрессорной, где через день должен был приземлиться вертолёт и забрать меня вместе с домкратами. По крайней мере, мне так сказали...

И вот я сижу с двумя тяжеленными масляными штуковинами на вертолётной площадке и жду борта. Провожает меня Худин Владимир Анатольевич – прораб с Головной компрессорной станции, что в Пангодах. Хасырейская и Ныдинская – тоже наша с ним вотчина. Хорошо, что он вызвался мне помочь, а то бы я один надорвался с этими железяками.

На календаре седьмое июля, середина лета. От Хасырейской до Полярного Круга всего каких-то десять километров. Правда, расположена она до Заполярья или после, я точно не знаю, но солнце в это время года здесь почти не заходит. Кружится весь день над тундрой, к вечеру опустится к горизонту, скользнёт по мхам и лишайникам, слегка погрузившись в них, и, оттолкнувшись, поднимается обратно в небо. Так продолжается до конца июля, но затем оно начинает уходить за горизонт полностью. Сначала ненадолго, потом остаётся там всё дольше и дольше и, наконец, ближе к Новому Году прячется за невидимой чертой совсем. Наступает полярная зима.

А пока – длинный-длинный полярный день, самая его середина. И пусть солнце невысоко кружится, но так как светит оно двадцать четыре часа в сутки, то успевает нагреть тундру и разбудить в ней разнообразнейшую жизнь. Сколько цветов в это время расцветает среди мхов и лишайников, сколько птиц вьют свои гнёзда по берегам многочисленных болот и озёр, сколько рыбы поднимается по малым и большим рекам, чтобы у истоков оставить своё потомство. Да, лето в тундре короткое, как бикфордов шнур, но бывает оно тёплым, иногда даже жарким.

Вот и сегодня с самого утра на термометре плюс двадцать шесть. Потаскав домкраты, сначала из склада в кузов нашего «Захара» (ЗИЛ- 157-го), а потом из него на вертолётку, мы с Володей сидим потные и изнываем от жары. К тому же я напялил на себя тёплую рубашку, мало ли, какая погода сейчас на Ямбурге. И пусть лететь

до него не больше часа, но лишняя одёжка не помешает. На мне ещё джинсы и кепка с откидными ушами, также я взял с собой резиновые сапоги, которые запихнул в рюкзак. Сверху на них положил мохеровый свитер, который связала мне недавно жена. Короче, укомплектовался как следует! А что, неизвестно ещё, где мне придётся ночевать на новом месте. Хорошо, если встречу кого-то из знакомых, которые там давно обосновались, а если нет?

– На вот, возьми, - Володя протягивает мне свою тёплую куртку, – специально для тебя взял. Ямбург – это всё-таки дальнее Заполярье.

«Не такое уж оно дальнее», - думаю я, но куртку на всякий пожарный беру, и она мне сразу же пригождается.

Как только вертолёт отрывается от бетонки и берёт курс на север, я стелю её себе под голову и укладываюсь в горизонтальном положении. Шум винтов и дёрганье летательного аппарата давно уже мне не мешают. За время пребывания на Крайнем севере, ко многому привыкаешь. Это при первом полёте меня чуть не стошнило…а сейчас.

Улёгшись на боковую, я начинаю вспоминать, как после института попал на север. Распределили меня в Белый Яр, куда я прилетел самолётом из Тюмени. Прибыл я в выходной день, и меня, молодого специалиста, до понедельника поселили в жилом городке недалеко от конторы в вагончике на четверых. Кроме меня в нём обитало ещё три человека: двое газорезчиков и один сварщик. Все трое – молодые, но достаточно образованные ребята. Такими в последствии окажутся и большинство рабочих предприятия СУ-8. Недаром на компрессорных станциях нас будут величать «белой костью».

Пока я устраивался, ребята играли в карты в преферанс. Неожиданно совсем близко от нас раздался гул вертолёта. Это заходил на посадку очередной борт. Жилой комплекс СУ-8 находился недалеко от аэропорта, поэтому машины взлетали и приземлялись прямо над нашей головой.

Сварщик с любопытством посмотрел на меня, как я отреагирую на шум, но я постарался сохранить спокойствие, потом он положил свои карты на стол и, не глядя в окно, уверенным тоном произнёс:

– Шестёрка полетела, первая за день.

«Дурят молодого специалиста», – подумал я, – «Как это он определил, не глядя, шестёрка полетела, восьмёрка, или ещё что-то»…

Потом, отработав больше года и налетав не менее сотни часов на разных типах бортов, я сам уже легко определял по звуку, что и куда полетело, и делал это не хуже того сварщика…

Под шум винтов и под приятные воспоминания, я неожиданно засыпаю, а просыпаюсь, когда уже мы заходим на посадку. Выглянув в окно, я не сразу понимаю, что за странный пейзаж простирается под нами. Всё белым-бело до самого горизонта.

– Что это? – интересуюсь я у одного из пассажиров, который старательно натягивает на себя дублёнку.

– Как это что? – удивляется тот, – лёд в Обскую Губу пригнало. За бортом сейчас плюс семь и белые мухи. Вы разве не слышали объявление командира?

– Какие мухи? – я по-прежнему не могу прийти в себя.

– Обыкновенные белые...снежок пошёл. – Он хлопает меня по плечу и смеётся.

Остальные пассажиры тоже смеются.

«Двести километров от Хасырейской, – думаю я, – и такая разница».

Я беру в руки куртку и с благодарностью вспоминаю Худина. Молодец парень!
Вовремя позаботился о своём начальнике!

Высадив пассажиров, вертолёт отрывается от бетонной площадки и стремительно уходит ввысь. Я с трудом поднимаю один из домкратов и вопросительно смотрю на второй. Его тут же подхватывает мужик в полушубке и помогает дотащить мне его до края площадки. В это время по направлению к нам по непролазной грязи медленно движется вахтовый автобус. Он будто плывёт по этой серой расквашенной жиже. Поравнявшись с нами, он ловко причаливает к бетонному основанию. Все пассажиры скоренько бегут к открывшейся дверце. Вахтовка УРАЛ – самый проходимый транспорт на севере, а сейчас ещё и самый тёплый для меня.

– В Барановку едем, – объявляет шофёр.

Что такое Барановка, я понятия не имею, но если бы и имел, всё равно бы не вылез из тёплой машины…

Так я впервые оказался на Ямбурге. Потом, прибыв в Барановку - жилой посёлок, прозванный так по фамилии первого прораба, который его строил, я нашёл в нём знакомых. Поселился у начальника участка СУ-5, которого знал ещё по Правой Хетте. Принял он меня как родного. В его вагончике имелась печка буржуйка, которую мы с ним по очереди топили деревянными упаковками от оборудования и, которая неплохо нас грела в прохладные ночи. Были у него также неплохие книги из местной библиотеки, которые я читал в перерывах между сменами. Одну даже успел прочесть целиком о русско-американском создателе телевидения Владимире Зворыкине. Совместил, так сказать, приятное с полезным. Многие вещи тогда меня поразили из американской жизни тридцатых годов. Оказывается, уже тогда почти в каждой семье имелся холодильник, а у нас эти агрегаты появились только в начале пятидесятых. И на счёт женского труда, меня поразила одна фраза, высказанная американским дедом своей взрослой внучке, которая после института захотела пойти на работу:

– Не позорь меня! – сказал он ей, – когда умру, тогда можешь делать, что хочешь. Можешь даже на работу пойти!

А у нас в тридцатых годах женский труд был уже повсеместным, и не только в конторах и учреждениях. На железных дорогах женщины укладывали шпалы и забивали костыли, в сельском хозяйстве пахали на тракторах не хуже мужчин. Да, полезной информацией я обзавёлся на Ямбурге помимо работы...

Но вот монтаж турбин на электростанции закончен, её пустили в строй, надо было срочно уезжать. К тому времени в вагончике у нас стало гораздо теплее, подключили масляные батареи. Буржуйка больше не понадобилась, и мы вынесли её в тамбур, но я всё равно иногда просыпался по ночам, чтобы её топить. Однажды проснулся, а снаружи ветер такой свистит, что жуть. Вдруг, думаю, оторвёт бочку от опоры и докатит до Ледовитого океана. И зацепиться ей будет не за что, деревьев-то нет…

На следующий день, подписав акты приёмки и дочитав книгу до конца, я улетел в Надым. Домкраты оставил своему квартирному хозяину, начальнику участка СУ-6 в качестве платы за жильё (смеюсь!), не тащить же их обратно. Затем из Надыма я отправился в Белый Яр. Отчитавшись по нарядам и закрыв зарплату, пролётом через Тюмень я вернулся обратно. Переправился на барже в Старый Надым и по сталинской узкоколейке добрался до Правой Хетты – постоянного места моей дислокации. Северная эпопея, а по-тогдашнему обыкновенная трудовая деятельность, продолжилась. Сколько бы она ещё продолжалась – неизвестно, но настали

лихие девяностые, и всё в один миг изменилось. Предприятие наше закрылось, а я улетел на Большую землю. Но это уже другая история.

РОСОМАХА

Вернулся как-то из очередной поездки с отчётом Яков Романович и рассказал мне преинтереснейшую историю с элементами страшилки. Добирался он в Белый Яр на перекладных, и пришлось ему заночевать на Ягельной компрессорной станции у тамошнего прораба Люботы Валерия Михайловича. А надо сказать, что Любота слыл заядлым рыболовом и охотником. Он держал собак в пристройке к жилому балку, двух лаек для охоты на лося, дома у него имелось ружьё – двустволка, которое он привёз с Большой земли, а ещё он построил на берегу Левой Хетты небольшой бункер, где прятал от постороннего глаза лодку с мотором и набор всевозможных рыбацких снастей. Уточню – любительских, не браконьерских! Плюс к этому он соорудил ещё деревянный помост, по которому было удобно эту лодку спускать к воде и поднимать обратно. Несколько раз и я бывал у него в гостях, и тоже ездил вместе с ним на рыбалку. Поэтому я не с чужих слов знал об увлечениях Валерия Михайловича и сопутствующему им азарту. На охоту, правда, я с ним не ходил, но бочки с засоленной лосятиной видел у него в зимней пристройке. Как-то он угостил меня этим яством, которое оказалось на любителя, по крайней мере, для меня, а вот вяленая рыбка мне очень даже понравилась.

Вообще Любота был хозяйственным парнем, и жена у него была под стать ему. Однажды она даже червей нам копать помогала для предстоящей рыбалки. Сколько я не просил Валеру запретить ей это делать, но Любота только улыбался, глядя на старания супруги.

Но вернусь к рассказу Якова Романовича и постараюсь передать его как можно ближе к оригиналу.

– Переночевал я на Ягельной за милую душу, – рассказывал он, – постель Валерина жена постелила мне чистую, мягкую, с хрустящими белыми простынями. Выспался, будто в раю. И вот утром после завтрака приглашает он меня на рыбалку. Успеешь, говорит, ещё со своим отчётом наездиться, никуда твой Белый Яр не денется.

Оделись мы с ним потеплее, намазались антикомариновой мазью и отправились к реке. Сели в лодку и поплыли к месту рыбалки. Клевало в тот день отменно. Плотвы и окуней я надёргал половину полиэтиленового мешка из-под удобрений. Потом на живца ещё несколько щук поймал, одну крупную, килограмма на четыре. А Валера за это время наловил столько, что еле в другой мешок поместилось.

Возвращаемся домой довольные, почти два мешка рыбы с собой везём. Ветерок обдувает наши лица, короче, красота, а не жизнь! Вот уже и деревянный сарай показался, куда нам причаливать, осталось до него каких-то полсотни метров. И тут вдруг мотор начинает барахлить. Сначала чихнул два раза, а потом и вовсе заглох. Подёргал Любота за шнурок, раз дёрнул, другой, мотор не заводится. Тогда он достаёт со дна лодки весло и давай им загребать.

А я в это время замечаю, как от берега отплывает и направляется в нашу сторону росомаха. Я не охотник, а потому испугался не на шутку, кричу Валере:

– Загребай в другую сторону...

А он и не думает этого делать, наоборот, гребёт наперерез дикому зверю. Я понимаю, охотничий азарт захватил его целиком, и он меня не слышит, но мы ведь безоружны, мало ли что может произойти.

Поравнявшись с росомахой, Валера открывает в лодке ящик, приделанный к борту, и шарит в нём рукой, пытаясь что-то нащупать. Оказывается, там он обычно возит с собой ружьё, но на этот раз он забыл его туда положить.

Что делать? Другой бы на его месте опомнился и начал отгребать назад, но только не Валера. Забыв об инстинкте самосохранении, он поднялся во весь рост и хрясь зверя веслом по голове. Весло пополам, я в шоке, медведь рычит, а все мы знаем, что росомаха – это маленький медведь, по крайней мере, такой же злой и опасный, и только Любота сохраняет полное спокойствие. Мне даже показалось, что ещё чуть-чуть, и он бросится за росомахой в воду и голыми руками её задушит.

Как потом мы добрались домой, я толком не помнил. Соображать начал, только когда Валера налил мне полстакана коньяка, и я выпил.

– Что там с медведем? – спросил я.

– Ничего, уплыл, – ответил он спокойно, – следующий раз обязательно ружьё возьму, когда на рыбалку поедем.

Окончательно в себя я пришёл, уже будучи в Белом Яре, и там дал зарок, с Люботой на рыбалку больше никогда не ездить…

Так закончил свой рассказ Яков Романович.

Ну а я был ещё несколько раз у Валерия Михайловича и ездил с ним на рыбалку, и от каждой такой поездки получал несравненное удовольствие. Наверное, потому что в душе сам такой же бесшабашный и азартный человек.

Солодовников Ю. В.

КРАСКА

Как-то раз в Пелыме делали первые пуски «вхолостую» одного из турбоагрегатов. Пуск турбины осуществляется открытием задвижки подачи газа на турбодетандер, которая находилась на «низкой стороне» за пределами здания цеха. И таких пусков приходилось делать не один и не два. После следующего неудачного пуска турбину остановили, а задвижку перед на пусковой газ (перед турбодетандером), как полагается закрыли, и все разошлись, начав устранять обнаруженные неисправности. Через некоторое время дали команду - начинать новый пуск. Я пошёл открывать пусковой газ и когда я начал крутить штурвал задвижки обнаружил, что мои руки чуть ли не приклеились к нему. Оказалось, что за эти полчаса, пока устраняли неисправности, этот штурвал маляры Генподрядчика успели покрасить красной краской. Машина мы конечно всё же пустили, но руки я потом отмывал несколько дней. Масляную советскую краску в то время делали на совесть.

ХУЛИГАН

Компрессорную станцию Пелым пустили, и она уже работала в трассу, а мы как в то время водилось устраняли недоделки и ждали подписания акта рабочей комиссии о приёмке её в эксплуатацию. Эксплуатационного персонала на компрессорной станции не хватало и периодически на главном щите

управления никого не оставалось. В один из таких моментов происходит аварийная остановка компрессорной станции. Начинают разбираться в причинах остановки и выясняется, что она произошла от нажатия кнопки «аварийная остановка компрессорной станции». Все в недоумении: «Кто же мог нажать кнопку аварийной остановки, когда на ГЩУ никого не было?». Ну, посудили, порядили да списали на ошибки автоматики, как всегда, в таких случаях водится. Проходит время и на следующий день снова аварийная остановка и по той же причине. Тут уже специалисты КИПиА (служба контрольно-измерительных приборов и автоматики) встали на дыбы: «У нас всё нормально». Тогда главный инженер станции говорит: «А вы отсоедините провода от кнопки «аварийной остановки», а мы посмотрим, что произойдёт». Так и сделали, провода отсоединили и одного молодого специалиста за щиты автоматики спрятали и приказали наблюдать во все глаза. И оказалось, что какой-то рабочий из строителей хулиганил - пробирался на ГЩУ и нажимал на кнопку аварийной остановки станции. С какой целью он это делал так и осталось загадкой.

ПЫЛИМ

Твёрдую обложку для акта сдачи компрессорной станции Генподрядчик в Тюмени. Там её делали в типографии и привозили на станцию для окончательного оформления акта сдачи. Начальником СМУ-2 – генподрядчика на строительстве третьего цеха КС Пелым, был в то время хороший специалист, грузин по национальности. Ему было и поручено заказать эту обложку. И вот на привозят нам эту обложку, на которой было написано «Компрессорная станция «Пылим». Заказ-то производился по телефону и «Пелым» превратился в «Пылим» с характерным грузинским акцентом.

КОМАРЫ

Летом, ночи на севере светлые. И мы любили устраивать ночные купания в реке Пелым. Сначала шли по железнодорожным путям к мосту, отбиваясь от комаров. Кто не был на севере тому трудно объяснить, что такое там комары. Недалеко от моста спускались к реке, быстро раздевались, очень быстро и бросались в воду, кстати – очень холодную. Купание состояло из периодических ныряний, потому что когда выныриваешь, то всё лицо мгновенно покрывали комары, и приходилось опять нырять. В конце концов, выскакивали на берег, быстро обтирались полотенцем и полностью натирались «ДЭТой». И уже тогда закуривали и всё прочее. Самое интересное, что когда в сентябре я приехал в отпуск в Брянск, то местные комары меня не кусали, садились и тут же улетали. Настолько кожа была пропитана этой самой «ДЭТой».

Михайличенко А.Б.

ГРИБ

В Белом-Яре мы частенько летом ходили в тайгу за грибами, за ягодами. И вот однажды, собрались в очередной раз в лес, меня в конторе забыли. Я осталась одна с собакой Дайной. Когда я поняла, что рядом никого нет, идти с ней догонять остальных.

– Вперёд, - говорю ей, – и с песней.

Идём мы вместе с собакой по дорожке, с одной стороны голубика растёт, с другой черника, и вдруг перед нами оказалась поваленная сосна, лежит на боку корнями вверх, будто цветок сказочный, а между корней настоящий гриб растёт, шляпка коричневая, и растёт он вниз головой. Жалко, что тогда у меня фотоаппарата не было, а то бы я сфотографировала эту красоту. Ну я этот гриб срезала и потом, когда пришла домой показала его друзьям.

– Где, - говорят они, – такую красоту нашли?

– На сосне, – отвечаю, – на поваленной, рос вниз головой.

А гриб большой был и чистый, из него получилась почти полная сковородка жареных грибов.

Цыганенко П.Т.

ТРОЯКИ

После двух месяцев работы на КС Приполярная, я отправил жене почтовым переводом 600 рублей. Деньги достаточно большие по тому времени. Хватало и семье отправлять, и саму не голодать. Переписывались мы постоянно так, что в пути от адресата к адресату находилось по нескольку писем сразу. Через некоторое время жена пишет, что получила деньги, но пришлось три раза ходить на почту. Первый раз там сообщили, что в почтовом отделении такой суммы не наберётся и надо отдельно её заказывать. Второй раз сообщили, что деньги по её заказу ещё не поступили. В третий раз выдали требуемую сумму, но трехрублевыми купюрами. Так как купюры видали виды за длительный период своего обращения, то они были изрядно размочалены и стянуты резинками в две пачки и занимали необычайно большой объём. Сумки, даже дамской у жены с собой не оказалось, и пришлось прятать пачки денег в два неглубоких кармана пальто. Торчащие из карманов деньги пришлось накрыть руками и добираясь домой, жена всю дорогу боялась потерять их.

ОБЕД

Капитан нашего БМК (буксирно-моторный катер), Петр Лельхов, ханты по национальности из поселения Пашторы что на реке Обь, разделал собаку на мясопродукты. В туристическом казане, имевшемся на катере, по всем правилам полевой кухни приготовили мясо и, все усевшись вокруг казана, готовились к трапезе, не посмев сделать приглашение главному сварщику треста ввиду необычности блюда. Главный сварщик, видя, что он может остаться голодным, напомнил о себе, что привело в замешательство нашего капитана, но всё же место возле казана освободили. Чем закончилось такое пиршество я не знаю. Мне не приходилось испробовать такое блюдо, но говорят, что его отличительной приметой являются круглые, как карандаши, ребра.

БОРОДА

Когда я жил и работал без семьи, то у меня была борода более в виде экзотики. Когда же я стал работать на трубоукладчике Т 12–24, то борода уже имела функциональное значение. Трубоукладчик, в классическом виде, не имел кабины, и как поясняли его создатели, это чтобы машинист мог беспрепятственно его покинуть, когда последний будет тонуть в болоте. Вот и стала мне борода защитным образованием для лица, хоть от комаров, хоть от мороза.

Однажды я даже присутствовал на центральной трибуне г. Белоярского, по случаю международного праздника, так как нашему секретарю парторганизации порекомендовали направить от управления достойного рабочего с бородой.

Пока я работал на трубоукладчике без кабины, то мы были в одинаковых условиях со слесарями и сварщиками, все мёрзли одинаково, но как только появились тёплые кабины, появился и антагонизм. Его усиливали некоторые машинисты трубоукладчиков, которые поднимали температуру в кабине до комнатной, раздевшись до рубашки и без головного убора, были безучастны к тем, кто находится внизу на морозе за тридцать градусов, да ещё с ветром. Порой они, разморенные теплом, засыпали, и тогда их приходилось будить, стуча железом по трубоукладчику, свистом, или бросанием по кабине снегом и другими легкими предметами. Случайно разбитое стекло кабины, или украденное теми, кто разбил своё ранее, приводило других работников в заметное оживление. Как-то из нашего трубоукладчика украли стекло вместе с дверью, на радость тем, кто работает на земле. Один раз я получал комплект инструментов и материалов к японскому трубоукладчику, и меня удивило присутствие небольшой банки краски, соответствующего цвета.

– Какое беспокойство японцев по поводу возможных царапин на шестидесятитонной машине, – подумал я.

Намного позже узнал, что такая краска идёт в комплекте только для СССР, и её назначение, подкрасить приваренные аккумуляторы, головки болтов на дверях, лючках и в других местах, во время подготовки техники к работе, что должно затруднять имевшие место хищения. Но японцы не заостряли внимания на этом в инструкции по сборке, и мы россияне приваривали некоторые детали по свежей краске попавшиеся под руку обрезки металла, что удручающе было для взора.

ХЛЕБ

Ещё был для меня памятный случай, как я покупал хлеб в пекарне п. Хулимсунт. В один по-настоящему весенний тёплый день мы с женой встретили нашу крановщицу мостового крана из компрессорного цеха, Екатерину. Они с мужем Владимиром, слесарем монтажником, приехавшие из г. Кременчуг, работали в нашем СУ. Катя несла необычной пышности хлеб и нам пояснила, что купила в пекарне п. Хулимсунт. Я отправил жену домой, а сам направился в поселок и без труда нашёл пекарню. Я зашёл в пекарню, то увидел, что в просторной комнате, в дальнем углу стоял стол с таким же прекрасным хлебом, а в противоположном углу, на ножках стояло большое деревянное корыто, в котором виднелись остатки теста. В пекарне было очень тепло, от работавшей печи. Повариха, наклонившись над корытом, соскабливала остатки теста. Части её тела, которые в народе называют неженки, или произносит на английский манер «sissy», катались по стенке корыта в такт её движениям. От неожиданности я остановился и соображал, как мне выходить из создавшейся ситуации. В этот момент повариха выпрямилась и повернулась ко мне. Её тело по международной классификации имело форму яблока. Из одежды на ней были резиновые сапоги, обрезанные под боты, трусики и белый халат, не застёгнутый ни на одну пуговицу. Её неженки все были в тесте. Она спокойно стояла и смотрела на меня, ожидая моего обращения, и отделяла тесто от своего тела, слепливала его в комки и со шлепками бросала их в корыто к остаткам теста. Так и не дождавшись от меня никаких слов, она спросила: «Чего нужно-то?».

– Купить хлеба, – ответил я.

– Положите деньги на стол и возьмите хлеб, – сказала она.

Пока я брал хлеб и выходил из пекарни, она снова наклонилась над корытом. Я нёс перед собой хлеб, а передо мной немного впереди порою появлялся образ поварихи, и я стал понял, почему у неё получался такой прекрасный хлеб.

САПОГИ

На площадке строящейся компрессорной станции, где вся земля была перерыта, перемешана гусеницами тракторов, да ещё после небольшого дождика, перемещаться можно было только в сапогах, а ещё лучше в болотных. В связи со строительством следующих очередей на КС Южнобалыкская, вертолётная площадка оказалась уже недалеко от вновь возводимого цеха. Рабочие генподрядчика стали строить из чистых досок широкую, около двух метров, дорожку мимо строящегося цеха до вертолетной площадки. Как сказали знающие люди, это делалось для встречи вышестоящего руководства. На следующий день у цеха появился сваебой с длинной железобетонной сваей, и кран РДК-25 с висящей на его крюке панелью стены здания цеха, а также рабочие в новой спецодежде, новых рукавицах и с гаечными ключами в руках. Сваебой время от времени начинал забивать очередную сваю, но тут же останавливался. Всем стало понятно, что проводится имитация расширения объёмов работ. Нашим рабочим приказали пока не производить никаких работ и отойти к уже построенному ранее зданию цеха. На площадке оставался один В. Свеклов, работая газовым резаком. По всей видимости его работа органично вписывалась в создаваемую картину. Появилась группа встречающих начальников, их обувь соответствовала категории построенной дорожки. Вскоре послышался шум вертолета, и он завис над площадкой. Квадратные окна вертолёта, являлись признаком особого исполнения его салона, для перевозки руководителей самой высокой номенклатуры. Группа встречающих стала выдвигаться в сторону вертолётки. Вертолёт приземлился пассажирской дверью в противоположную сторону от встречающих, из него вышли двое мужчин в болотных сапогах и направились не по дорожке, а прямиком в сторону Свеклова, который при их приближении прекратил работать газовым резаком. Прилетевшие о чем-то переговорили с газорезчиком и направились дальше в сторону строящегося цеха. Встречающие местные начальники бросилась к рабочим, и мы поняли, что они забирают у рабочих резиновые сапоги. В мгновенье некоторая часть рабочих уже сидела на металлической конструкции и с веселыми лицами качала в воздухе ногами в носках. Но встречающие, уже в сапогах, так и не успели догнать прибывших на VIP вертолете. Те двое прошли мимо Свеклова, между «гитарой» и аппаратами охлаждения газа по направлению к пылеуловителям, а встречающие были ещё далеко. Также энергично инспектирующие прошли в обратную сторону, поднялись в вертолёт и тот, взмыв в воздух без реверансов удалился, как определили, в сторону Сургута. Местные начальники стали возвращать рабочим их сапоги. Свеклов, наверняка зная кого-то в лицо, после нам сообщил, что один из них зам министра Чирсков Владимир Григорьевич, и рассказал о чём они его спрашивали.

ТЕПЛОХОД

Как-то я получил задание с компрессорной станции погрузить на баржу трубоукладчик «Катерпиллер» и в выходной день поехал на нём до берега Оби. Когда добрался до берега, где уже стоял наш катер с баржей, то столкнулся с затруднениями при заезде на баржу. Между песчаным берегом и баржой

оставалось непреодолимое для трубоукладчика пространство, около двух метров, и без бульдозера в данном случае не обойтись. Потянулось время ожидания. Я скучал, сидя в кабине и наблюдал за рекой. Как вдруг из-за излучины реки показался пассажирский теплоход, который выполнял рейс из п. Октябрьский до станции Приобье. Это был хоть и небольшой, но один из тех классических теплоходов, которые грациозно возвышали над водой свою приятную для глаза белую палубу. Появление такого красивого судна всегда притягивает к себе внимание. Теплоход причалил невдалеке, прямо к песчаному берегу, и матросы вмиг опустили на песок сходни, по которым несколько пассажиров сбежали на берег. Возле сходней стала суетиться группа пассажиров, и я узнал в ней наших ребят, которые утром собирались в культурную поездку в п. Октябрьский. Среди них отличались два ветерана управления Михаил Денисович и Анатолий (фамилию и отчество не помню), которые без сомнения умели трудиться ну и, умели отдохнуть. Посещение исторических и культурных мест районного центра, тёплый летний день, и прогулка на теплоходе расслабили наших ребят, и сходить на берег по сходням стало затруднительным. Первым сошёл Михаил Денисович и стал приглашать своего товарища, но тот сомневался, так как сходни были наклонены в неудобную сторону и слегка пружинисто качались. Пассажиры, находившиеся на верхней палубе, заметив назревающий интересный момент, передвинулись на правый борт для лучшего обозрения. Теплоход стал наклоняться, и капитан по громкой связи попросил пассажиров отойти от правого борта и занять свои места. Это обращение привлекло внимание пассажиров, находившихся в нижних каютах, и они поторопились наверх на тот же правый борт. Теплоход наклонился, надо полагать до предела и лёг своей округлой подводной частью правого борта на песок так, что клониться уже было некуда. Капитан оставил призывы к пассажирам, видно соображая, что делать в создавшейся обстановке. В воздухе повисла гнетущая тишина. Михаил Денисович, поняв, что так долго продолжаться не может, поднялся по сходням обратно на теплоход и стал давать рекомендации своему товарищу. Я понял, что он предлагает ему стать на четвереньки, так как сам принял такую же позу, пятками к берегу. Поскольку Анатолия продолжал сменяваться, ребята стоявшие за ним, приложили усилие руками на его плечи, и он также оказался на четвереньках лицом к лицу с Михаилом Денисовичем. Так они и пошли к берегу по сходням, и был слышен только скрип в такт их качания. Напряжение вокруг теплохода достигла такого состояния, что казалось, если бы кто чихнул, то сходни переломились. Когда товарищи достигли твердого берега и выпрямились, разразились аплодисменты и неимоверное ликование пассажиров на правом борту, это было массовое торжество эмоций. Зрители разошлись по бортам, теплоход стал выравниваться и вскоре распрощался с нами своим гудком.

ГАДАЛКА

В период демократических преобразований я был председателем комиссии участка по выборам начальника управления СУ-8. Хотя в коллективе уже сложилось мнение по основному кандидату за которого необходимо голосовать, кто-то предложил обратиться за помощью к практикующей в гадании на картах Юзефе Анатольевне Колодницкой, нашей кладовщице. К ней частенько обращались наши женщины за помощью в решении всяких вопросов и говорили, что она всегда давала дельные советы. Она и на этот раз назвала без

вариантов Виктора Игоревича Рушинга, за которого и так все хотели проголосовать. Он был выбран и достойно продолжил линию всех предыдущих руководителей управления.

«…МОЙ АДРЕС НЕ ДОМ И НЕ УЛИЦА…»

Трассовик – определение работника времён освоения газовых месторождений Тюменского Севера СССР. Это человек, постоянно перемещающийся по участкам работ на линии газопроводов и не имеющий постоянного места проживания. Как у меня, так и у множества других работников, в период моего прибытия на Севере в паспорте значилась прописка - Тюменская область, Березовский район, п. Белый Яр, СУ-3, «трасса». То есть, в паспорте была указана организация в посёлке, но ни улицы, ни дома, ни квартиры. Таким образом, слова песни «мой адрес ни дом и ни улица, мой адрес Советский Союз», это реальность, которая имела место в нашей молодости.

Крижановский А.Н.

ВЕРТОЛЁТ

Сейчас ребятам, которые выросли в 90-е годы, и жизнь которых регламентируется деньгами (легальными, или нелегальными – без разницы) трудно понять бескорыстность, честность и искренность поступков нашего поколения. Да, на Севере у нас были хорошие зарплаты, но в первую очередь мы думали не о деньгах, а о результатах дела. Мы не боялись брать на себя ответственность в технических решениях, справлялись со сложными монтажными проблемами, решали вопросы со смежниками, с Генподрядчиком и Заказчиком, и решали их не только дипломатическими методами. Но всегда к любым оппонентам у нас было не показное уважение, а настоящее, потому что на Севере все работали бок о бок и делали одно общее дело. Была и взаимовыручка и взаимопомощь в быту.

В ноябре в осеннем пальтишке я впервые прилетел в Белоярский. Меня никто не встречал кроме 20-градусного мороза. Я сел в попутный грузовичок и достаточно комфортно доехал до управления Выйдя из кабины, попытался отблагодарить водителя, предложив ему три рубля.

– Новенький, – сказал он утвердительно, – Забудь об этом. Здесь так не принято.

Это было моё первое знакомство с людьми Севера, которое сразу произвело на меня благоприятное впечатление.

Расскажу об одном случае, произошедшем летом 1982 года. В этот год я не пошёл в отпуск (не заработал ещё), а остался в Соруме на участке «смотрящим». Со мной было человек 20 ребят, которые делали заготовки под монтаж очередной станции. Жена с дочками жила и работала в Белом Яре. И вот в очередную пятницу мне очень захотелось увидеться с ними. Договорившись с бригадиром, я пошёл на вертолётку, которая представляла собой бревенчатую посадочную площадку со стоящим невдалеке вагончиком без дверей. Было около девяти вечера, солнечно, и я, надеясь на авось, сел в этом вагончике и стал ждать. Вскоре послышался стрёкот вертолёта. Борт летел с севера на юг и шёл вдоль трассы газопровода чуть в стороне от меня. Я выскочил из вагончика и стал махать снятой с себя рубашкой. Смотрю, вертолёт поворачивает в мою

сторону, и уже через несколько минут я был на его борту. Стремительно поднялись и полетели дальше. Через какое-то время выходит из кабины второй пилот и говорит мне, что борт идёт в Берёзово на базировку. А это, как известно, изрядно в стороне от Белого Яра. Мне стало грустно от осознания того, что сегодня я так и не увижу жену и детей. Я сказал об этом лётчику, на что тот ответил, что у них не хватит времени на бросок в сторону Белого Яра (саннорма – строгий параметр для них). Потом второй пилот подумал, произнёс два слова «сейчас, подожди» и исчез в кабине. Секунд через десять я услышал, как взревели двигатели, и мы прибавили ход. Затем второй пилот снова появился в салоне вертолёта и сказал мне, что командир всё понял, увеличил скорость, и что мы подсядем прямо на взлётную полосу аэродрома в Белом Яре, а я должен буду мигом выскочить наружу, как только шасси вертолёта коснутся бетонки. Всё так и вышло. Комментарии, я думаю, здесь излишни. Это Север!!!

ИНОСТРАННЫЕ ШЕФ-ИНЖЕНЕРЫ

Монтаж оборудования на КС Сорум шёл своим чередом и вот, наконец, на стройку приехали шеф-инженеры по турбинам – трое англичан. Знакомство с ними началось по нашей русской традиции, с приглашением в бочку на пельмени под водочку, которой нас снабжала повариха из столовой, где питались иностранцы. Для них по контракту «сухого закона» не предполагалось, а муж поварихи работал на нашем участке бригадиром. Фамилия его была Вельтер, а звали его Вольдемаром. К нашему удивлению, англичане водку попробовали, а от пельменей отказались (варёное тесто их не прельстило). Но к концу стройки они лопали пельмени за милую душу, которые мы сами готовили из медвежатины и оленины. Живность эту добывали наши охотники.

Несмотря на то, что при первом знакомстве первый блин вышел комом, с шеф-инженерами в дальнейшем мы установили хорошие отношения. Во время монтажа возникали разные ситуации, которые нужно было оперативно решать. С самого начала, взяв чертежи в
руки, я говорил шефу:

– Джон! – говорил я, – нам нельзя вести маслопровод по улице, на нашем морозе он закупорится.

– Ты так считаешь? – спрашивал Джон и улетал в Тюмень, где был один единственный телетайп для связи с Лондоном.

Потом англичанин возвращался и сообщал мне:

– О'кей, Александр, переносите маслопровод.

В следующий раз опять то же самое. Я задавал вопросы, а он для их согласования летал в Тюмень. Потом после третьего или четвёртого полёта между нами состоялся такой разговор:

– Вы так считаете, – сказал Джон, – о'кей, Александр, делайте по-своему.

После этого к нам появилось техническое доверие. Это было важным моментом в совместной работе, особенно в сложных ситуациях, одна из которых возникла при такелаже турбин и нагнетателя. Теоретически по согласованию с изготовителем был сделан план производства работ, но без привязки к местным условиям, особенно к полному отсутствию дорог. Монтаж трёх 60-тонных блоков должен был производиться 100-тонным краном, который в обозримом пространстве существовал в единственном экземпляре и находился в другом тресте. Даже если бы мы договорились об его аренде, то доставить его на площадку и потом сделать основание из аэродромных плит под опоры крана, а

плит у Генподрядчика на тот момент не было, представлялось почти невозможным.

Посему нами: мной, Тюваевым и Безюкевичем, было принято другое решение, как оказалось, рискованное и авантюрное. А именно, не извещая руководство управления, шеф-инженеров и заказчика, мы решили произвести такелаж блоков двумя трубоукладчиками и осуществить это под покровом ночи. Сказано – сделано. Сложнейшую операцию, а надо было аккуратно поставить блоки точно на забетонированные анкера, при том, что расстояние между соединительными фланцами турбин было десять миллиметров, как зазор между лопатками ротора и статора, мы производили под управлением машинистов трубоукладчиков – Василия Пырха и Вячеслава Комарова. Надо сказать, что они нас здорово выручили, и всё прошло без эксцессов. Работа была начата в полночь и к утру закончена без внештатных ситуаций, но эксцессы начались на следующий день, когда Джон, главный шеф-инженер по турбинам, увидел утром установленный на фундамент турбоагрегат. Он схватился за голову и сразу заявил о том, что сообщит об этом вопиющем происшествии в Лондон, и что за нарушение технологии монтажа он снимает с агрегата гарантию производителя. Нам стало не по себе, и мы уже не чувствовали радости от выполненной ночью работы. Назревал большой скандал. Чтобы как-то смягчить ситуацию, мы начали аргументировано уверенным тоном уговаривать Джона не делать этого, приводя все возможные и невозможные аргументы. Переводчица, которая была офицером КГБ, еле успевала, внимательно следя за ходом разбирательств. В конце концов, англичанин, вспомнив все наши предыдущие споры, в которых мы оказались правы, согласился составить акт, который подписал и я, но не отправлять этот акт по назначению и ничего не сообщать своему руководству до пуска турбины. В случае безукоризненной работы турбоагрегата договорились акт этот потом публично разорвать, что и было впоследствии сделано. После запуска турбины в трассу и начала бесперебойной перекачки газа по газопроводу «Уренгой-Помары-Ужгород», мы согласно русским обычаям с размахом отметили это знаменательное событие...

Но, несмотря ни на какие трудности в мае-июне все турбоагрегаты были запущены и выведены на проектную мощность. Главный шеф-инженер, немец, Карл Балтер, представитель фирмы «Маннесманн», слетал в Мюнхен, где были подписаны все документы. На прощальном ужине, на котором были представители Тюмени и Москвы, он сказал, что фирма «Маннесманн» готова подписать контракт с нашими монтажниками на производство любых работ, так как в тёплой Мексике и в не такой прохладной, как у нас Канаде, такие станции монтировались за два года, а мы это сумели сделать это за девять месяцев. Нас переполняла гордость и за страну, и за себя, но, отведя Карла в сторону и указав глазами на представителей из Москвы, я ему объяснил, что в случае, если я проявлю интерес к его предложению, то Сосновка, которая находится недалеко от Полярного круга, станет для меня Югом, поскольку есть ещё и Заполярье. И несмотря на то, что наша переводчица постоянно следила за нами, и рекомендовала поменьше общаться с иностранцами в нерабочее время, мы постоянно нарушали этот запрет, общаясь с иностранными шеф-инженерами в любое время, и в нерабочее тоже. На День Победы выезжали на природу, пригласив с собой несколько немцев и англичан, жарили шашлыки, немножко нарушали сухой закон, а, возвращаясь назад в посёлок, в вахтовке все пели песню «Этот День Победы порохом пропах». Немцы с англичанами нам тоже подпевали.

ОБТАПТЫВАНИЕ ВРУЧНУЮ

Как-то раз Тюваев передал в управление наряды для начисления зарплаты работникам, занятым на рубке леса, которые должен был отвести я. Один из пунктов этих нарядов гласил: «Обтаптывание сосен от снега вручную». Очистка снега делалась для того, чтобы дерево можно было срезать как можно ниже. Я сдал наряды и отправился по кабинетам управления решать другие насущные для участка вопросы. Через некоторое время мне сообщают, что наш ОТиЗ в лице Раисы Семёновны срочно разыскивают меня. Когда я появился в отделе, она попросила меня разъяснить, что значит «Обтаптывание вручную»?! Я вначале оторопел, прочитав этот пункт, но потом быстро сориентировался и объяснил ей, что прежде, чем спилить сосну под самый корень, надо сначала добраться до основания дерева. А для этого надо убрать окружающие его сугробы, что и делалось нашими работниками, занятыми на рубке леса без каких-либо приспособлений и механизмов. На это моё замечание она ответила:

– Я всё понимаю, но как это обтаптывать ногами вручную???

Хохот после этого стоял на всё управление...

9 МАЯ

В 1985 году страна готовилась отпраздновать сорок лет Победы. В то время я уже работал заместителем начальника управления по общим вопросам. В мои обязанности входило снабжение, вопросы ЖКХ, взаимоотношения с вертолётчиками, которые были единственными перевозчиками в период, когда зимник уже закрывался, а навигация из-за ледохода ещё не открывалась. Это и были – общие вопросы.

Наступившие майские праздники никак не отражались на производственных процессах. На базировке у нас был тогда вертолёт МИ-8, который ежедневно возил грузы по всем компрессорным станциям, где наше управление выполняло работы. Но приближающийся День Победы накладывал определённый отпечаток на сознание людей, хотелось его встретить как-то по-особому, торжественно. Люди стремились закупить продукты заранее, благо снабжение в то время в Белоярском было лучше, чем на материке. Единственно, чего не хватало – это цельного молока (завозили только порошковое) и ещё пива. Доставка этих объёмных и одновременно дешёвых продуктов была нерентабельной.

И вот 5 мая приезжает к нам в управление начальник ОРСа и с мольбой в глазах и рассказывает, что в Сергино (конечная станция железной дороги) по разнарядке на наш ОРС поступило польское бутылочное пиво в количестве 200 ящиков, а в посёлке не осталось ни одного вертолёта, кроме нашего. Естественно вопрос был очень быстро решён. Через четыре часа первые 100 ящиков были доставлены, разгружены и отвезены в ОРС. Борт ушёл за второй партией, и вот тут начались звонки. Мои коллеги из разных управлений, узнав об этой спецоперации, слёзно просили меня поделиться с ними «праздничным» продуктом. Взамен они предлагали разные дефициты для производства: импортные электроды, трубы малого диаметра, запчасти для техники и т.д.

Когда борт снова приземлился в Белоярском, вокруг посадочной площадки уже стояло около десятка УАЗиков и небольших грузовичков. После делёжки «праздничного» продукта, у нас осталось 25 ящиков пива, зато, кроме

него, мы приобрели много всякого добра, нужного в производстве. Трассовики даже подогнали нам новый жилой вагончик.

Это была быстрая, без задержек сделка, исключающая всякие бюрократические проволочки. Потом бухгалтерии принявших в этой сделке организаций сделали правильные проводки, и все остались довольны.

А 9 Мая недалеко от нашего управления в лесу мы жарили шашлыки и запивали их пивом...

Першуков В.М.

ЮЖНЫЙ БАЛЫК

КС Южный Балык, ох и гиблое место это было поначалу... Поезд на станции не останавливался, да и станции как таковой не было – приходилось прыгать на ходу. Помню, один раз добирались небольшой группой через Екатеринбург (так сложилась транспортная схема) и ночью выпрыгнули за пять километров, хотя чётко договорились с машинистом, чтобы тормознул, где надо. Кто же знал, что он перед мостиками тоже иногда притормаживает. А затем набирает ход... Прыгнули, хорошо, что не покалечились... Шли сначала по путям, потом обнаружилась гать в сторону посёлка. Грязищи в тех местах – мама дорогая!!! В общем, под утро добрались, с новостями, свежими анекдотами и другими прелестями жизни на «Большой земле». Поселили нас в палатке.

ВИА «ДУБЫ СИБИРСКИЕ»

Несмотря на условия жизни мы никогда не унывали. Некоторые ребята владели музыкальными инструментами и частенько поигрывали в своё удовольствие. Кто не умел - тянулись, что называется «к прекрасному». Мы это совместное музицирование профессионалов и дилетантов называли «ВИА «Дубы Сибирские». Так незатейливо развлекались...

КНИГА

Помню, как-то попалась мне в руки книга на украинском языке объёмом примерно в 600 страниц. Ради интереса и из-за отсутствия других книг, взялся я её читать... Первые страниц 20 дались с трудом. Оставшееся освоил – как на родном... Книга называлась «Фирман Урус-султана». Забавный опыт...

Безюкевич В.А.

МЕТИЗЫ

Вспоминаю один случай, который ярко характеризует отношение руководства в лице Полонского И.М. к производственным вопросам. Так в один из приездов в Сосновку состоялся обход по объектам начальника управления, и я докладывал о причинах срыва графика механомонтажных работ на аварийной электростанции «Растон».

Основной проблемой было отсутствие мелких метизов, которыми соединялись короба воздухозаборника с турбоагрегатами. Полонский слушал, не перебивая, все мои стоны, а потом внимательно посмотрел и тихо, но грозно спросил:

– Каких и сколько не хватает?

Слава богу, что за час до обхода я по каждому фланцу замерил и подсчитал недостающие болты и смог предметно объясниться с начальником управления. В этот же день Полонский улетел, но через пару суток вернулся в п. Сосновку, вызвал вечером меня в «бочку-штаб» в нашем трассовом поселке, достал из портфеля полную рукавицу необходимых метизов и вручил её мне. Потом заставил пересчитать их и взял с меня честное слово, что работы будут завершены в соответствии с графиком, иначе... Для меня (это многоточие тактичный перевод со строительного сленга).

Шнейдер В.С.

SCHAISSE

Когда строители монтировали закладные детали на третьем турбоагрегате КС Приозёрная, им не хватило компонентов подливки. Первые два фундамента подлили без проблем, а третий начали подливать тем, что было. Подлили, застыло, зовут на приемку шеф-инженера Курта и меня. Курт взял молоток, постучал по закладным элементам, и сказал: «Schaisse». Генподрядчик ко мне: «Что он сказал»? Я говорю: «Дерьмо. Надо долбить закладные».

Когда Курт говорил снова эти слова, генподрядчик перевода уже не спрашивал. В конце концов, генподрядчик привез какой-то суперцемент и подлил третий агрегат.

Рощин Ю.А.

ПЕРСПЕКТИВА

Однажды, когда я ещё работал прорабом, мы вместе с мастером Борей Голиковым пришли к начальнику участка Панченко Игорю. Не помню уже по делам или просто так, но помню, что мороз тогда был под сорок градусов. Происходило это на компрессорной станции Таёжная, и жил тогда Игорь Панченко в отдельном вагончике. Заходим к нему, а он в это время принимал душ. Мы окликнули его, сказали, что это мы пришли, сняли верхнюю одежду и поставили греть чайник. Я расположился на кровати, а Боря сел на стул, напротив. Через несколько минут в дверном проеме появился Панченко, весь красный, как варёный рак, в одних трусах и с полотенцем в руках.

– Я сейчас, – сказал он и исчез в тамбуре, слышно было только, как лязгнул закрывающийся замок наружной двери.

Боря посмотрел на меня сверкающими хитрыми глазками и говорит:

– Куда это он?

Я отвечаю:

– По малой нужде, наверное.

Через несколько секунд Боря предлагает:

– Юрка, а Юрка, а давай, говорит, дверь закроем!?

Я ему отвечаю:

– Ну и что дальше?

Боря продолжает:

– Ты начальником участка станешь!

Я ему опять:

– А дальше что!

Тут Боря, улыбаясь, прибавляет:

– А дальше, – говорит, – я за тобой двери закрою!!!

НОВЫЙ ГОД

Часто, приезжая в конце месяца с отчётами, мы оставались на праздники. Начальство было не против, если, конечно, у тебя на объекте было всё нормально! Так вот, помню, произошло это перед самым Новым Годом.

Приехали мы с отчетами. Жили мы тогда в гостинице для ИТР, в трехкомнатной квартире, прозванной в народе «деревяшкой». Настроение у всех предпраздничное, собрались все свои, с некоторыми уже давно не виделись, и хочется пообщаться.

А было это при Горбачеве, во времена сухого закона. Так вот 31 декабря, а коллектив тогда у нас был дружный, не разлей вода, викторины разные, конкурсы проводили и прочие праздничные мероприятия. Всё это в основном готовили, как правило, женщины. Начальником управления в те времена был Рушинг Виктор Игоревич, главным инженером Фролов Владимир Васильевич, и два зама - Нейгум И.Н. и Кармацких А.Г.

Новый год на носу, сидим мы в ПТО, и вдруг Мельникова Раиса заходит:

– Ребята, – говорит, – выручайте, мы всего наготовили, а спиртного нет. Рушинг выпивать запретил!

Николай Васильевич Отчич, улыбаясь, смотрит на меня и говорит:

– Давай, Юра, организовывай, ты у нас главный массовик затейник. Признаться, в те времена, когда на трассе царил сухой закон, достать спиртное, даже в поселках, было трудной задачей, но мы с ней справились. Мы – это я, Ковалев Игорь и Андрей Матюнин. Нам дали машину, и к тому времени, когда стемнело, этот вопрос был решён.

Праздновали потом мы все вместе в актовом зале. Помогли женщинам водку разлить в самовары, а коньяк в заварные чайники. Начальство подошло последним. Сперва Фролов, который сел напротив меня, а потом, ничего не подозревавший Рушинг, который, к тому же, опоздал.

Женщины, смеясь, дали команду наливать чай.

И вот мы, наблюдаем, как Фролов степенно наливает из самовара в чашку якобы воду и сверху разбавляет её из заварника коньяком-заваркой.

– С Новым Годом! – произносит он.

Потом отпивает глоток, и я наблюдаю, как его брови устремляются вверх. Хоть он и был моим первым начальником участка, но так и не привык к моим нестандартным выходкам.

Праздник был уже в разгаре, когда подошёл опоздавший Рушинг, налил себе так называемого чая и как начальник поздравил коллектив. Пригубив и тут же раскусив наш напиток, он забрал замов и ретировался. Напоследок произнёс только:

– Смотрите, поаккуратнее с этим чаем! Чтобы к утру все было в полном порядке.

Вот уже нету в живых и Рушинга, и Отчича и многих других работников, с кем мне пришлось трудиться бок о бок многие годы.

Вспомним о них доброй улыбкой! Царствия им небесного!

Худин В.А.

ВЕРТОЛЁТЧИКИ

С отчётами приходилось летать часто со станции на станцию. Как-то оказался на КС Приозёрной. Смотрю, стоят на вертолётной площадке человек 25-ть, ждут борта. Вот борт подлетает, садится, и вся толпа тут же кидается к нему, расталкивая друг друга. Через пару минут все внутри, расселись молча и ждут взлёта. Выходит второй пилот, смотрит на нас и объявляет:

– Перевес. Пару человек должны вылезти.

Все опустили глаза, смотрят в пол, вылезать никому не хочется. Тогда второй пилот, хватает две попавшихся под руку сумки и выбрасывает их наружу. Двое пассажиров подскакивают и одновременно кричат:

– Куда, это наши сумки.

Никто их не слушает, наоборот, оставшаяся в салоне вертолёта толпа помогает пилоту вытолкать их наружу вслед за вещами.

После этого взлетаем, но взлететь выше пяти метров не получается. Снова садимся, и снова выходит в салон второй пилот, который действует по старой схеме. Хватает чьи-то сумки и выбрасывает их вон. Следом за ними ещё два пассажира покидают борт.

С третьего раза взлетаем сразу метров на сто, берём разгон, но вместо того, чтобы взлететь выше, опускаемся и начинаем пикировать в сторону леса. Взлететь выше деревьев не получается, поэтому возвращаемся на вертолётную площадку и предпринимаем аналогичную попытку ещё раз пять....

Наконец, взмываем вверх над самыми макушками деревьев, и берём курс на Надым. Первый раз при таких манёврах находиться в салоне вертолёта было боязно, но потом привык к аналогичным манипуляциям, потому что в воздухе мы порой проводили столько же времени, как и заправские пилоты...

ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА НОРИЛЬСК - ЛАБЫТНАНГИ

Когда я летел первый раз на Ямбург, обратил внимание на остатки железной дороги, уходящей далеко на Север. Попадались мосты через реки, кое-где они сохранились. Впереди и сзади ничего нет, только насыпь, сюрреалистическая картина. Но потом, когда стали появляться деревянные остовы бараков, стало понятно, это наша история. Когда-то в конце сороковых начале пятидесятых было принято решение построить железную дорогу из Норильска в Лабытнанги. Строили её в основном заключённые, которые жили и работали в нечеловеческих условиях. Бараки стояли вдоль заброшенной железки через каждые десять-пятнадцать километров. Железная дорога с высоты не просматривалась, а заброшенные бараки были видны хорошо.

ПЕРВЫЕ ПУСКИ

Вспоминаются эпизоды, когда и самому приходилось принимать ответственные решения. На Севере по-иному нельзя. Однажды сидели в Пангодах на планёрке. От генподрядных организаций были: управляющий трестом, начальники управлений, от субподрядчиков начальники участков и я – мастер, вчерашний студент.

– Когда запустишь турбину? – спросил управляющий, скептически на меня посмотрев, - когда будешь отбивать её «на боёк».

– Через два месяца, - ответил я, зная реальную картину дел на компрессорной. Но я не знал, что до этого только что закончилось селекторное совещание с Москвой, на котором всем надавали по первое число и установили сжатые сроки сдачи. Такого прямого ответа от меня никто не ожидал. У главного даже глаза на лоб полезли.

– Сколько у тебя тут человек? – грозно закричал он.

– Пятнадцать, - отвечаю спокойно, но у самого мандраж. Ещё никогда я не был в таких ситуациях.

– Звони его начальству в управление, чтобы завтра же тут было ещё двадцать человек, - закончил свою гневную речь управляющий трестом.

Под бок меня толкнул начальник участка КиПовцев и шепчет:

– Скажи ему, что через два дня запустишь в трассу.

Я так и сказал, уверенно и однозначно, будто минуту назад не говорил обратного. Все сразу успокоились, и всё пошло своим чередом.

Потом на следующий день нашли другого, на кого можно было наехать, а я занялся своим делом и в конце концов запустил турбину, как и положено – через два месяца.

Пришлось пускать её одному. Как это делать, я не очень-то понимал, больше надеялся на шеф-инженера Невского завода. Но он как раз на время пусков взял и уехал в отпуск. И, как оказалось, из оставшихся специалистов тоже никто ничего не знал.

Что делать, как выходить из ситуации? Надо пускать самому. Для начала надо было пройти первый этап испытаний, разогнать турбину до максимальных скоростей, чтобы сработала система безопасности. У нас это называлось пустить турбину «на боёк».

Собрались все, Генподрядчик, эксплуатация, и мы – турбинисты. Но из тех, кто дожжен был пускать турбину, был только я.

Начал действовать по инструкции. Открыл пусковой газ, сработал турбодетандер, и турбина начала раскручиваться. Включились в работу камеры сгорания. Регулятором оборотов прибавил скорость, турбина совсем ожила, казалось, всё шло по плану. Вокруг меня даже зааплодировали. Но, как оказалось, рано радовались. Турбина набрала половину положенных ей оборотов и остановилась.

В чём причина? Никто не знает, я тоже. Решаю повторить попытку. Снова запускаю турбодетандер, и турбина опять ожила. Добавляю ей оборотов, но всё повторяется, как и в первый раз.

Как быть? Интернета в то время не было, спросить не у кого, не «погуглишь». Запускаю её в третий раз, потом в четвёртый, и так пускаю четыре часа подряд. Понимаю уже, что всё давно бессмысленно, но не знаю, что делать. Народ давно разошёлся, остался в цеху один я. Деваться мне некуда, потому что начальство успело доложить наверх, что пуски прошли успешно.

Пошёл в прорабскую в свой кабинет, достал с полки описание системы регулирования, начал учиться заново. Перечитал всё тщательно, хотя уже делал это не раз, но одно дело теория и совсем другое – практика.

Взял талмуд с собой в цех, хожу с ним по трубам, раскручиваю гаечными ключами каждый узел, проверяю регулировочные отверстия на соответствие их стандартам. Нашёл, что не так. Оказывается, на заводе все регулировочные шайбы вставили от фонаря. К двум часам ночи я исправил все огрехи завода изготовителя. После этого повторяю попытку пуска снова. Турбина ведёт себя

уже лучше, выходит почти на заданные параметры, но опять чего-то не хватило. Ночь на исходе, или уже начался новый день, потому что солнце за горизонт не пряталось, и тут я понял, что и в инструкции по системе регулирования не всё написано правильно. На то и нужен опыт.

В ту ночь я набрался его выше крыши. Взял и переставил шайбы с регулировочными отверстиями по своему усмотрению. Ушло на это ещё два часа. Теперь уже время пять утра, запускаю снова. Всё проходит нормально, от начала до конца. Боёк срабатывает при нужной скорости. Я доволен, как слон, правда, аплодисментов уже не услышал. Вокруг меня давно никого не было. Возбуждённый, спать ложиться я не стал, да и на компрессорную уже потянулись первые работники. Пришёл и Генподрядчик, и Заказчик, они обрадовались, поздравили меня. Пришлось пустить турбину ещё раз при них. Похвалили, сказали, не зря мы вчера доложили в Москву, что пуски уже состоялись.

– Мы в тебя верили, - сказали они.

После этого я пускал турбины уже с закрытыми глазами, и делал это всегда с первого раза.

КАТОК

Когда работал на Ягенецкой компрессорной станции однажды прорвало горячую воду отопления, налило полвагончика, и он под тяжестью воды наклонился на один бок. Была зима. Кипяток замёрз, а вагончик ушёл на метр в снег. Я потом, пока не отремонтировал отопление, скользил внутри этого вагончика как на коньках, словно с горки по льду.

Герке Г.В.

СЛУЧАЙ В ОТДЕЛЕ

Нас в отделе четверо: две женщины и двое мужчин. Речь пойдет об одном из них – Нозере Давиде Матвеевиче. Ему 75 лет, он не очень дружит с компьютером, но гордится своим богатым производственным опытом и, несмотря на глубоко пенсионный возраст, работает в нашей научной организации на договорной основе.

Однажды часов в 11 к нам в комнату зашел сотрудник отдела строительства Валерий Михайлович, известный всему институту балагур, коммуникабельность которого значительно превышает допустимый приличиями уровень и от которой все уже порядком устали.

Валерий Михайлович бодрым шагом прошел к столу Давида Матвеевича и положил перед ним листок бумаги с какими-то диаграммами.

Далее мы имели удовольствие наблюдать и слушать следующий диалог.

– Скажите, пожалуйста, из какого журнала Вы это мне прислали? Где Вы это нашли? - спросил Валерий Михайлович.

– Я? Вам? Я Вам ничего не посылал – почти оскорбился Давид Матвеевич, видно вспомнив, как часто он «воюет» с электронной почтой.

– Как не посылали? Обратный адрес – Бродский Константин Дмитриевич.

– Но я не Бродский, я – Нозер. А Бродский Костя – это тот, кто сидит рядом с Вами в одной комнате.

Последовало молчание как в «Ревизоре».

Валерий Михайлович, повертев в руках листок, пытался сделать вид, что ситуация под контролем.

– Ну, да, Бродский... Я знаю, кто такой Бродский... но он говорит, что это Вы прислали.

– Ничего я не посылал, - строгим голосом прокурора попытался закончить диалог Давид Матвеевич и отвернулся к компьютеру.

Валерий Михайлович, видя устремленные на него насмешливые взоры, бодро начал:

– Нет, ну и хитрецы эти американцы! Идут по пути нашего Газпрома. Снижают цены на строительство! – и опять пальцем в диаграмму.

Мы переглянулись, так и не поняв связи между Газпромом, ценами на строительство, Нозером, Бродским и этой диаграммой... А уж кто и что кому посылал? Или куда? Или кого? Сие науке неведомо...

КРИВАЯ ФАМИЛИЯ

Фамилия одного из наших сотрудников Кривошеин, зовут Сергей Александрович. На внутреннем сайте института ежедневно вывешиваются списки сотрудников, у которых в этот день – день рождения.

Однажды Лидия Владимировна, изучая список именинников, вдруг обращается к Сергею Александровичу:

– А у Вас и сестра здесь работает?

– С чего Вы взяли? – искренне удивился Сергей Александрович.

– А вот сегодня поздравляют Косорукову Валентину ***Александровну...***

– Но я-то Кривошеин! А с руками у меня все в порядке! - рассердился Сергей Александрович.

Я вдруг вспомнила, что за стеной в соседнем кабинете есть сотрудница по фамилии Кривоногова. Взрыв хохота сдержать не удалось...

ХРУСТИТ?

Приближается время обеда. По установившейся привычке звоню Татьяне Николаевне узнать, все ли у нас по плану. Она как-то сумбурно объясняет мне, что обедать пойдет, но вот есть она может только мягкую еду. Я вполне резонно говорю, мол, зуб болит? Она отвечает: «Да если бы зуб! Я челюсть вывихнула».

Ничего не понимая, прихожу в кафе. Татьяна Николаевна рассказывает, что же с ней приключилось.

– Все жадность моя виновата! Купила в «Перекрестке» маленький батончик, очень их люблю, они с чесноком, вкусные... Сразу его не съели, он подсох, выбрасывать жалко, вот я его и укусила. В челюсти что-то хрустнуло, отдалось резкой болью. Теперь вот больно жевать, ничего твердого кусать не могу.

Я посочувствовала ей, посоветовала обратиться к врачу. Мы долго обсуждали с ней, к какому именно специалисту нужно идти.

Через день опять встречаемся за обедом.

– Были у врача? – спрашиваю.

– Была, но лучше бы не ходила. Сначала пошла к терапевту. Она щупала и давила очень больно и долго. Сказала, что у меня подвывих челюсти. Направила к хирургу. Хирург оказался в отпуске, но на приеме был костоправ, или как сейчас говорят, мануальщик, пришлось идти к нему. Костоправ засунул палец в

рот, надавил изнутри на сустав, сказал, что вправил там что-то. И ещё сказал, что, зря пошла к терапевту, она своими надавливаниями только хуже сделала...

– Ну, а сейчас как? Не болит?

– Болит сейчас не очень, но, когда жую, громко хрустит.

В это время нам принесли заказанную еду. Бедная Татьяна Николаевна начала осторожно жевать, опустив голову. Через секунду спрашивает:

– Не хрустит?

– Да вроде, нет, - отвечаю.

Проходит минута. Татьяна Николаевна, не поднимая головы, украдкой бросает на меня взгляд.

– Не хрустит?

– Я, по крайне мере, не слышу.

До конца обеда она время от времени спрашивала, не слышу ли я хруста ее челюстей. Видно, она очень стеснялась, что окружающие услышат то, что слышит она. Но к счастью, хрустящий звук челюсти, явившийся следствием патологической жадности, слышала только она.

Возникает еще один вопрос. Из чего пекут батоны в «Перекрестке», если через сутки они становятся не просто непригодными для еды, а представляют опасность для челюстных суставов человека?

ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ПОЛКОВНИКА МАЙОРОВОЙ

Знакомство с полковником милиции Антониной Майоровой произошло на свадьбе нашей дочери. Она как старинная приятельница моей сватьи была приглашена на свадьбу со стороны жениха.

Несмотря на то, что за почти сорок лет работы в Газпроме возникло огромное количество друзей и знакомых в среде газовиков, дочь нашла себе мужа из совсем другого окружения. Среди многочисленных гостей, которых мы увидели в первый раз, Тоня запоминалась сразу и навсегда. Лет около сорока, невысокая, но с хорошей фигурой, коротко стриженая, с выразительным подвижным лицом, на котором искрились карие глаза, она воплощала собой бьющие через край фонтаны энергии различных видов, начиная от мгновенной реакции в разговоре, когда ответная реплика, неизменно остроумная, слетала с её губ раньше, чем произносил последнее слово её собеседник, и заканчивая необычайной физической подвижностью: в движении одновременно находились руки, ноги, голова, плечи, да и всё остальное тоже не стояло на месте.

Достаточно сказать, что на свадьбе Тоня перетанцевала в конкурсе всех гостей, среди которых большая часть была моложе тридцати. Стройные ножки в изящных сапожках мелькали в такт любого танца, казалось, им всё равно, что танцевать – русскую «барыню» или еврейский «семь сорок». Букет невесты поймала, конечно, тоже Тоня, опередив на долю секунды более молодых претенденток. Если принять во внимание тот факт, что полковник была не замужем, то её рвение очень даже объяснимо.

Сказать, что Тоня по характеру была абсолютной оптимисткой, не сказать ничего. Восторг и восхищение окружающим миром, положительные эмоции били из неё через край без устали и перерыва. Про таких обычно говорят: «Мертвого поднимет!»

Мы вначале не могли понять, почему такая симпатичная, весёлая и позитивно настроенная женщина до сих пор не нашла себе спутника жизни. Потом вдруг осенило: выдержать такой накал эмоций, такую бурю страстей, такой темп в

общении не каждый может выдержать, особенно продолжительное время. Кроме того, трудно было себе представить, как можно с Тоней говорить о каких-то неурядицах, проблемах, болезнях, наконец. Реакция на любую попытку завести подобный разговор открыто читалась в её искрящихся глазах, не было сомнений, что она скажет: «Ребята, да бросьте! Всё это такая ерунда! Посмотрите вокруг, мир удивителен, жизнь прекрасна!.. Все будет замечательно!» или что-то в таком духе.

Возможно, именно такой характер притягивал к Тоне всякие комические ситуации, с ней постоянно случались какие-то приключения. Из самых обыденных для других людей обстоятельств Тоня умудрялась извлечь (или навлечь на себя) нечто нестандартное, иногда даже пикантное.

Любительница «потного отдыха», Тоня часто летала отдыхать в Турцию, Египет и в другие недорогие места. Эти путешествия дополнительно увеличивали её шансы попасть в какую-нибудь историю. Приведём лишь некоторые из них.

ОТКУДА ПРИБЫЛИ?

Тоня с подругой Татьяной возвращаются из Египта. Татьяна быстро прошла паспортный контроль, отошла подальше от стойки пограничников и стала звонить водителю, который должен был их встречать. Тоня задерживалась. Татьяна видела, что она оживленно разговаривает с пограничником, отчаянно жестикулируя.

– Господи, ну чего она опять застряла? – думала Татьяна, прикидывая, что могло случиться на этот раз.

Минуты шли, а картина у окошка паспортного контроля не менялась. Потеряв терпение, Таня хотела уже дернуться на выручку подруге, но тут к ней подбежала раскрасневшаяся и страшно возмущенная Тоня.

– Тань! Ну, скажи, почему такая несправедливость? Ну, почему, все люди как люди, спокойно проходят, а мне опять… – сбивчиво заговорила Тоня, махая рукой в сторону погранцов.

– Да что случилось, объясни толком, - пыталась урезонить ее Татьяна. - Почему так долго? Что от тебя хотели?

– Нет, Тань, ты представляешь, он у меня спрашивает: «Откуда прибыли?». А я ему отвечаю: «Как откуда? Работаем, на печке не лежим, сами зарабатываем, куда хотим, туда и тратим. И вообще, на свои гуляем!» Обидно ж, Тань! Что значит «откуда прибыли»? Я что тунеядка? Всю жизнь вкалываю как папа Карло, а он мне – «откуда прибыли?»

Татьяна слушала и ничего не понимала. Какие прибыли, причём здесь прибыли? Тоня продолжала с возмущением тараторить, пытаясь найти у подруги сочувствие и поддержку. И тут Татьяну озарило:

– Господи, он у тебя спрашивал, откуда ты прилетела, то есть откуда Вы прибыли, госпожа Майорова! А ты ему чуть декларацию о доходах не рассказала… Ты что, совсем ничего не соображаешь?..

Тоня, наконец, умолкает, ошалело смотрит на подругу, потом до неё доходит:

– Елки – палки! А я-то думаю, что он ко мне прицепился с этими прибылями? Ни у кого не спрашивает, только мне: «Откуда прибыли, да откуда прибыли?» А я ещё, как дура, ему доказывала, что на свои трудовые отдыхаю! Идиотка!..»

КАКОЙ КОМПАНИЕЙ ЛЕТАЛИ?

Тоня приходит на работу после отпуска, проведенного в жарких странах. Сослуживцы, естественно, расспрашивают о том, где была, как понравился отдых, сколько потратила денег и о прочих интересных и не очень интересных вещах, о которых иногда спрашивают просто из вежливости.

Антонину вызывает начальник, они беседуют несколько минут, после чего Тоня выходит очень возмущённая и рассказывает подруге:

– Тань, ну ты представляешь! Пораспрашивал о том–о сём, я всё как на духу рассказала, а он вдруг спрашивает: «Какой компанией летали?». Тань, ну какое ему дело, с кем я отдыхала? Прямо, покоя никому нет! Я пыталась отшутиться, а он как пристал: «Какой компанией летали?» и всё тут. Ну, я не выдержала, ответила: «Да три придурка, и я с подругой!». Будет знать, как некорректные вопросы задавать!

Татьяна слушала, где-то с середины монолога потеряв дар речи. Потом опомнилась:

– Майорова, ты что, совсем ненормальная? Он же спрашивал, какой АВИАкомпанией ты летала! Аэрофлот, Сибирь, Трансаэро или ещё какой. Поняла?

– Ё моё…

Далее – пауза, как в «Ревизоре».

ПЬЯНИЦА

Наступал Новый 2006 год! Татьяна с мужем Александром и ещё несколько семейных пар встречали его на даче у давнишних друзей – Евгения и Марины. Компания сложилась давно, ещё в молодые годы, кто-то когда-то с кем-то учился или работал, все друг друга очень хорошо знали, с годами стали роднее родных. Полковник Майорова была где-то в отпуске и к новогодней ночи её прибытие не планировалось. В общем, Новый год ожидался обычный: спокойный, в меру весёлый, но без особых потрясений.

Через несколько домов от дачи Евгения жил ответственный работник аэропорта «Шереметево» Павел Иванович. Должности его точно никто не знал, но то, что он может почти всё в пределах «Шереметева», знали все.

Павел Иванович первого января отмечал свой юбилей и за несколько дней, повстречав Евгения на улице, пригласил всю его компанию к себе в первый вечер нового года. Так и договорились: Новый год встречают каждый дома со своими друзьями, с утра все отсыпаются и часикам к 5 собираются все у Павла Ивановича.

Но этим планам не суждено было сбыться: произошло непредвиденное - приехала Тоня.

Она появилась в доме Евгения днём первого января, радостная и оживлённая, возмутилась тем, что кто-то смеет спать в первый день нового года («Праздник же, братцы!»), а тот, кто не спит, непозволительно трезв. Тоня напоила тех, кто уже проснулся, подняла тех, кто ещё спал, и тоже напоила. К вечеру вся компания спала крепким послепраздничным сном, видя цветные сны в мерцании новогодней ёлки и прочей иллюминации. На юбилей идти было некому. Да и про сам юбилей никто уже не помнил.

Павел Иванович ждал до 6 часов, потом до 7, потом до 8. В 9 часов вечера, не выдержав, он позвонил Евгению. Трубку долго никто не снимал. Павел Иванович начал волноваться, не случилось ли чего, стал уже собираться идти к

соседям. Но последний звонок не ушёл в вечность. Трубка ожила и осипшим голосом Евгения произнесла:

– Д-д-а-а…

– Жень, ну, где вы? Жду вас, жду… Что случилось? Куда вы пропали? - взволнованно зачастил Павел Иванович.

– А-а-а, П-п-авел Иванович, с-с юб-билеем… - казалось, каждое слово дается Евгению с таким трудом, что силы вот-вот покинут его.

– Спасибо, спасибо! Так почему вы не идёте? Что-то случилось?

– Случилось, – в трубке наступила тишина, - Тоня приехала…, - упавшим голосом после некоторого молчания прошелестел Евгений, - и в живых никого не осталось, - последние слова трубка произнесла со свистом, как если бы из говорящего выпустили последний воздух. Послышались короткие гудки…

Павел Иванович не знал, кто такая Тоня, не знал, почему с приездом Тони «в живых никого не осталось». Единственное, что ясно осознал в тот миг Павел Иванович, так это то, что ждать дальше бесполезно, что никто из дома Евгения к нему прийти уже не сможет. Позже ему, конечно, рассказали, каким образом таинственная Тоня сумела в первый день наступившего года вывести из строя команду закаленных бойцов, и все дружно посмеялись.

Прошло несколько месяцев. Из разговора с Евгением Павел Иванович узнал, что героиня новогодних праздников Антонина в очередной раз собирается на отдых. Вылет из Шереметева в такое-то время таким-то рейсом. Лично с Тоней Павел Иванович так и не познакомился, тем не менее, решил слегка разыграть её, отомстив таким образом за сорванный юбилей.

За два часа до регистрации рейса, которым вылетала Тоня, Павел Иванович был на посту. Он занял позицию на площадке второго этажа аэропорта и наблюдал за вылетающими. Очереди к стойкам регистрации извивались толстыми бесформенными змеями, то соприкасаясь друг с другом, то снова разделяясь. Толпа отпускников приглушенно гудела, нарушений порядка не наблюдалось. Был обычный мирный день аэропорта.

Минут через пятнадцать в одной из очередей стало нарастать некоторое возбуждение, люди оживленно переговаривались, громко смеялись, что-то передавая друг другу, а местами раздавались взрывы хохота. Павел Иванович понял: приехала Тоня. Он не ошибся.

Полковник Майорова подкатила к очереди с ярким чемоданом на колесиках и с бутылкой коньяка в руке. С возгласом: «Вы что такие мрачные, ребята, отдыхать же едем? Как же я с вами полечу, с такими трезвыми?», с шутками и прибаутками пустила бутылку по рукам. Через некоторое время вся очередь хохотала, кое-где уже пытались петь, все перезнакомились и называли друг друга по именам, как закадычные друзья.

Павел Иванович начал сомневаться, что все из этой очереди до конца регистрации будут помнить, куда именно они летят. Тем более, что он не знал, сколько ещё бутылок с горячительным припасено у Тони.

Но благодаря слаженной работе девушек «Аэрофлота» регистрация прошла быстро и успела закончиться до того, как некоторые из попутчиков Тони впали в окончательную эйфорию по поводу того, что они действительно в ОТПУСКЕ и летят отдыхать в тёплые края с целым самолетом закадычных друзей.

Далее место действия переместилось в самолет. Пассажиры заняли свои места, когда в салон вошли двое мужчин: один в форме, другой в штатском. Они

о чём-то пошептались со стюардессой и направились к месту, где суетливо и шумно усаживалась Тоня.

– Добрый день! У нас к вам несколько вопросов, – строго начал товарищ в штатском.

– Привет! – Тоня лихорадочно перебирала в голове, чтобы это могло значить. Появилась даже противная мыслишка: «Ну, всё, приехала».

Но тут же, взяв себя в руки, она внутренне ощетинилась, всем своим видом показывая, что её голыми руками не возьмешь.

– Какие проблемы, командир? – беззаботно, как ей показалось, спросила Тоня, прикидывая, когда лучше показать свое удостоверение: сейчас или в крайнем случае, если попросят покинуть самолет.

Потом вспоминая эти минуты, Тоня, конечно, смеялась над своими мыслями и страхами, но в тот момент ей было не до смеха.

– По нашим сведениям в вашем багаже, девушка, слишком много спиртного. Это так? Для каких целей Вы вывозите его из страны? – товарищ в штатском, а это был, конечно же, Павел Иванович, из всех сил старался сохранить неприступный вид, хотя еле сдерживался, чтобы не расхохотаться, видя, что Тоня очень растеряна, но отчаянно пытается «сохранить лицо».

«Коньяк не отдам! Иначе какой отдых! – твёрдо решила Тоня. Она встала в проходе салона в позу фотомодели перед объективом камеры, картинно уставив руки в боки, и гордо произнесла:

– Да. Везу! Для себя! А что? Ну, я, я… выпиваю! И что?

После слов «я выпиваю», произнесенных несколько растянуто, что придало им некую торжественность и даже гордость, мол, да, это слабость, но для такой женщины вполне извинительная, салон взорвался таким хохотом, что сохранять дальше официальность стало невозможно. Так произошло, наконец, настоящее знакомство Павла Ивановича и полковника Майоровой.

ЭПИЛОГ

Байки про Майорову можно рассказывать бесконечно. Они всегда смешные, с неожиданными ситуациями, когда их слушаешь, всегда поднимается настроение и хочется жить.

И только очень близкие люди знают, что у полковника Майоровой по жизни больше причин для грусти, чем для веселья. По крайней мере, большинство людей в её ситуации не только не смешили бы других, но сами бы смеялись очень редко. К своим сорока годам Тоня не имела собственного угла, жила с родителями и с семьей брата в малогабаритной квартире. Как тут устроить личную жизнь? Вот и выручает характер, который не позволяет унынию, как одному из смертных грехов, разрушить то хорошее, что есть в ее жизни.

Удачи тебе, полковник Майорова!

ЗА ХЛЕБОМ

Александров-Гай, 1975 год. Мы живем в посёлке газовиков Александров-Гайского ЛПУ в двухэтажном кирпичном доме. Дом стоит «на берегу» огромного пустыря, изрытого колесами грузовых автомобилей. Летом в сухую погоду пустырь нещадно пылил, а в дождь превращался в непроходимое глиняное месиво.

На противоположной стороне пустыря располагался открытый весной этого года торговый центр, а рядом – столовая для рабочих. Столовая эта имела для нас особое значение, так как только там можно было купить хлеб. Но не просто купить

(на вынос хлеб не продавали), а «достать» по блату, если повезет, у Лиды, жены нашего машиниста Коли Князева.

Надо отметить, что все пять лет жизни в Ал-Гае самой ходовой и нужной обувью были резиновые сапоги. Туфли и босоножки могли месяцами стоять нетронутые, а сапоги всегда на пороге, готовые к выходу.

Тем летом я не работала, сидела в декретном отпуске с новорожденным сыном, которого трудно было назвать спокойным ребенком. В редкие минуты затишья, когда сын спал, мне надо было переделать множество дел, в том числе, достать хлеб к обеду. Автобус привозил работников КС на полчаса, за которые надо было успеть накормить мужа.

Уложив сына, я сунула ноги в сапоги (накануне вечером прошел дождь и грязь на улице еще не высохла) и выбежала за хлебом. Чтобы сократить путь, побежала через наш пустырь. Добежав до середины, почувствовала странную легкость. Оказалось, что одна нога выскользнула из сапога, и я по инерции пробежала еще несколько шагов. Оглянулась, сапог торчит метрах в пяти от меня. Я в одном сапоге и в одном носке стою ближе к противоположному «берегу» пустыря, который почти подсох. Что делать? Вернуться назад, вытащить сапог, натянуть его на грязную ногу – значит, потерять драгоценное время! А если ребенок проснется?

Решение пришло другое. Добегаю до сухого края, снимаю грязный носок и в одном сапоге бегу в столовую. Хорошо, что Лида в тот день была добрая и продала мне полбуханки черного хлеба.

На обратном пути надеваю застрявший в глине сапог и домой.

Все хорошо, сын спит, хлеб есть, обед приготовлен заранее. Как бы сейчас сказали: жизнь удалась!

УЩЕРБ

Осенью 1973 года готовился к пуску 3 цех КС Александров-Гай. Шла прокачка системы маслоснабжения турбоагрегатов. Для подогрева масла от котельной был проложен временный трубопровод, по которому с помощью насоса циркулировала горячая вода. Нам, сменным инженерам, необходимо было следить за работой этого насоса. Остановится насос, разморозится система со всеми вытекающими последствиями.

В одну из ночных смен, когда я дежурила, это и произошло. В смене я была одна, так как цех ещё не работал, и сменный инженер был вроде сторожа. Насос был установлен на улице, где ночью температура опустилась ниже ноля. Часов до 4 утра я каждые полчаса проверяла работу насоса. Под утро, сильно замёрзнув, я зашла в помещение цеха и, пригревшись уголке, задремала. Утром при передаче смены обнаружилось, что насос выключен, вода в системе замерзла.

Через два дня, выйдя в дневную смену, на проходной на доске объявлений я увидела приказ, согласно которому по моей вине был нанесён ущерб имуществу КС и из моей зарплаты будет удержана стоимость насоса в размере 67 руб. 38 копеек.

Так нас учил жить и работать начальник управления Бельченко М.И.

И никаких тебе разбирательств, судов, прав человека и прочего, чем сейчас заполнена жизнь. Виновата, отвечай! Ну и что, что ты работаешь всего третий месяц? Никаких поблажек!

На трассе молодые специалисты проходили такую науку жизни, которая запоминалась на всю жизнь.

Немцев Г.Н.

КЛАДОИСКАТЕЛИ

В Газли я попал по жребию! Разыграли мы его среди пятерых выпускников-турбинистов славного БИТМ, после того как 1 августа 1973 года прибыли по месту распределения в Спецуправление № 7 (СУ-7) треста «Союзмонтажгаз», которое располагалось в Москве в переулке Гайдара, в подвале дома № 5, недалеко от Курского вокзала. Принявший нас начальник управления Борисов Г. А. не стал ломать голову над определением места работы для каждого из нас, а просто предложил пять объектов на газовых стройках нашей большой страны и выпроводил нас в коридор, сказав, что ждёт обратно через 30 минут.

Перст судьбы указал мне на Газли, куда я и отправился сначала на турбомоторном самолёте ИЛ-18, а потом почти сто километров от Бухары на автобусе. Название этого узбекского населенного пункта происходит от слова "газ". В этом месте в песках пустыни Кызыл Кум (Красные Пески) было открыто большое месторождение газа. Геологи без фантазии назвали его «Газовое», что в переводе на узбекский, значилось как «Газли». Говорят, в этих местах хаживал легендарный Ходжа Насредин.

В Газли находились головные сооружения газопроводов «Бухара-Урал» и «Средняя Азия-Центр», на которых СУ-7 выполняло механомонтажные работы. Бригадой, состоявшей из полтора десятка опытных, прошедших Крым и Рим мужиков, казавшихся мне тогда в силу моего нежного возраста чуть ли не дедами, руководил участком СУ-7 Иван Филиппович Фоломеев, ставший не только моим начальником, но и хорошим наставником.

По прошествии моей первой рабочей недели бригада в полном составе отправилась на традиционную рыбалку с ночёвкой. Я, желая теснее влиться в дружный рабочий коллектив, естественно примкнул к этому мероприятию. Да меня особенно никто и не спрашивал. С нами ещё поехал шеф-инженер Уральского Турбомоторного завода Сергей Самойленко. Турбоагрегаты ГТ-6-750 этого завода мы монтировали на компрессорной станции. Серёга, шебутной парень, всего на пару лет меня постарше взялся меня опекать в этой поездке. Мы долго тряслись в кузове нашего грузовика и уже под вечер, когда начало смеркаться, доехав до места, разбили лагерь. Водоёмы, возле которых мы остановились, представляли собой небольшие мелкие озерца, являющиеся останками весенних разливов Аму-Дарьи, которые пересохли к концу лета. В них лениво плавали потерявшие активность амуры и толстолобики, которых мы брали голыми руками.

На юге темнеет быстро. Казалось, солнце только что скрылось за горизонтом, а небо уже начинают заполнять звёзды, сначала их немного, мерцающих неярким светом, но со временем их количество всё увеличивается, они наполняясь яркостью, как бы растут и вот уже ими усыпан весь небосклон. Когда совсем стемнело, мы приготовили огромный казан жирной ухи (рыбу закладывали три раза). Ну и как водится у костра за разговорами пришла пора под уху принять водочки. Я в ту пору не был фанатом крепких напитков - в студенческие годы мы с друзьями пробавлялись в основном винчишком да пивчишком. Я попытался отклонить преподнесенный мне стакан, но был подвергнут обструкции со стороны здоровой части общества. Мне даже зачитали куплет из гимна монтажников в стиле В. Маяковского:

Водкой лечимся мы все,
Нам не страшна никакая зараза!
Смотрите, завидуйте-я инженер
Союзмонтажгаза!

Белой вороной быть не хотелось, поэтому я поучаствовал в меру своих тощих сил, ну а народ вовсю отрывался при свете костра да под ушицу.

В разгар застолья меня отозвал в сторону шеф-инженер Серёга и предложил осуществить замечательную операцию - уберечь водку от полного уничтожения, припрятав пару бутылок с тем, чтобы утром получить благодарность бригады за предусмотрительность и заботу о необходимом лечении после ночных возлияний. Я с удовольствием поддержал эту идею, и в итоге мы зарыли две бутылки в песок под кустом саксаула.

Утром начались вопли страждущих, и мы уже приготовились обрадовать народ, но при свете солнца выяснилось, что вокруг нашего стойбища огромное количество кустов саксаула и определить место захоронения волшебного напитка не представляется возможным. Когда измученные похмельем товарищи узнали, что мы из благих побуждений покусились на святое, нас приготовились линчевать. Серега, умоляя об отсрочке казни, поклялся отыскать захоронение. К этому вопросу он подошёл по инженерному. Зону поисков он разбил на сектора, отмечая их границы пустыми бутылками, а сектора на квадраты. Удивлённые суслики, вылезав из своих нор, смотрели, как десяток мужиков, стоя на карачках, с остервенением роются в песке. В итоге после некоторых усилий, жаждущих и страждущих, раздался радостный вопль. Поиски клада увенчались успехом. Мы с Серёгой были прощены и допущены к опохмелу.

В дальнейшем мы неоднократно выезжали на подобные мероприятия, прятать водку больше не пытались, поэтому её всегда не хватало.

НЕДОЛЁТ

В ноябре 1973 года я возвращался из своего первого краткосрочного отпуска к месту командировки в пос. Газли УЗССР, где я уже отработал первые месяцы в качестве инженера механомонтажного управления СУ-7 Союзмонтажгаз.

Приятный женский голос диктора аэропорта Домодедово донёс до моих ушей неприятную новость, что рейс Москва — Бухара отложен на неопределенное время и я памятуя, что задержки в то время авиарейсов, как впрочем и многочасовые опоздания поездов были в порядке вещей, настроился на длительное ожидание.

Болтаюсь среди таких же горемык, сумка с нехитрой поклажей уже оттягивает плечо, взгляд рыскает по залу в поисках свободного местечка куда можно было бы бросить усталое тело. И тут почти нос к носу сталкиваюсь с Ильёй Полонским моим институтским однокурсником. Вот так встреча! Такая внезапная и такая своевременная. Илья так же, как и я возвращается из отпуска и летит в Свердловск. Конечная цель его командировки КС Лонг-Юган на севере Тюменской области, где он как и я в Газли, представляет доблестную когорту выпускников БИТМ работающих в СУ-7. Воодушевленные такой внезапной встречей, взахлёб делились впечатлениями о работе и условиях быта в столь разных, противоположных регионах, вспоминали наших институтских товарищей.

Оказалось, что вылет его рейса также отложили на неопределённый срок, и мы решили скоротать время в более приличной обстановке и пошли в ресторан. Заказали мы шикарный многоблюдный обед. На столе появились холодные мясных и рыбные деликатесы, свежие овощи, посыпанные зеленью, горячие блюда с большими дымящимися кусками мяса и бутылка марочного грузинского вина "Цинандали". Ввиду достаточно серьёзной стоимости стола официант попросил оплату вперёд, что мы успешно пополам и сделали, благо уже были достаточно заряжены заработанными на районных коэффициентах рублями.

Только мы налили по бокалу вина и произнесли первый тост за дружбу, как тоже приятный голос диктора объявил, что начинается посадка на рейс Москва-Свердловск. Илье ничего не оставалось, как спешно ретироваться, оставив меня наедине со всем изобилием.

Я мужественно сражался с деликатесами всю ночь и даже, для улучшения пищеварения, заказал ещё одну бутылку вина. Улетел я только утром.

ОРАКУЛ

Монтажные работы на дожимной компрессорной станции Наип в 1976 году я проводил уже в качестве начальника участка, так как моего первого наставника И. Ф. Фоломеева перевели в Москву на должность заместителя начальника СУ-7. На нашей машине ЗИЛ-131 мы летим по дороге из Хазараспа в Наип. Летим для современных скоростей это конечно сильно сказано, но наш водитель Гена медленно ездить не любил и когда позволяла дорога отрывался по полной, выжимая из нашего грузовика максиму возможного. В кабине со мной бригадир монтажников Иван Коломыйцев. За окном унылый пейзаж жёлто-серого песка с кустиками саксаула. Температура под беспощадным Туркменским солнцем кажется не менее 60 градусов. Окна в кабине настежь, но это не помогает, и мы изнываем от жары. Иван, вытирая пот уже насквозь промокшим от него носовым платком, мечтательно изрекает: "Вот если бы лобовое стекло в кабине не препятствовало обдуву, было бы здорово". Буквально через пару минут после озвучивания этого пожелания громкий хлопок похожий на взрыв заставил нас содрогнуться и непроизвольно зажмурившись втянуть голову в плечи.

Когда я открыл глаза, то увидел перед собою полностью отсутствующую половинку лобового стекла с пассажирской стороны и множество мелких фрагментов этого стекла на полу кабины. Стекло разлетелось вдребезги от мелкого камешка из-под колеса встречной машины.

Остаток пути мы проехали в режиме комфортной вентиляции и в сопровождении непрекращающихся матерных проклятий в адрес Ивана со стороны водителя Гены.

Достать стекло в те годы в наших условиях было невозможно, и мы ещё долго ездили по пустыне с вентиляцией пока нам не передали самолётом из Москвы правую половину ветрового стекла.

Ну а Иван с того случая прослыл «оракулом», и мужики из бригады просили его воздерживаться от негативных пожеланий.

СУХОЕ ВИНО

В мае 1986 года я в должности заместителя начальника СУ-6 "Нефтегазмонтаж" оказался на севере Одесской области на строительстве КС Ананьев.

Про взрыв Чернобыльской АЭС, произошедший 26 апреля, информация практически отсутствовала - ведь в Киеве даже провели многолюдную первомайскую демонстрацию. Через какое-то время мы, конечно узнали про случившиеся в Чернобыле. В нашей производственной лаборатории имелся на вооружении армейский радиометр РУП-1. Когда я включил его то с изумлением, обнаружил значительное превышение естественного природного радиационного фона. До этого мне не приходилось фиксировать таких уровней радиации, а ведь расстояние до Киева составляет более 200 км. Сколько же тогда досталось киевлянам?!

Монтажные работы продолжались, только мы обнаружили заметное оживление на проходящей рядом автодороге. В числе многочисленных транспортных

средств обратили внимание на огромные автоцистерны, которые перевозили, как выяснилось белое сухое вино в Припять. Вино предназначалось ликвидаторам аварии и всем людям в зоне Чернобыльской АЭС для снижения влияния радиации на щитовидную железу. Естественно, водители многотонных автоцистерн без проблем отливали нам в трёх-десятилитровые ёмкости кислое белое вино Молдавских и Одесских заводов. Сам я тогда не любил сухие вина, но когда пил, с удивлением обнаруживал, что с полной ясностью в голове, ноги внезапно (при определённых дозах) отказывались слушаться.

Компрессорную станцию Ананьев, находящуюся на пересечении газопроводов Ананьев-Тирасполь-Измаил, Ананьев-Черновцы-Богородчаны и Кременчуг-Ананьев достраивали уже без меня (в июне перебросили на другой объект), но для украинской газотранспортной системы она и ныне не потеряла своей актуальности.

Лисовая Л.Н.

ТИМОФЕЕВКА

Перед приездом зарубежных специалистов в посёлок Пунга коллектив бухгалтеров и экономистов бросили на посадку травы. В отместку мы к приезду иностранцев вывесили плакат: «Встретим 9-й газовый конгресс дружными всходами тимофеевки». Как перевёл тогда И.С. Никоненко, сопровождавший зарубежных специалистов, эти слова, он нам так и не сказал.

Струбцов Ю.А.

НО, КАТЕРПИЛЛЕР!

К зиме решили переброску грузов осуществлять по зимникам Лабытнанги – Надым, Надым – Медвежье. Предполагалось, что зимники позволят нам обеспечить стройку всем необходимым в течение долгой зимы, начиная с первых чисел ноября. Но осень выдалась кислая. Настоящие морозы начались только в средине декабря. Не мешкая мы сформировали и отправили в Лабытнанги автотранспортную колонну. Снег был ещё не глубокий. За трое суток по целине колонна добралась до базы и загрузилась. Но на обратном пути застряли в тридцати километрах от Салехарда: начались сильные бураны и снегопады. Положение сложилось такое, что мы могли потерять в тундре не только технику, грузы, но и людей. Известие о том, что первая механизированная колонна гибнет, переполошило Надым. Но тут, к счастью, в адрес треста Севергазстрой на станцию Лабытнанги был доставлен мощный американский бульдозер фирмы «Катерпиллер». Машину решили бросить на выручку колонны. Но проблема – переброска пятидесятитонного бульдозера через Обь, на которой лёд только нарастал. Пошли на риск. Операцией руководил М.А. Васильев и новый управляющий трестом В.Д. Чернышёв.

Чтобы не подвергать опасности механизатора В.П. Салманова, управляли бульдозером с помощью вожжей, наброшенных на рычаги… Потом был триумф. Громадный бульдозер катил перед собой по трассе пятиметровую снежную гору.

Когда мы подходили к заметённым до кузовов автомобилям, шофёры через окна вылезали из кабин, и плясали на крышах своих грузовиков.

Осипенко С.Н.

ТЕЛЯТА

Ранняя осень. Утро. Ласковое солнышко. Где-то по трубе движется к нам поршень. Вот он уже совсем рядом.

Площадка амбара, куда производилась продувка газопровода, выбрасывая всю грязь и мусор, собранные очистным устройством, была на расстоянии метров 400 от дороги. Продувка шла своим чередом, под изрядный грохот вырывавшего газа, вздымался фонтан жидкой грязи, который то исчезал, когда из трубы с гулом выливалось очередная порция жидкости, то вновь поднимался бурлящим гейзером, на пару десятков метров вверх, образуя газовоздушное облако. И тут, после очередного такого выброса происходит самовоспламенение этого облака.

В это время по дороге не спеша ехал «скотовоз». Водитель, увидев впереди себя, светящуюся полусферу огня, стремительно разраставшуюся вокруг продувочной площадки, которая как ему казалось, вот-вот сейчас накроет и его, в испуге резко крутнул баранку вправо. Огонь, естественно, до дороги не «достал», но фура завалилась боком в кювет. От удара задняя дверь скотовоза открылась и телята, находившиеся внутри, резво разбежались по полю. Водитель со слезами на глазах прибежал на компрессорную и стал умолять о помощи в поимке телят. Это были очень элитные коровьи дети, из Канады, купленные за валюту...

Наш начальник компрессорной станции, понимая серьезность ситуации, отдал короткое распоряжение «Немедленно изловить телят!». И вот весь коллектив компрессорной станции с небывалым энтузиазмом и удовольствием ловил маленьких телят. Потом вытаскивали из кювета «скотовоз» и затаскивали телят в кузов машины. Рабочий день пролетел весело и незаметно. И поршень приняли и телят изловили и погрузили.

После этого случая на время продувок трубопровода движение по дороге перекрывалось гаишниками.

ЗАПОРОЖЕЦ В КАНАЛЕ

Последняя компрессорная станция газопровода «Союз» Хуст, располагалась на небольшой возвышенности. Внизу, с одной её стороны находилось село Иза, а с другой в 4-5 км, в пойме реки Хустец долина нарциссов, уникальный природный заповедник. Весной в период массового цветения вся долина покрывалась сплошным белым ковром цветущих нарциссов.

В своё время (1981 год) нам удалось добиться безотказной работы всех систем агрегатной (Спидтроник) и станционной (Геоматик) автоматики. Руководство компрессорной станции, особо ни с кем не согласовывая, рискнуло пойти на эксперимент. Все машинисты были переведены на дневной режим работы. Они выполняли все необходимые процедуры, что бы ночная смена, как можно меньше отвлекалась от непосредственного контроля за работой оборудования. Конечно было предусмотрено и дежурство на дому необходимых специалистов. До города Хуст, где компактно проживали работники компрессорной станции, было минут пятнадцать езды. В ночную смену выходило всего три человека: охранник, связистка и сменный инженер. В то время это, наверное, была единственная компрессорная станция в советском союзе, которая полностью работала в автоматическом режиме. К сожалению, время эксперимента продлилось недолго (около месяца). Приехало руководство из ПО «Прикарпаттрансгаз» и понеслось. Кто разрешил? А где инструкции? А если что произойдёт? И т. д. и т. п. И хоть автоматика продолжала прекрасно работать, но машинистов вернули в ночные смены.

Итак, ночная смена, всё работает в автоматическом режиме. Люди, как придатки к технике, болтаются без дела. У одного из машинистов, Василия свадьба – сестра выходит замуж. Село со свадьбой в 20 минутах езды от компрессорной. Василий не вытерпел: «Отпусти начальник, мочи нет. Как там без меня?». Я согласился, но с одним условием – к 22-00 на свадьбу подъезжает его напарник по смене Иван на своем Запорожце (или «горбатом», как его прозвали в народе) за толикой малой от свадебных щедрот. Щедроты оказались в ассортименте, от горячительных напитков до домашней вкуснятины.

К двум ночи наша смена отведала всё, что было доставлено от свадебного стола, и в замечательном состоянии разбрелась на ночлег.

Около трёх часов ночи меня разбудил Иван, хозяин Запорожца. При этом у него была странная просьба – трос, длинный трос. Я ему доходчиво объяснил, что только аморальные типы, вроде него, задают идиотские вопросы главному инженеру смены в три часа ночи. Тяжело вздохнув, Иван отправился на поиски троса...

Светало. В 6 утра, сделав нужные записи в журналах и ведомостях, я отправился на проходную на перекур. Странная картина предстала передо мной. Запорожец стоял с расплющенной физиономией, деформированные передние крылья оттопыривались в стороны, как уши. Задний бампер был оторван, и вместо него топорщились какие-то обрывки исковерканной жести. На бетоне лежали комья глины, а вокруг избитого Запорожца суетился Иван, перепачканный в глине. Я был несколько озадачен этим зрелищем. «Что случилось?», но Ивану было не до меня. Он колотил молотком по деформированным передним крыльям, пытаясь их выровнять так, чтобы колеса могли вращаться, и только глина мягко шлепалась на бетон...

Наконец, освободив колеса от крылатого плена, и убрав глину, затянувшись сигаретой, Иван поведал следующее.

Когда мы закончили пить за молодоженов и отправились ко сну, ему захотелось добавить. Рядом с компрессорной село, а в нем самогонщица, у которой в любое время можно было купить... Ехать по асфальту около 10 км, а вот по полю буквально полкилометра. Иван выбрал короткий путь. Проехав по кочкам пару сотен метров, Запорожец забуксовал на траве с ночной росой. Решение проблемы было смелым и оригинальным. Поняв, что одному не выбраться, Иван позвал на помощь охранника и когда тот пришёл на подмогу, Иван сел в авто выдвинул ручной газ и воткнул первую передачу. Колеса весело буксовали по росе. Затем Иван вышел из машины и, вдвоем с охранником, начали выталкивать её из ямки. Незадачливый водитель думал, что двигатель заглохнет после того, как машина поедет. И она поехала, но двигатель не заглох. Попытка догнать авто не удалась. Дверцы в старом Запорожце открываются не вперед по ходу, а назад. Попробуйте на ходу вскочить в машину, когда вам под зад постоянно поддает дверца. После очередной попытки запрыгнуть в авто, Иван пал духом. Рубиновые огоньки габаритных огней удалялись.

– Ты не волнуйся, дальше канала она не уедет! – сказал охранник, закуривая сигаретку.

– Какого канала? – спросил испуганно Иван.

– А так сегодня днем мелиораторы вырыли дренажный канал. Глубокий…, ответил охранник.

Тем временем рубиновые задние огоньки Запорожца всё удалялись, подпрыгнули слегка и исчезли совсем...

Подойдя к краю канала, Иван обнаружил свой Запорожец на дне, впечатанный передком в стенку канала. Свежевскопанная глина мягко приняла машину, скатившуюся по пологому склону канала, по самое днище. Теперь предстояло решать задачу, как среди ночи вытаскивать машину, лежащую на глубине 3-4 метров.

Потребовался подъемный кран, в 4 часа утра. Рожденный в СССР может решать любые задачи и в любое время суток. Поэтому кран нашелся. Что Иван посулил крановщику – неведомо, но кран приехал.

Недолго думая, зацепили крюк за бампер и потянули. В результате – оторвался бампер и часть заднего капота. Пришлось Ивану подкапывать заднюю подвеску, что бы можно было подцепить её крюком. Наконец машину вытянули из канала и на буксире дотянули до компрессорной станции.

Иван отремонтировал свою машину и потом она не раз выручала нас в самых разных ситуациях.

РАЙМОНД ИЩЕТ ЖЕНУ

В здании операторной управления компрессорной станцией Хуст были установлены мощные кондиционеры, т. к. системы автоматического управления работали устойчиво только при определенном температурном режиме. Кондиционеры были финские фирмы Fedders. Казалось бы, что можно сделать с кондиционером, но через некоторое время половина из них не работала. То ли мы угробили их из-за неправильной эксплуатации, толи ещё по какой-то причине. Срочно вызвали специалиста по кондиционерам из Финляндии. Он приехал летом 1981 года. Звали его Раймонд Кекконен, рост под метр девяносто, с рыжей копной волос на голове и невинной детской улыбкой, которая почти никогда не сходила с его лица. С собой он привёз огромные железные тяжеленые сундуки с оборудованием и жену, тонкую и хрупкую девицу.

Для супругов выделили отдельную гостевую квартиру в доме, в котором жила вся компрессорная братия. Первые дни Раймонд осваивался в новых условиях. Особенно после работы... В Финляндии в то время не то, что бы сухой закон был. Очень уж дорого там всё это стоило. А тут... Закарпатье - где в каждом селе, в каждом доме и своё вино есть и что покрепче найдётся. Портвейн белый, розовый, красный – копейки, как тут устоять финскому сердцу. Через неделю Раймонд стал завсегдатаем нескольких торговых точек, продающих спиртное на разлив...

Его жена честно ждала своего супруга каждый день с работы, как принято в Финляндии. Приходил же он домой, мягко говоря, выпивши. А если по-простому - то на «бровях» приходил.

Был тёплый летний вечер. Мы сидели на лавочке у подъезда, в котором жил Раймонд. Он вошёл в подъезд очень неуверенной походкой, но через минуту вышел из подъезда.

– Где моя жена? Где здесь полиция? - повторял он без конца, с растерянным видом крутя головой, словно пытаясь увидеть свою ненаглядную.

– Раймонд, чем помочь? – спросили мы – Пойдём, поищем твою жену. Наверное, ей надоело сидеть дома, и она пошла немного прогуляться – пытались мы отвлечь Раймонда от навязчивой идеи обратиться в милицию.

Раймонд охотно согласился участвовать в поисках своей половины.

Совершенно «случайно» мы оказались у пивбара. Кто помнит пивбары в райцентрах при СССР? Полутёмное помещение; запах средний между конюшней и туалетом; красные и потные физиономии клиентов; сварливая официантка в грязном переднике; колоритная недоливальщица пива и другие прелести общественного заведения времён развитого социализма.

Раймонд с оживлением спросил: «Beer?». Я кивнул. «Заходим», говорит Раймонд.

Заказали два стакана коньяка и шесть бокалов пива. Официантка удивилась такому странному заказу, что-то сказав насчет водки без пива... Пришлось объяснить, что это у вас так. А у нас в Финляндии коньяк без пива...

После стакана коньяка на пустой желудок мне стало хорошо и легко. После бокала пива лёгкость стала улетучиваться. Остальное допил Раймонд и повторил заказ...

Затем мы мило беседовали. При этом оба говорили каждый на своём родном языке. Но общий смысл был понятен. Эти женщины крайне коварные существа. Пока их мужья тяжко вкалывают, они сидят дома и ничего не делают. А когда уставшие мужья приходят домой – их нет! «Ты женат», спросил Раймонд. «Да!», ответил я, хотя не самом деле – нет. «И у тебя такие же проблемы?». Я печально подтвердил факт наличия проблемы. Тогда, выпьем, подытожил он. Но, всё-таки, моя жена хорошая и добрая женщина. Я её люблю, делился своим тихим счастьем Раймонд. Дальше были воспоминания детства, школы и т. д. До войны СССР - Финляндия мы не дошли...

После второго стакана коньяка я стал побаиваться, что скоро уже начнут искать и нас. Не знаю, сколько бы ещё выпил бы Раймонд, но подбрасываю ему мысль, - а не пора ли пойти на поиски жены. Лицо Раймонда омрачилось – как он мог забыть! Конечно, идем!!!

Мы решительно пошли к дому. Он всё допытывался, а не пора ли в полицию, ночь уже. Нет, говорю, в полицию поздно – закрылась уже, только до 18-00 работает. Он задумался и, кажется, поверил.

Вот и дом. Наши квартиры в одном подъезде. Его дверь, звоним. Открывается дверь, встревоженный взгляд его жены. Увидев, Раймонда, тревога исчезает с её лица, и зря.

Раймонд молча наносит прямой удар правой супруге в голову, и та беззвучно исчезает в глубине квартиры... Я стремительно взмываю на свой этаж и захлопываю дверь.

Странная она, эта европейская любовь!

ГЛАВНЫЙ ДИСПЕТЧЕР

Производственное объединение по транспортировке газа состоит из различных подразделений. Во главе каждого из них свой начальник. Каждый из этих начальников не менее 1-го раза в год выезжал в линейно-производственные управления (ЛПУ) для знакомства с положением на местах, пообщаться с подчиненными, попить водочки на свежем воздухе, развеяться от шумного и пыльного города... В нашем объединении так поступали все руководители, кроме главного диспетчера Ж...

Главный диспетчер объединения – должность очень ответственная и серьёзная. Абы кого туда не ставят. Шутка ли. Только за один день объединение перекачивало более 300 млн кубометров газа.

Ж... отличался педантичностью и аккуратностью. Каждая диспетчерская сводка перепроверялась. Все расчеты и балансы перекачки газа были скрупулезно проверены, откорректированы и подшиты в специальные папки. Ж... не доверял эту работу никому и всегда выполнял её сам.

Но ни разу за долгие годы карьеры Ж... не появлялся в низовых структурах. И вот почему.

В конце 60-х группа руководителей объединения, в их числе и Ж.., выполняла на вертолете облет горной части магистрального газопровода. Вертолет сел возле одной из крановых площадок. На площадке нет никакого персонала из ЛПУ. Вокруг лес и горы, никакой цивилизации, телемеханики и связи с внешним миром. Все

глубокомысленно рассматривали покосившиеся столбы ограждения и ржавую проволоку, намотанную на них. На крановом оборудовании загадочно и тускло отражали солнечные лучи какие-то железки. Вдруг Ж... заявил, что ему необходимо срочно связаться с генеральным директором объединения. Кто-то из коллег сказал, что вон та, торчащая из земли на полтора метра труба и есть средство связи. Нужно подойти к ней, громко назвать себя, и потребовать связи с генеральным, через пару минут вас соединят с ним. Ж... так и поступил. С серьёзным видом назвал себя и попросил в трубу соединить с генеральным, срочно. Связи не было. Ж.. настойчиво повторил в трубу свою просьбу, уже с напором. Связи не было. Да и откуда ей взяться, когда никаких кабелей и столбов в радиусе десятков километров не было и в помине... Когда стоявшие рядом коллеги начали корчиться и извиваться от хохота, он понял, что его разыграли. Трубу, торчащую из земли, просто не убрали после строительства. С тех пор Ж... больше никогда и никуда из стен производственного объединения не выезжал.

ВЕРТОЛЕТНЫЕ ГРИБЫ

Дневная смена на Компрессорной станции Хуст, осень 1980 года, суббота, около 13 часов. Всё тихо и спокойно. Турбины гудят, газ течёт по трубам. Я сменный инженер-диспетчер ЛПУ. На столе в операторной: отложенная партия в шахматы, кроссворды, и ещё кое-что, говорящее о грубейшем нарушении производственной дисциплины.

На вертолетную площадку рядом с КС садится МИ-1. Мгновенно заметаем следы нарушений, и ожидаем высокое начальство из ПО «Прикарпаттрансгаз». Однако вместо высокого начальства в операторной появляются пилот вертолёта и дядя, увешанный фототехникой. У фотокорреспондента задание редакции центральной областной газеты сделать снимки КС с высоты полета птиц. Корреспондент выглядит печальным и озабоченным.

– Понимаешь – говорит он – вертолет всё время трясет, и я сомневается в качестве снимков. А у вас, такие высокие мачты (освещение и молниеприемники, высота 50 метров). Вот бы с этих мачт сделать снимки.

– А разрешение КГБ у вас на такую съемку есть!? – спрашиваю я.

Фотокор совсем погрустнел и такой виду него растерянный стал.

– Есть вариант – говорю я – ты делаешь фото нашей смены и помещаешь в газете «Лучшая смена Хустского ЛПУ», ну и т. д.

– Договорились – отвечает, повеселевший корреспондент.

И он со свей аппаратурой полез на мачты.

Но, тут загрустил пилот, мол, ничего не заработаю, нет часов налета. А машинисты, все ребята местные, говорят ему: «Сейчас налетаем». Притащили три пустых огромных мешка (и где они их только взяли?). Полетели. В километрах 20 от компрессорной станции на небольших горах были чудные буковые леса. А на полянках местные детишки пасли коров. На такую полянку сажает пилот свою птичку, а машинисты детишкам - кто на вертолете полетать хочет? Конечно, все хотим!! Поэтому катаем по трое, а остальные собирают грибы и что бы эти мешки были полные!!

В результате:

1. Задание редакции фотокор выполнил.
2. Наши фото не публиковали – не согласовали «инстанции».
3 Пилот налетал свои часы.
4. Детишки аж светились от радости.
5. Один мешок грибов отдали пилоту и фотокору. Два мешка мы оставили себе.

ТЕАТРАЛЬНАЯ БУТЫЛКА

Уж и не помню зачем меня с коллегой послали в 1986 году в командировку в город Т..., в самый разгар антиалкогольной кампании Горбачева. Местным жителям уже удалось адаптироваться к новым условиям борьбы за существование алкоголя в их организмах. Каково же состояние командировочных, не знающих тайных путей миграции заветных сосудов. Особенно вечером, по окончании рабочего дня.

На вопрос – где купить, без талонов и прочих условностей, последовал неожиданный ответ – идите в театр. Оказалось, что из театрального буфета не обязательно выносить алкоголь в себе, можно и в бутылках. Через полчаса мы были в театральном буфете. Первая жажда была утолена тут же в буфете. Для перспективы прихватили два сосуда, обернутые бумагой, и решили покинуть приют муз. Но сознание противилось – побывать в театре и не взглянуть на действо? Ноги сами понесли в зал.

Крайне осторожно, чтобы не мешать зрителям и актерам, мы шли по ступеням, ведущим к нашим местам. В этот момент произошло непредвиденное. У приятеля, вероятно от волнения, бутылка выпала из рук... В этот момент на сцене держалась пауза по Станиславскому, а в зале стояла тишина, которая была нарушена глухим ударом бутылки о ступени. И в этой полной тишине бутылка покатилась вниз, погромыхивая, как поезд на стыках, на каждой ступеньке. Приятель бросился вдогонку. Вместо того, чтобы опередить беглянку, он пытался схватить её сзади. Попробуйте проделать это упражнение в трезвом состоянии на ступеньках.

Сценарием спектакля такой поворот сюжета не был предусмотрен. Сценическая пауза наполнилась особым смыслом. Сцена и зал, затаив дыхание, наблюдали эту увлекательную погоню. После поимки беглянки глубокий вздох облегчения пронесся по рядам в сторону сцены и обратно. Зал взорвался аплодисментами…

Буховцев Б.М.

КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК

Несмотря на то, что поселок Джангала (Кысык-Камыс) находился в 160 километрах от Александрова Гая, все делопроизводство в райкоме и райисполкоме велось на казахском языке. Причем, это не было каким-то самоуправством, а происходило исключительно с одобрения высшего руководства. Это лишний раз подтверждает то, что национальная политика нашего государства (1980 г.) была продуманной и дальновидной. Хотя тогда среди нас было много недовольных таким положением дел.

Немного казахского языка пришлось выучить и мне. Так как я был начальником управления, меня тут же избрали депутатом районного совета, а также Пленума райкома партии. Я был обязан посещать все заседания, которые проходили в райкоме и райисполкоме. Проработав до этого в Казахстане в общей сложности около семи лет, я так и не выучил ни одного слова по-казахски и разговаривать не умел совсем. На эти собраниях я постоянно чем-то занимался, в основном читал производственные документы или книги. А в связи с тем, что все говорили исключительно на казахском языке, я сидел на заседаниях молча кивая головой и не понимая ни слова.

Через какое-то время на это обратил внимание первый секретарь райкома партии. В один из дней после окончания какого-то очередного заседания я уже было пошел к выходу, когда услышал за спиной, как кто-то громко произносит мою фамилию. Я обернулся и увидел, что меня догоняет его помощник. Догнав меня, он попросил зайти к шефу. Помню, фамилия первого секретаря была Нургалиев, а звали его Адильгаз Нургазиевич. Это был такой обрусевший, европеизированный и очень

толковый казах. Он регулярно выполнял поставки мяса в центр, хотя при этом часто срывал поставки шерсти. Нургалиев постоянно получал всевозможные почетные звания и ордена. Ему вручали знамена, которые в то время были учреждены ЦК КПСС, ВЦСПС, ВЛКСМ и Совмином.

И вот усадив меня за стол, он спрашивает по-восточному не торопливо:

– Борис, а правда, что ты до сих пор не знаешь казахский язык?

Я честно признаюсь ему, что постоянно нахожусь по уши в работе, что является абсолютнейшей правдой – работы в Кысыке было многократно больше, чем в Бейнеу.

– Это не хорошо Борис – продолжает он.

После такого заявления я обещаю Адильгазы Нургазиевичу, что в ближайшее время начну изучать казахский. Конечно, я немного схитрил. Я предусмотрительно не стал обещать ему, что изучу казахский, а сказал только, что начну изучать язык.

В течение нескольких дней я соображал, как дальше выкручиваться из сложившейся ситуации. Все-таки обещание, данное первому секретарю района – это не шутка.

Через пару дней жена достала где-то самоучитель казахского языка, и я приступил к учебе. Начал с первой фразы, которая была в разговорнике. Смысл ее был примерно таким: волк увидел зайца, а когда приблизился к нему, то заяц его заметил и убежал.

Я даже сейчас могу произнести эту фразу, хотя звучит она на казахском языке совершенно умопомрачительно.

Месяца через полтора, после очередного собрания, я снова услышал, как меня зовет помощник первого секретаря. Я было попытался быстренько проскочить в дверь, но мой номер не прошел.

И вот опять я сижу напротив Нургалиева, и он снова неспешно задает мне вопросы:

– Борис, в прошлый раз ты обещал мне начать учить казахский язык. Ну, как получается? Какие у тебя успехи?

Решив сразу перейти в наступление, я выпаливаю ему ту самую первую фразу из разговорника с чудовищным произношением. В комнате на мгновение повисает тишина.

Хорошо, что Нургалиев оказался человеком с чувством юмора – он хохотал до слез. Ни до, ни после я никогда не слышал, чтобы люди так смеялись. Видимо, сказал я действительно что-то уж совсем несуразное или не приличное, и Нургалиев, как человек воспитанный, даже не стал переводить на русский только что вымученную фразу.

Немного успокоившись и вытерев слезы, он задает мне напоследок один единственный вопрос:

– Ты можешь иногда давать мне самолет для облета наших отар?

В то время у нас обслуживали постоянно прикрепленный к нам АН-2, на котором мы контролировали свои газопроводы.

– Конечно Адильгаз Нургазиевич! – отвечаю я.

Он зовет своего помощника и говорит ему:

– Борис очень занят – что является чистейшей правдой – вы больше не привлекайте его к нашим мероприятиям – заканчивает он.

С тех пор я, проработав в Кысык-Камысе еще около трех лет и больше ни разу не участвовал в заседаниях и совещаниях, которые проводились на казахском языке.

КОЛЕСО

В 1974 году, когда я только пришел на компрессорную станцию после института, произошел небольшой курьез с «колесом» нагнетателя. Нас было трое ребят. Все молодые, двое после техникума, а я с высшим образованием.

Начальник цеха Владимир Иванович Скрипник дал нам задание стащить колесо с вала нагнетателя, но мы, сколько не ни бились, никак не могли его выполнить – колесо сидело намертво. Оно за долгое время то ли приржавело, то ил прикипело к валу. Мы даже пытались использовать гидравлику. Цепляли гидравлический насос к колесу, а потом нагнетали давление, за счет которого это должно было неминуемо соскочить. Мучились мы где-то часа полтора, но ничего не получалось.

Дело близилось к обеду, и Владимир Иванович, который был старше нас лет на десять, говорит: «Ладно, ребятишки, вы идите, обедайте. Отдохнем, а после продолжим».

С этими словами он отправился на обед, а мы в его отсутствие пришли в такой раж, что про обед начисто забыли, и нас было невозможно оттащить от колеса с насосом. Качаем по очереди этот насос и вдруг видим, что колесо неожиданно поползло. На радостях мы налегли и через минуту аккуратно его сняли.

Довольные и с чувством хорошо выполненного долга мы тоже пошли в столовую. Есть закончили примерно в одно время с нашим начальником. Случайно вышло так, что все возвращаемся с обеда одновременно и в галерею нагнетателей заходим с двух разных сторон. Он шел через одни двери, мы через другие, а машина находилась посредине между нами, и рядом с ней валялось колесо. Идем сытые и довольные, разговариваем, как вдруг слышим дикий истошный крик начальника: «Само соскочило! Само соскочило!..»

Мы видим его метрах в пяти, руками он прикрыл голову и, вытаращив глаза, уставился разобранный нагнетатель не в состоянии отвести от него взгляда.

Своим героическим поступком мы чуть не было не свели с ума своего шефа, который находился в полной уверенности, что мы ушли из цеха одновременно с ним. Увидев лежащее на полу колесо, он решил, что оно без нашего участия само соскочило с вала, чего в природе, естественно, никак не могло произойти. Насилу мы успокоили Владимира Ивановича и сквозь смех объяснили истинную причину произошедшего.

Гидравлические приспособления у нас в цеху были, конечно, мощные и современные, но без молодецкого задора, который поначалу присутствовал во всех, нас не спасла бы никакая техника.

УЗБЕК

Летом в Бейнеу было особенно жарко. Дикая жара стояла и на улице, но еще хуже было в цеху, потому что тепловыделение от наших машин и агрегатов было огромным. Наверху под крышей цеха ходил мостовой кран. Корпуса турбин были тяжелые, каждая весила по несколько тонн, и без помощи крана их было невозможно ремонтировать. Поэтому нам часто приходилось лезть под крышу, чтобы помочь крановщику и рабочим, а там температура достигала сотни градусов по Цельсию, и от этого наши уши просто выворачивались наизнанку.

Из-за таких условий на производстве была большая текучесть кадров – народ просто на выдерживал и, невзирая на всевозможные коэффициенты, в срочном порядке покидал Бейнеу, едва приступив к работе.

Для того, чтобы нас как-то удержать на компрессорной станции, начальство изобретало все новые способы. Так, например, наш начальник Виктор Дмитриевич

Булда нашел бывших «зеков» какого-то узбека и привлек его к сельскохозяйственным работам. Узбек был довольно пожилой и мне он тогда казался глубоким стариком. На «зону» он попал за ДТП, и толи получил «спецпоселение», о ли был уже расконвоированный. С ним находился его молодой сын. И вот каким-то образом договорившись с ним, наш начальник взял его на работу, естественно, получив предварительно добро от спецкомендатуры.

В это время как раз достраивали наши цеха – третий и четвертый. Узбек за какие-то пару месяцев разбил рядом с цехами огромный зеленый сад. Несмотря на плохое качество земли, которая у нас была очень соленой – сплошные солончаки, в его саду росло все, начиная от яблок и заканчивая хлопком.

С водой у нас тоже было не все хорошо. Она поступала с водовода «Кунград-Макат», была ржавой и малопригодной для полива. По этой причине её сначала заливали в резервуары и как-то очищали. Но для нашего узбека не было преград. Известно, что узбекский народ испокон веков жил сельским хозяйством и традиционно склонен к земледелию, и наш узбек выделывал на земле чудеса! В четыре утра, когда мы были на смене, он встречал нас уже кетменем. Сад, который он вырастил на голой земле, стал для всех нас отдушиной, и помимо того, что все пользовались плодами его труда, часто мы просто приходили сюда, чтобы передохнуть среди зелени и цветущих деревьев.

Узбек пробыл у нас около двух лет, пока его не освободили. Что мы только не делали, но через короткое время сад зачах.

ПУХОВЦЕВА

После моей свадьбы и завершения положенных гуляний потекли обычные семейные будни, наполненные повседневными хлопотами. Естественно, что моей жене надо было менять фамилию, а вместе с ней и паспорт. Прихожу я как-то с работы и вижу свою плачущую жену. Рядом на столе лежит ее новый паспорт, который она почему-то не спешит показывать. Причина её нежелания становится мне ясна через пять минут. В казахском языке, как и у многих восточных народов, буквы русского алфавита «Б» произносится, как «П». Поэтому для казахов фонетически эти буквы одинаковы, и они не понимают, в чем их отличие. Вот потому моя жена оказалась Пуховцевой. В паспортах старого образца, как и в новых, ставился штамп-отметка о том, с кем зарегистрирован брак. В этом штампе была искажена уже и моя фамилия.

По сути, теперь получалось, что Татьяна находится замужем за неким гражданином Пуховцевым.

С юмором у меня всегда было неплохо, и я ей тут же предложил разыскать товарища Пуховцева, пойти к нему и вместе с ним разобраться в этом вопросе. Мы смеемся шутим на эту тему весь вечер, а утром начинаем ломать голову, как выйти из положения.

На следующий день я иду к начальнику милиции, который долго пытается вникнуть в суть нашей проблемы. Потом начальник кого-то вызывает и советуется с ним. Через час раздумий он принимает смелое и волевое решение – не меняя паспорт прямо на первой странице поверх фамилии «Пуховцева» букву «П» исправляют на букву «Б», в штампе о регистрации брака я так и остаюсь «Пуховцевым».

Мы в замешательстве - как жить с таким паспортом, и будет ли считаться действительным подобный документ? Выбора у нас нет, и в сложных чувствах мы уходим из отделения.

Как ни странно, в дальнейшем все обошлось, и с этими документом моя жена так и прожила ещё более двадцати лет вплоть до обмена его на новый российский паспорт.

ВЕТЕРАН

На компрессорной станции Бейнеу существовала традиция – в сейфе начальника ЛПУ лежали два револьвера системы «наган». Один револьвер был выпуска 1927 года, а второй – 1930-го. Вообще эти наганы предназначались для сотрудников службы ВОХР, но так как в ней работали и дежурили по ночам в основном женщины, естественно, что пистолеты им никто не давал. В то же время существовали строгие нормативы, по которым к револьверам полагались патроны.

Командовал женщинами инспектор ВОХР некто Александр Иванович, фамилию которого я уже не помню. Он ветеран, участник войны, по характеру очень тихий и скромный человек. На фронте командовал взводом разведки и когда надевал форму, на его кителе сверкали два Ордена Славы. Каждый год 9 мая мы выезжали в степь, ставили самодельные мишени и отстреливали патроны, после чего Александр Иванович составлял акт и отвозил гильзы в районный военкомат.

И вот в очередной праздник Победы мы, как всегда, выехали в степь. С собой взяли мясо для шашлыка и трехлитровую банку спирта. Шел 1979 год, со дня окончания Великой [Отечественной войны не прошло и тридцати пяти лет. Почти у всех, кто поехал тогда с нами, еще были живы воспоминания о войне.

Компания подобралась чисто мужская: наш начальник, я, главный инженер, начальники служб и главный вохровец Александр Иванович, который отвечал за все и в первую очередь за патроны. Он их выдавал, он собирал после стрельбы гильзы.

Приехали на место, сели, развели костер, пожарили шашлыки. Немного выпили, начали вспоминать родителей, у меня еще жив был папа.

Александр Иванович, который вначале спокойно сидел с нами и пил чай, вдруг почему-то стал рассказывать про наркомовские «сто граммов». Впервые я узнал от него, что убитых во время боев старшина роты, в которой служил Александр Иванович, какое-то время не показывал в списках погибших. Оказывается, так поступали многие младшие командиры, потому что на погибших бойцов продолжали выдавать водку. Эту водку делили между собой живые.

Ещё он вспоминал о том, что всем некурящим солдатам на фронте вместо махорки обязательно выдавали сладкое – сахар или конфеты. Отец, кстати, почему-то мне об этом не рассказывал. Александр Иванович оказался хорошим рассказчиком, и слушать его было крайне интересно. По нашим меркам был он совсем древним, хотя ему было чуть за шестьдесят.

Мы, конечно, налили ему те самые наркомовские граммы, и даже не сто, а все двести. Он закусил, порозовел, продолжил свой рассказ дальше, и все его с удовольствием слушали.

Потом он остановился и говорит: «Мужики, как же хорошо на душе стало!»

Мы, видя такое дело, плеснули ему еще. И вдруг, не прошло и пятнадцати минут, как мы увидели, что наш ветеран как-то подозрительно завалился на бок! Начали слушать сердце, черт его знает – ничего не слышно, так как гудит ветер. Толи оно стучит толи нет…

Оставив всех у костра и пообещав прислать машину, я вместе с шефом прыгнул в автомобиль. Кое-как затащили Иваныча, начальник сел за руль «козлика», я положил голову бедолаги на колени, и мы погнали. По дороге вижу, что у него вроде как один глаз открывается. Слава Богу! Поняли, что пока ещё живой.

До поселка километров семьдесят. Вокруг майская степь, тюльпаны цветут. Александр Иванович начал подавать совсем явные признаки жизни и его стало тошнить. Начальник с водительского места заорал, чтобы мы обивку ему не попортили. Я на ходу приоткрыл дверь «УАЗика», кое-как высунул голову Иваныча наружу, и в следующее мгновение он изверг в цветущую степь содержимое своего желудка.

Я затащил его обратно, он тяжело дышал и постанывал. Как назло, у него еще выпала вставная нижняя челюсть, которую я помог ему вытащить изо рта. В следующую секунду я понял, что с моей стороны это было самой страшной ошибкой того дня... Во-первых, без вставных челюстей рот Иваныча вообще захлопнулся, и во-вторых, он снова перестал подавать какие-либо признаки жизни.

Наконец мы доехали до поселка и бросив машину потащили ветерана домой. Он жил не то с сестрой, не то со своей дочерью. Приволокли его на крыльцо. Женщина, встретившая нас, ничего не сказала, а только зыркнув недобро, помогла занести тело на кровать.

Отправились по домам, а в моей голове одна нехорошая мысль – не выдержит старик… Морально я уже готовился к тому, что меня снимут с работы, и молил лишь об одном – чтобы дело уголовное на нас не завели.

Ровно в шесть утра следующего дня мы с начальником, не сговариваясь, встретились на улице и решили, что надо идти в дом к Александру Ивановичу, чтобы узнать свой приговор.

Через пять минут мы подошли к дому и постучали на дверь на первом этаже. Неожиданно нас успокоило то, что из-за двери доносилась какая-то бравурная музыка, видимо, из телевизора или приемника. В следующее мгновение дверь распахнулась, и на пороге мы увидели улыбающегося и гладко выбритого Александр Ивановича с белым, как сейчас помню, висящим на шее полотенцем. При этом на нас самих смотреть было страшно, так как мы, ожидали утреннего развития событий, не только не брились, но еще т не спали всю ночь. Синяки под нашими глазами свидетельствовали о ночных переживаниях и последними штрихами дополняли картину.

И вот он весь такой румяненький, сияющий и сверкающий, говорит нам: «Ну, мужики, мы вчера дали! Правда, хорошо было?».

Его спасло только мое уважение к человеку, который старше меня по возрасту, да еще и ветеран войны. Потому что первое желание, которое у меня возникло, — это ткнуть ему куда-нибудь в бок или отвесить хорошую затрещину.

Я быстро взял себя в руки, мы с начальником молча развернулись и пошли на работу. Вот так весело мы отпраздновали 9 мая 1979 года.

ГУСИ

Как-то раз нас вызвали в головную организацию на одно из совещаний. Наше руководство регулярно проводило эти совещания в Саратове. Выезжали мы из Бейнеу, и по дороге к нам подсаживались остальные участники с других компрессорных станций, находящихся вдоль железнодорожной трассы.

Ехали обычно мы в дружеской и теплой компании. По дороге обменивались впечатлениями, говорили о работе, травили анекдоты. Приняв участие в совещании и обсудив в процессе различные технические решения и вопросы, мы той же теплой компанией ехали назад, высаживая по пути своих коллег. Это мероприятие проводилось накануне Нового года. Оно закончилось 27 декабря, и мы уже собирались уезжать, когда перед дорогой решили заглянуть на ближайший рынок. Несмотря на то, что тогда никто не слышал о Рождестве, и э тот праздник широко не отмечался, мы купили по здоровенному новогоднему гусю. Именно по гусю, а не индейке.

Когда мы сели в поезд, нашей главной заботой стало сохранить гусей и довести их до дома в целости. Мы озаботились поиском места, в котором замороженные птицы благополучно доедут до своего последнего пункта назначения – новогоднего стола.

В вагоне под полом мы обнаружили ящик, который находился между вагоном и самой железной дорогой. В этот естественный холодильник, обдуваемый ледяным

ветром, мы поместили нашу добычу. Ехать до Бейнеу трое суток и все это время мы, веселые от мыслей о грядущем празднике, который проведем с родными, часто заглядывали в вагон-ресторан.

К концу дня человек пять с компрессорных станций, которые находились севернее Бейнеу, уже сошли с поезда. Остальные мои коллеги выходили по одному в Индоре, в Макате, в Кульсарах и в Опорной. Я доехал до своего родного Бейнеу последним.

Вышел из вагона и уже довольно прилично отошел от вагона, когда меня догнал проводник, туркмен по национальности, с вопросом:

– Земляк, а как же гуси?

Когда он произнес слово «гуси» - во множественном числе – я сразу догадался, что произошло. Все семь здоровенных птиц остались у меня в купе.

Естественно, мы вытащили гусей, но не успел я доехать до дома, как начались телефонные звонки. Видимо жены и родня, встретив моих коллег вопросом о новогодних подарках, тут же привели их в трезвое состояние и натолкнули на мысль об утрате. Все они, как один, начали названивать мне с вопросом: «Где наши гуси?».

На это я отвечал всем честно: «Все в порядке! Ваши гуси живы и здоровы, они у меня в Бейнеу. Пожалуйста, приезжайте и забирайте их!».

Надо сказать, что за гусями так никто и не приехал ни один человек. Видимо все посчитали, что, несмотря на царивший тогда дефицит продуктов, игра всё-таки не стоит свеч.

По этой причине мы два месяца доедали враз опротивевших нам гусей. Причём ела гусей не только моя семья, но и все товарищи по работе.

МАГНИТОФОНЫ «ВЕСНА»

Наша головная контора и центральная база снабжения располагались в Саратове. Бейнеу и весь казахский отрезок трассы обеспечивался «Саратовтрансгазом», и из этого города мы получали все необходимые материальные ресурсы.

Оттуда нам приходили доски, гвозди, сварочные электроды, краска и различные приборы. Некоторой проблемой для нас было то, что вместе с ними не всегда поступала техническая документация на оборудование.

И вот как-то, в конце 70-х, пришел непонятный запакованный блок или капсула метра два-три длиной. Как обычно. Никаких сопроводительных документов на нее не было. Мы выгрузили капсулу на склад, месяца три она никому не требовалась, и понемногу про нее забыли.

Вдруг из Саратова полетели звонки. Капсула оказалась опытным экземпляром дефектоскопа для диагностики труб, которую впервые планировали запустить у нас. Буквально за неделю к нам понаехало огромное количество научных сотрудников из различных союзных НИИ. Мы перевезли прибор вглубь Мангышлака на компрессорную станцию Сай-Утес, где успешно запустили его по трубе и благополучно приняли у себя в Бейнеу.

В поселке капсулу напряженно ожидали полсотни ученых. После того, как мы вытащили прибор из камеры, они словно саранча набросились на него с отвертками. Предохранительную пластину с огромным количеством болтов они разобрали в считанные минуты. На наше удивление и еще большее удивление работников линейно-эксплуатационной службы казахской национальности, внутри под защитной крышкой находились двенадцать кассетных магнитофонов марки «Весна». По тем временам это был огромный дефицит. Когда же про это узнал казах, который заведовал складом, он чуть было не повесился от того, что все это богатство пролежало у него под боком целых три месяца.

Все объяснялось просто. При изготовлении прибора ученые поместили в него кассетные магнитофоны для того, чтобы записывать сигналы, которые передавались с датчиков. В то время не было еще никаких цифровых носителей и дисков, а магнитофоны оказались наиболее подходящим средством для записи параметров.

Он еще долго не мог успокоиться и больше всего переживал из-за того, что упустил возможность обогатиться от продажи двенадцати новых кассетных магнитофонов. Причем если бы такое произошло, вероятность, что подозрение пало бы на заведующего, была очень мала. Скорее всего, о пропаже никто не догадался.

КОНТРАБАНДИСТ

Однажды я возвращался после командировки из Саратова к себе в Бейнеу. Промежуточная остановка была в Гурьеве. Мы с товарищем сидели в купе, а люди, которые из-под полы торговали икрой, как тараканы сновали по вагону и всем ее предлагали. Заскакивает к нам очередной такой продавец и показывает банку с икрой. Мы договариваемся о цене, и я протягиваю ему купюру достоинством в пять рублей. Он роется в карманах и не находит сдачи. Тогда он достает огромную копченую рыбину с полметра длиной – то ли сома, то ли жереха – и предлагает ее мне вместо сдачи. В это время по вагону бегу с криком: «Атас! Милиция!».

Мой браконьер бросает рыбину на пол, со страха забыв взять у меня деньги, пулей выскакивает на перрон и бросается наутек. Отбежав на небольшое расстояние, он вспоминает о деньгах, возвращается к поезду, и встав возле окна, с немым укором смотрит на меня сквозь пыльное стекло. Я ни секунду и не думал пользоваться своим положением и, чтобы отдать ему деньги, начал дергать окно за ручку. Всем, наверное, известна конструкция наших железнодорожных вагонов. Я уж не знаю, какой завод их производил, но, помимо массы иных неудобств, они всегда славились тем, что открыть окна купе и тамбура было невозможно.

Именно так и произошло. Справиться с окном мне не удалось, сколько я ни дергал ручку. Через какие-то пять минут мимо моего расстроенного контрабандиста, который практически бесплатно подарил мне банку икры и здоровенную рыбину, проплыл наш уходящий поезд. Получилось так, что я совсем не желая того, подменил собой карающую руку государства и наказал перекупщика краденного.

ОРДЕН

Это был летний понедельник. Зайдя в райком, я никого там не увидел. Было полное впечатление, что, как во время войны, все работники учреждения ушли на фронт, а райком закрыт. Наконец, из-за какого-то угла выполз заспанный помощник первого секретаря. По его лицу можно было с легкостью определить, что выходные он провел не впустую. Все признаки последствий серьезных возлияний читались, как открытая книга.

Помощник сразу же меня вспомнил. Мы тепло поздоровались, после чего он сказал: «Борис, знаешь, тут такое дело… Видишь ли, хозяин … болеет … - он долго не мог подобрать это нужное слово. – И … у нас к тому же ничего не осталось… я вот и не знаю, как же мы тебя будем поздравлять?»

«Хозяином» в партийной среде того времени было принято называть старшего по рангу.

Не откладывая дело в долгий ящик, мы моментально решили вопрос со всеми необходимыми атрибутами для моего награждения – приобрели нужные для этого ингредиенты в ближайшем продуктовом магазине.

После состоялась церемония. Пришедший в себя к концу дня Нургалиев в торжественной обстановке вручил мне орден. Потом, как полагается, мы крепко отмбетили это дело. Сначала мы отмечали лично с ним, а затем со всеми моим бывшим коллективом.

ЧП произошло на другой день. Проснувшись утром в не самом простом состоянии, я не обнаружил ордена. Его не было ни на мне, ни в моих вещах и вообще нигде в комнате. Я нашел только орденскую книжку, а сам орден бесследно исчез, как сквозь землю провалился!

Я очень переживал и мучился раздумьями о том, где я мог его потерять. Из последних сил напрягал память, но восстановить полноценную картину предыдущего дня не мог никак. Так я просидел до обеда, пока ко мне пришли мои коллеги, чтобы проводить меня на аэродром.

Обнимая их поочередно, я вдруг с удивлением, радостью и гневом одновременно увидел свой орден, висящий на груди бывшего моего зама Володи Зверева. Заметив орден, я, будучи не в силах сдержать эмоции, закричал, после чего набросился на Владимира Алексеевича. Каково же было мое удивление, когда все без исключения коллеги подтвердили, что вчера в пылу праздника я лично и абсолютно добровольно в порыве теплых чувств к нему сорвал в какой-то момент орден со своей груди и лично наградил его за хорошую работу. Справедливость была восстановлена, а орден был возвращен его законному владельцу, то есть мне. Мы выпили «на посошок» и попрощались.

СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ

После прекращения деятельности Государственного Газового концерна на период реорганизации и превращении его в РАО «Газпром» очень многие функции были возложены на «Мострансгаз». К тому времени я уже работал в Москве и, как и все, гадал о том, какой станет эта новая структура.

Как раз в это время мы получили от немецкого «Ругаз» приглашение на ознакомительную поездку в Германию двух специалистов «Мострансгаз». В командировку отправили меня и Сережу Сидорова, занимавшегося тогда электрохимической защитой.

Не помню, сколько нам с собой дали суточных, кажется по 30 марок в день. Причем, на тот момент мы оба по статусу являлись начальниками отделов. В «Ругазе» тогда нашу административно-управленческую структуру не до конца понимали. И благодаря этому обстоятельству они закали нам билеты на самолёт в первый класс.

Это была настоящая авиакомпания «Люфтганза»! Мы сели, ощутили уровень обслуживания и были в шоке. Нам очень понравился «Мартель» в маленьких бутылочках. Напиток этот мы тут же высока оценили и во время полета постоянно заказывали, но при этом с непривычки каждый раз сильно стеснялись. Скажу сразу, что, когда мы летели назад, стеснение испарилось. Имея некую практику немецкого языка, я четко и вне зависимости от количества выпитого мартеля чеканно произносил одну фразу: «Цвай мартель». Нам приносили две мензурки, которые мы тот же выпивали и заказывали следующие.

В какой-то момент подошедшая к нам холеная немецкая стюардесса поставила на поднос только одну бутылочку. Такой подход меня удивил, и я снова повторил свое коронное: «Цвай, цвай мартель!».

Ответом немки я был искренне поражен! Она сказала: «Найн мартель!».

Опешив на мгновение, я через минуту справился с досадой и, видимо, под воздействием уменьшающегося количества алкоголя в крови в мою голову пришел

глубокий вывод экономического характера. Я говорю своему коллеге: «Вот видишь Сережа, даже в капиталистическом обществе случается такое, когда спрос превышает предложение! И у них, передовых и развитых капиталистов, бывает дефицит!».

ЗАНЗИБАР

Мое первое впечатление от американцев: в каком-то смысле эти люди совершенно неадекватны. В первый день нас принимали, устроили фуршет. Все мирно выпивали, и они все время приставали к нам с одним вопросом: «А чем вы, русские, занимаетесь в свободное от работы время?».

Тема плавно перетекла на игры: карты, шахматы, домино и так далее.

И вот один из наших товарищей, Саша Горев, говорит вице-президенту американской фирмы, который по статусу, мог занимать у нас всего лишь должность начальника производственного участка, что в России очень популярна игра пол названием «Занзибар».

Американец заинтересовался. Саша объяснил, что условия игры крайне просты. Двое играющих спорят на определенную суммы и по очереди называют любое число из натурального ряда чисел.

Они согласовали ставку в пятьдесят долларов, которая по тем временам являлась для нас огромной. После этого Саша предложил американцу назвать любую цифру. На лице американца обозначилась напряженная работа мысли, и подумав минуту, он называет цифру «7». На что Саша говорит: «А у меня «9», и ты проиграл.

Уверяю, я ничего не выдумываю, и надо было видеть лицо проигравшего янки, искренне поверившего в саму возможность существования в России подобной игры. Американец оказался истинным американцем, для которого деньги означали все.

Следующие пятьдесят минут он ходил за Сашей хвостом, упрашивая его сыграть снова. Наконец Саша, сжалившись над хозяином вечеринки, сказал: «В России есть и другая игра». Американец, не дожидаясь оглашения новых условий и Сашиной команды, снова назвал цифру, на сей раз «9». На что Саша ответил: «А у меня «5». Я говорил, что это другая игра, и в ней у кого цифра меньше тот и выигрывает».

Расстроенный американец снова отсчитал деньги. При этом он так и не понял, что это был обычный «прикол», а проще говоря по-русски его развели.

И такой психотип очень распространён среди обычных американцев. Остаток вечера он, уже изрядно пьяный, ходил по ресторану и рассказывал коллегам о том, что у русских есть очень интересная игра.

ПОБРАТИМЫ

В одной из поездок в Америке, где мы изучали технологию горизонтального бурения, после презентации мы поехали в кемпинг, в котором остановились. Нас сопровождал вице-президент компании по имени Стив, с которым мы естественно, решили выпить и закусить. Стив оказался настоящим индейцем из племени чероки.

В процессе выпивания он прошел через три известных стадии. Вначале он нас очень любил. На второй стадии сказал, что ненавидит нас, и через переводчика мы начали выяснять, что же такого плохо мы ему сделали.

Он ответил, что мы, русские, виноваты во всех бедах его страны, и что Америка, безусловно, могла бы нас разбомбить, но по каким-то причинам пока этого на делает. Без шуток оказалось, что в Штатах действительно почти каждый день по телевизору крутили ролики, комиксы и мультики, главным героем которых выступала летящая русская ракета.

В этих произведениях давались подробные рекомендации, что нужно делать в условиях ядерной бомбежки и как копать в земле убежища.

Де маленького Стива под воздействием такой наглядной агитации в течение десяти лет заставлял его копать в саду блиндажи, и все фрагменты этого «страшного» девства вылезли из подкорки пьяного Стива. Потом он успокоился и, вспомнив, что у него есть то ли бывшая, то ли действующая жена, начал ей названивать.

Видимо получив от нее нагоняй, он расплакался. Здоровый усатый мужик, по-детски уткнув голову в разбросанные по столу руки, рыдал и размазывал кулаками слезы. Мы его успокоили, налили стакан, и тут наступила третья стадия – он полюбил нас снова. Лучше бы он нас продолжал ненавидеть…

На столе лежал нож. Со словами «Я вас всех люблю!» он схватил его. Потом взгляд Стива остановился на Викторе Николаевиче Оськине, с которым все утро через переводчика они профессионально говорили о бурении.

С криком «Я тебя люблю!» он полоснул ножом по своей ладони.

Наш Виктор Николаевич, тоже уже хорошо поддатый, этим же ножом полоснул и свою руку. Через секунду в горячем рукопожатии они соединили окровавленные ладони, и Стив все время громко орал: «Я твой брат!».

Чтобы новоиспеченные побратимы вконец не истекли кровью, нам пришлось их перевязать. Потом отвести к врачу. На этом шоу было закончено.

Но сама история имела продолжение. Она явилась наглядной демонстрацией как нашего, так и американского менталитета.

Месяца через три в «Мострансгазе» подписывался контракт между представителями «Газпрома» и той американской фирмы. Все шло прекрасно, бумаги подписали, пошли на фуршет. Надо сказать, я всегда видел иностранцев насквозь, особенно когда они хотели разыграть какую-нибудь шутку или затевали нечто подобное.

И вот я обратил внимание на одного из них, с которым мы там в Штатах, ни разу не встречались. Он сидел и, поглядывал на меня, все время что-то шептал переводчику. Наконец, переводчик не выдержал, и спрашивает: «Господин Буховцев, а американский коллега очень интересуется, где мистер Оськин?».

Никто, кроме меня, из сидящих в зале всей истории не знал. Я ответил, что Оськин в командировке, и из вежливости, в свою очередь, поинтересовался, почему среди участников делегации нет мистера Стива. Внезапно вид моих собеседников сделался загадочным. Они переглянулись, и один из них произнес таким грустным голосом: «О, Борис, вы знаете, у мистера Стива не все хорошо…».

Я задаю следующий вопрос о том, что же такого неприятного произошло в жизни мистера Стива. Вижу, как глаза американцев хитро заблестели, и после паузы переводчик ответил: «Вы знаете, Борис, у мистера Стива, к сожалению, СПИД».

Дальше последовала пауза, во время которой они внимательно следили за моей реакцией.

К счастью, никто вокруг нас ничего не понимал и за нашим разговором не следил. Ну, СПИД - так СПИД. Я говорю переводчику: «Господа, я знаю, что мистер Стив и мистер Оськин побратимы, и я даже присутствовал при той процедуре, когда они пожимали друг другу порезанные руки и прочее… я тронут вашей заботой. Но вы можете не беспокоиться за мистера Оськина, так как ему уже давно ничего не грозит. Он чуть ли не с рождения болен сифилисом».

Причем весь этот текст я произношу с максимальными паузами, так как с радостью замечаю, что мои собеседники, слушая мой монолог, все больше напрягаются.

Когда смысл сказанного становится им понятен, один из гостей разворачивается к своей группе и что-то говорит. По лицам вижу, что у всех шок. Кто-то сразу бросается к телефону и начинает нервно звонить.

В это время окружающие, которые хотя и краем уха, но все-таки слышали обрывки нашего разговора, начали приставать ко мне с вопросом: «Какой сифилис, какой СПИД? Вы что тут ахинею несете?».

Приходится рассказать им всю историю, начиная с отправной точки. Когда они, наконец узнали, как пытались подшутить надо мной американцы и каким образом ответил им я, хохот стоял до ночи. Особенно всех развеселил тот факт, что адекватно принять мою ответную шутку у американцев просто не хватило ума.

Виктор Оськин, которому через неделю я пересказал события финала, смеялся до умопомрачения.

Наблюдая в настоящее время по телевизору за Джейн Псаки, я прекрасно понимаю, что происходит в их американских головах, и уже ничему не удивляюсь.

ИСКУПАЛСЯ

Очередной газовый конгресс проходил в Ницце. При этом мы жили в Каннах. Рядом с гостиницей находился зал, в котором проводился Международный Каннский фестиваль. Отдельно замечу, что место это не произвело ан меня никакого впечатления. Без драпировки и праздничной мишуры оно было весьма неказистым.

В один из дней все поехали на экскурсию на какой-то остров. Один наш товарищ отказался от поездки и решил позагорать и искупаться. Возвратившись, мы увидели нашего товарища, мечущегося по пляжу и пребывающего в пограничном состоянии между тихим трансом и глубокой паникой.

Из его рассказа следовало, что на берегу моря он разделся, в кармашек плавок спрятал всю имевшуюся наличность и пошел купаться. Во время купания его вещи украли. Мы, находясь в крайне веселом состоянии и пользуясь временным помешательством товарища, тут же потащили его в одних плавках по бутикам. Под удивленными взглядами раскрепощенных каннских жителей, которые наверняка наблюдали на своем веку не одно эпатажное шоу, мы провели его по трем магазинам и полностью одели.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Вот и закончились наши рассказы, но сколько еще историй хранит память газовиков. Приходят новые поколения, и память о былых свершениях не только в объектах добычи и транспорта газа, маленьких посёлках и целых городах, куда пришёл природный газ, но и в людях, рассказы о которых ещё долго будут передаваться от поколения к поколению. О людях, которые своим трудом создали эту грандиозную газотранспортную систему России. О людях, которые не только трудились, но и мечтали, дружили, любили, смеялись и грустили, находили и теряли.

Расскажите свои истории, которые могут войти в новую редакцию «Рассказы старых газовиков». Присылайте рассказы по адресу Victor@Gerke.ru.

Герке В.Г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....1

Чирсков В.Г.
А Я ВАС ДАВНО ЗДЕСЬ ЖДУ 2
ХОККЕЙ 2
ПРЕФЕРАНС 2
РЕЗНЯ 3

Гудзь А.Г.
ГЕРОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ТРУДА 3

Баталин Ю.П.
УРОК НА ВСЮ ЖИЗНЬ 3
МИНИСТР ХАОСА 4

Зайцев Ю.В.
РЫБАЛКА 5

Гайнуллин Ф.Г.
ПОДАРОК 5
ПОЖЕЛАНИЕ 5

Петличенко Н.В.
СПОКОЙНЫЙ СОН.....5
ПАПКА 6
НОВОЕ НАЗНАЧЕНИЕ.....6

Демидов К.А.
СЛУЖЕБНЫЙ ЭТИКЕТ.....7

Никоненко И.С.
КАК ДУША ДРОЖИТ.....7
ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ И УЧАСТИЕ 7

Гранин М.П.
ЭКСПРОМТ.....8

Мадьяров Д.А.
А НАМ СВЕТИТЬСЯ НЕ НАДО.....8
РУССКИЙ ЯЗЫК 8

Дережов С.Р.
ДВА МИНИСТРА 9

Шмаль Г.И.
ЛЮБИМЫЙ ПРАЗДНИК МИНИСТРА 9

Черномырдин В.С.
ПЕРВЫЙ РАБОЧИЙ ДЕНЬ В ОРЕНБУРГЕ 9
ДЕНЬ ВЗЯТИЯ БАСТИЛИИ 9
РАЗВИЛКА ДОРОГ 11
НАШИ 11
АФФАРМЛЯЕТСЯ 11
КОЛЛЕГИЯ 12
МЕСТ НЕТ! 13
УНИКАЛЬНА ЛИЧНОСТЬ 13
ПОТОЛОЧНЫЙ ШОВ 14
КОСТЮМ В СИНИЮ ПОЛОСОЧКУ 15
Я ПРОТИВ, НО ВОЗРАЖАТЬ НЕ БУДУ 15
ЗАЦИКЛЕНЫЕ КОРЕСПОНДЕНТЫ 15

Вяхирев Ю.Р.
ПЕШКОМ В МИНИСТЕРСТВО 16

Степанов А.В.
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ 16

Динков В.А.
ПОЛЕВЫЕ 17
БУХГАЛТЕР 17

Соколовский И. И.
АРАЛ 17
ЛОХМАТЫЙ 21
ГОША 23
ШПИОН 23

Байгузин Р.Н.
ГИТАРА 24

Кошелев Н.А.
БОРЦЫ 24

Чумаков В.Я.
КОНСТРУКТИВНЫЙ РАЗГОВОР 25

Вербило А.С.
ПРЕФЕРАНС ПОД САЛО 26

Посягин Б.С.

АКАДЕМИКИ 26
СЕЛЕКТОРНОЕ 26
ПОДАРКИ ПРОШЛОГО 27

Коновалов В. А.

ФИЛОСОФ 28
ВОРОВСТВО 28

Захаров Г. И.

ТЕЛЕФОНОГРАММА 29

Цветков Е. В.

ДВОЙНАЯ ФАМИЛИЯ 29

Батурлина Е. Н.

СВЯЗЬ ИЗ МАШИНЫ 29

Подмарков В. Ю.

СЖИЖЕННЫЙ ИЛИ ПРИРОДНЫЙ 30
А МОЖНО ЕЩЁ ПИЦЦЫ?....30

Седых А. Д.

ДЖИГИТ 30

Демидова Л. И.

СХЕМА ЕСГ 31

Калмыков В. В.

ЖЕЛЕЗНЫЙ ФЕЛИКС 31

Герке В.Г.

КЛЮЧ....31
ТЕЛЕФОН....33
ЗАДВИЖКА....35
СПОР....36
СОБАЧИЙ СУП....38
МОТОРОЛЛЕР....39
ГИТАРА....41
САМОЕ ГЛАВНОЕ В ЖИЗНИ....42
САУНА....45
ГАЗИФИКАЦИЯ....46
MUSHROOMS....47
ДЖИНСЫ....48
ЗОНА НЕУВЕРЕННОГО ПРИЁМА....51
ДЖЕННИФЕР ГРИФС....52

МУЛАТКА.....53
ДОКУМЕНТАЦИЯ.....56
РЕСТОРАН.....57
БОЛЬШОЙ СПЕЦИАЛИСТ.....57
БАССЕЙН.....58

Решетнёв В.С.

ПЕРВЫЙ ВЕРТОЛЁТ.....58
ПЕРВОЕ БЛАГОУСТРОЕННОЕ ЖИЛЬЁ.....60
ВИКТОР СЕРГЕЕВИЧ.....61
ПЕРВЫЙ ТАКЕЛАЖ.....62
ОБСКИЕ ОСЕТРЫ.....62
ДОГАДЛИВЫЙ НЕМЕЦ.....65
КНЯЖЕНИКА.....70
ВПЕРВЫЕ НА ЯМБУРГЕ.....72
РОСОМАХА.....75

Солодовников Ю.В.

КРАСКА.....76
ХУЛИГАН.....76
ПЫЛИМ.....77
КОМАРЫ.....77

Михайличенко А.Б.

ГРИБ.....77

Цыганенко П.Т.

ТРОЯКИ.....78
ОБЕД.....78
БОРОДА.....78
ХЛЕБ.....79
САПОГИ.....80
ТЕПЛОХОД.....80
ГАДАЛКА.....81
«…МОЙ АДРЕС НЕ ДОМ И НЕ УЛИЦА…».....82

Крижановский А.Н.

ВЕРТОЛЁТ.....82
ИНОСТРАННЫЕ ШЕФ-ИНЖЕНЕРЫ.....83
ОБТАПТЫВАНИЕ ВРУЧНУЮ.....85
9 МАЯ.....85

Першуков В.М.

ЮЖНЫЙ БАЛЫК.....86
ВИА «ДУБЫ СИБИРСКИЕ».....86
КНИГА.....86

Безюкевич В.А.

МЕТИЗЫ 86

Шнейдер В.С.

SCHAISSE 87

Рощин Ю.А.

ПЕРСПЕКТИВА 87
НОВЫЙ ГОД 88

Худин В.А.

ВЕРТОЛЁТЧИКИ 89
ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА НОРИЛЬСК – ЛАБЫТНАНГИ 89
ПЕРВЫЕ ПУСКИ 89
КАТОК 91

Герке Г.В.

СЛУЧАЙ В ОТДЕЛЕ 91
КРИВАЯ ФАМИЛИЯ 92
ХРУСТИТ? 92
ИСТОРИИ ИЗ ЖИЗНИ ПОЛКОВНИКА МАОРВОЙ 93
ОТКУДА ПРИБЫЛИ? 94
КАКОЙ КОМПАНИЕЙ ЛЕТАЛИ? 95
ПЬЯНИЦА 95
ЭПИЛОГ 97
ЗА ХЛЕБОМ 97
УЩЕРБ 98

Немцев Г.Н.

КЛАДОИСКАТЕЛИ 99
НЕДОЛЁТ 100
ОРАКУЛ 101
СУХОЕ ВИНО 101

Лисовая Л.Н.

ТИМОФЕЕВКА 102

Струбцов Ю.А.

НО, КАТЕРПИЛЛЕР 102

Осипенко С.Н.

ТЕЛЯТА 103
ЗАПОРОЖЕЦ В КАНАЛЕ 103
РАЙМОНД ИЩЕТ ЖЕНУ 105
ГЛАВНЫЙ ДИСПЕТЧЕР 106

ВЕРТОЛЕТНЫЕ ГРИБЫ.....107
ТЕАТРАЛЬНАЯ БУТЫЛКА.....108

Буховцев Б.М.

КАЗАХСКИЙ ЯЗЫК.....108
КОЛЕСО.....110
УЗБЕК.....110
ПУХОВЦЕВА.....111
ВЕТЕРАН.....112
ГУСИ.....113
МАГНИТОФОН «ВЕСНА» 114
КОНТРАБАНДИСТ.....115
ОРДЕН.....115
СПРОС И ПРЕДЛОЖЕНИЕ.....116
ЗАНЗИБАР.....117
ПОБРАТИМЫ.....117
ИСКУПАЛСЯ.....117

Содержание.....120
Послесловие.....119
Литература.....126

ЛИТЕРАТУРА

В сборнике использовались материалы из книг:

1. Люди и судьбы. История одной монтажной организации. 2020 г. Брянск.
2. Люди особого сплава. 40 лет ЦПДД. Газпром. 2001 г. Москва.
3. Начальник ремонта. Илья Соколовский и его современники. 2019 г. Москва.
4. Рассказы В.С. Решетнёва на сайте проза.ру. (https://www.proza.ru/avtor/rvs868evrB).
5. Большой газ: Освоение северных кладовых. 2001 г. Москва.
6. Время выбрало нас. Виктор Черномырдин. 2011 г. Москва.
7. Рем Иванович Вяхирев. 2014 г. Ярославль.
8. Без скидок на возраст. Николай Кошелев. 2000 г. Москва.
9. От Мангышлака до Москвы. Записки газовика. Борис Буховцев. 2014 г. Москва.